

ДАНА
АРНАУТОВА

ЕВГЕНИЯ
СОЛОВЬЕВА

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

МЕЖДУ ВОРОНОМ
И ЯСТРЕБОМ

ТОМ 1
КНИГА 4

ИДДК

**Дана Арнаутова
Евгения С. Соловьева
Между Вороном
и Ястребом. Том 1**
Серия «Королева Теней», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69925324

Аннотация

Грегор Бастельеро был уверен, что никто и никогда не узнает о его преступлении. Еще он твердо знал – победителей не судят. Но у его противников другое мнение на этот счет. Дочери магистра Морхальта постарались забыть о тайнах отца, но рано или поздно всплывают любые тайны. Аластор верил, что знает все о трудностях, с которыми приходится столкнуться королю, но теперь ему предстоит принять куда более тяжелое решение, чем прежние. Куда же свернут пути тех, кого жизнь свела с Айлин – камушком в колее судьбы?

Содержание

Глава 1. Платье для Марты	5
Глава 2. Необходимые меры	34
Глава 3. Призраки мертвой любви	61
Глава 4. Очень странный дом	94
Глава 5. Барготова звезда	128
Глава 6. Один обед и два ужина	162
Глава 7. Тайны и традиции	207
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Дана Арнаутова, Евгения Соловьева Между Вороном и Ястребом. Том 1

© Арнаутова Дана, Соловьева Евгения

© ИДДК

Содержание цикла "Королева Теней":

Книга 1. Двойная звезда. Том 1

Книга 1. Двойная звезда. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 1

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 2

Книга 2. Клинком и сердцем. Том 3

Книга 3. Грани безумия. Том 1

Книга 3. Грани безумия. Том 2

Книга 4. Между Вороном и Ястребом. Том 1

Глава 1. Платье для Марты

«Второго дня шестого месяца сего года, от пришествия Благих 584-го, мы, Аластор Кеннет Лоренс Ульв Дорвенн, король и владетель Дорвенанта, позволяем леди Айлин Мелиссе Элоизе Игрейне Бастельеро, в девичестве леди Дориан, покинуть дом ее супруга лорда Грегора Людвига Стефана Валериуса Бастельеро и жить там, где она пожелает. Лорд Грегор Бастельеро вправе не выделять своей жене содержание, если такова будет его воля, однако леди Айлин Бастельеро вправе забрать из дома супруга свое личное имущество согласно „Правде Дорве“ и по правилу „нитки и ложки“, в чем ей никто не должен препятствовать. Лорду Грегору Бастельеро запрещено искать встреч с женой, кроме как по ее желанию и предварительной договоренности, а также в присутствии родственников или доверенных лиц леди Бастельеро. Лорду Грегору Бастельеро запрещено увозить своего сына Аларика Раэна Стефана Малкольма Бастельеро из Дорвенны в любом направлении, не известив об этом его мать, а также не испросив позволения его величества Аластора. Лорду Грегору Бастельеро запрещено препятствовать встречам леди Айлин Бастельеро с ее сыном Алариком Раэном Стефаном Малкольмом, каковые встречи леди Айлин Бастельеро вправе устраивать

по своему усмотрению. Леди Айлин Бастельеро надлежит заблаговременно уведомлять супруга о желании навестить сына, лорду Грегору Бастельеро на время этих встреч надлежит удаляться из дома. Следить за соблюдением нашей воли, изложенной в этом указе, мы поручаем Аларику Маркусу Роланду Стефану, лорду Бастельеро. Лорду Аларику Маркусу Бастельеро следует оставаться в Дорвенне, в родовом особняке Бастельеро до следующих наших распоряжений».

Изящный почерк секретаря, безупречно ровный и украшенный витиеватыми завитушками, расплывался перед глазами, так что Грегору пришлось читать медленно, пытаясь вникнуть в смысл каждого отдельного слова. А под основным текстом указа, между последней строкой и ало-золотой печатью с королевским гербовым львом, было дописано уже другой рукой и другим почерком – тоже ровным, но простым, округлым и разборчивым, как у старательного ученика:

«Если с лордом Алариком Маркусом Бастельеро произойдет несчастный случай, или его поразит проклятие, или неизлечимая болезнь, или же он как-то иначе скоропостижно оставит этот мир, его внук Аларик Раэн Бастельеро немедленно перейдет под опеку короны и мою лично, согласно моему долгу воспитателя перед Благими. Аластор Дорвенн».

Грегор перечитал бумагу трижды, но смысл слов, выведенных траурно-черными чернилами и заверенных королев-

ской печатью, оставался прежним. Чудовищным! Невозможным! Еще и эта приписка! Надо же, какое великодушие! Их величество собственноручно изволил добавить к указу, что ни в ломаный флорин не ставит отцовские права Грегора, его честь главы рода и любовь к сыну!

Он разжал пальцы и позволил тяжелому пергаменту упасть на стол. Медленно поднял взгляд. Лорд Аларик стоял перед столом в кабинете главы рода – кабинете Грегора! – скрестив руки на груди и спокойно взирая, как Грегор читает привезенный им документ. Как его занесло во дворец?! И почему король прислал это чудовищное оскорбление не с курьером, а с членом рода?! Почему он вообще решил вмешаться в семейные дела Грегора таким образом?!

– Так вы, милорд, теперь прямой проводник воли его величества? И мой личный надзиратель? Нечего сказать, немалое доверие вам оказали – следить за собственным сыном, словно шпиону! А если вы свернете себе шею на охоте или утонете на этой вашей... рыбалке?! – выплюнул он, и лорд Аларик невозмутимо пожал плечами.

– Надеюсь, мы оба станем молить Претемнейшую, чтобы этого не произошло, – сказал он с такой спокойной деловитостью, что это было похоже на изысканное оскорбление. – Со своей стороны клянусь приложить все усилия, чтобы как можно дольше оставаться живым и в полном здравии. Второй экземпляр указа я обязан вручить своей невестке и проследить, чтобы воля короля относительно свободы леди Ай-

лин была исполнена в точности.

Воля короля... Вручить Айлин... Между прочим, а где она? И что вообще происходит?! Сегодня утром Грегор покинул дом после очередной размолвки, но даже тогда между ним и Айлин речи не шло о раздельном проживании! Больше того – о королевской опеке над их сыном, о свиданиях по разрешению и при свидетелях, о том, что Айлин покинет мужа, сына, их общий дом!

Конечно, она была расстроена его отказом в визите к Эддерли, но промолчала! Лишь для того, чтобы вонзить ему в спину нож! Сговорившись за этой самой спиной с королем и своим драгоценным свекром... Такой указ не получить в любой момент, его нужно готовить заранее! Во всяком случае, написать прошение... А обратиться с просьбой напрямую без документов Айлин было попросту некогда! И... где она? Почему не встретила его из Академии? Он ведь нарочно вернулся домой раньше, привез ей цветы, ее любимые белые розы, надеясь загладить утреннюю ссору... Неужели она все-таки ослушалась и уехала к Эддерли?!

Лорд Аларик так же молча смотрел на него, и Грегор почему-то подумал, что отец лишь немного моложе, чем был дед, когда умер. А выглядит крепким, здоровым и полным жизненных сил, хотя он-то, в отличие от лорда Стефана, профан. И Аларику-младшему он приходится дедом, как Стефан – Грегору... И так же, как Стефан, может теперь отстранить родного отца от воспитания сына, наверняка король пожалу-

ет ему и это право, если лорд Аларик пожелает. Какая жуткая... несправедливость! И как изощренно мстительна бывает судьба...

– Это вы, – едва ворочая ставшим вдруг непослушным языком, выдавил Грегор. – Это все вы... Вы составили это прошение. Вы посмели...

– Я, – согласился лорд Аларик. – Человек смеет многое, когда ему есть что терять. Я потерял трех дочерей из-за проклятия вашей матери и скорее умру, чем соглашусь потерять четвертую из-за вас. Пусть даже родную не по крови, а по сердцу.

Грегор отстраненно подумал, что еще вчера спасительная ярость вспыхнула бы в нем от куда менее оскорбительных слов, но сегодня гнев только тяжело ворочался где-то в глубине души сонным сытым зверем. Повезло же лорду Аларику!

– Я вас ненавижу, – уронил он, глядя прямо в глаза человеку, которого больше даже в мыслях не собирался звать отцом, и вдруг увидел в них то, чего не ожидал и не желал видеть ни в ком – жалость.

– Я вполне вас понимаю, – проговорил лорд Аларик с бесконечно оскорбительным сочувствием. – Я тоже ненавидел бы человека, отнявшего у меня смысл жизни. Поверьте, будь вы чуть менее похожи на вашего деда... впрочем, оставим это. Я поступил бы так снова. Но если вам легче ненавидеть хотя бы меня – да будет так.

Коротко поклонившись – ровно настолько, насколько положено кланяться главе рода, лорд Аларик направился к двери, но дойти не успел – она открылась, и на пороге возник дворецкий.

– Милорд... – выговорил он с немалым трудом, глядя куда-то между Грегором и лордом Алариком, так что было не совсем понятно, к кому именно обращается. – К вам городская стража. Просят пожаловать в городскую мертвецкую...

– Что? – переспросил Грегор онемевшими вдруг вслед за языком губами.

– Напали на карету миледи! – выдохнул дворецкий. – Кучер убит. И Эмма... простите, милорд, сударыня Эванс! – поправился он, и только эта жалкая оговорка напомнила, что Эванс его племянница.

Боги, да причем тут Эванс?! Так, погодите... Карета?! Айлин выехала из дома, Эванс ее сопровождала...

– А... миледи?... – тихо спросил лорд Аларик, и в его голосе Грегор ясно услышал тот же ужас, что охватил его самого.

Претемнейшая, как же он был зол на Айлин еще несколько мгновений назад! И какой мелкой выглядела эта злость сейчас...

– Пропала, – обреченно ответил дворецкий.

Стены покачнулись, и в глазах у Грегора потемнело.

– Госпожа, госпожа, очнитесь...

Айлин с трудом открыла глаза, не понимая, где она и почему мелодичный женский голос обращается к ней так странно, да еще и с необычным выговором.

– Госпожа очнуться! – возразовалась женщина, и прямо перед собой Айлин увидела смуглое лицо, на котором ярко горели огромные черные глаза. – Хотите пить, госпожа? Амина принести холодный шербет!

Шербет? Айлин понятия не имела, что это такое, но во рту пересохло, и она облизала губы. Смуглая черноглазая незнакомка помогла ей сесть и опереться спиной о подушки, поднесла стакан с питьем – и вправду холодным, восхитительно пахнущим. Жадно выпив шербет, который оказался похож на оранжад, только с лимоном и какими-то восточными пряностями, Айлин отдала стакан и посмотрела на женщину.

Настоящая восточная красавица! Черные как смоль волосы выглядывают из-под красного платка, глаза густо подведены, губы тоже влажно алеют краской, а одежда! Одета незнакомка была в штаны, длинную тунику и мягкие домашние туфельки, тоже украшенные вышивкой. Почти как Айлин для того злополучного маскарада, только не в зеленое и бронзовое, а в черное с золотом, и туника гораздо длиннее, почти до щиколоток... Очень красиво! Совсем не по-дорве-

нантски...

И тут же Айлин задохнулась от ужаса, разом вспомнив все! Нападение на карету, убитую Эванс, человека с бретерской серьгой, которого убила она сама, Пушка... Пушок! Он остался там, в карете! Беспомощный, пораженный какой-то магической атакой... А вдруг лорд Бастельеро его теперь упокоит?! И что это были за люди, которые отравили их с Эванс ядовитым дымом, хладнокровно избавились от кучера и компаньонки, но пытались быть вежливыми с Айлин?!

Она вспомнила, что бретер, если только серьга означала именно это, говорил по-фрагански, как и остальные негодяи... А сейчас перед ней уроженка то ли Вендии, то ли Султаната! Что все это значит? Кто притащил ее сюда, неизвестный спаситель или помощник похитителей? И куда именно?!

– Где я? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Кто меня сюда доставил? Я хочу видеть этого человека!

– Да, госпожа! – заулыбалась женщина, словно Айлин сказала ей что-то очень приятное. – Госпожа скоро видеть господин! Амина помогать госпожа умыться и одеться!

– Одеться...

Только сейчас Айлин заметила, что лежит в кровати почти раздетая, в одном только белье, а ее платье куда-то исчезло. Она вспыхнула от возмущения, но попыталась уговорить себя, что раз рядом была только эта женщина, наверное, она и помогла раздеться.

– Где мои вещи? – спросила Айлин, пытаясь понять, кто же перед ней.

Разговаривает незнакомка почтительно, шербет подала как опытная горничная, да и зовет Айлин госпожой. С другой стороны, наряд у нее очень дорогой, в ушах – тяжелые золотые серьги, а на пальцах, когда женщина подносила напиток, блеснули драгоценные кольца. В Дорвенанте далеко не каждая леди может себе позволить такую роскошь.

– Где я? – добавила Айлин и тут же спохватилась, рассудив, что эта заботливая дама вряд ли виновата в ее похищении, так что стоит быть повежливее. – О, простите, и как вас зовут?

– Меня звать Амина, – сказала женщина и добавила с какой-то простодушной и немного странной гордостью: – Амина следить за порядком в этом доме и ждать, когда господин приведет госпожа. Теперь Амина служить госпожа! Амина очень хорошо служить! Госпожа быть довольна! Платье госпожи совсем плохой! Грязный, рваный, вонять дымом, фу! Амина принести госпоже другой платье, красивый! Господин увидеть госпожа в красивый платье и сказать – ах!

Она закрыла глаза одной ладонью, а вторую приложила к груди, видимо, изображая, как будет потрясен неведомый господин.

– Жду не дождусь, – процедила Айлин. – Мне тоже очень многое нужно сказать этому господину!

Видимо, таинственная Амина приняла это за согласие, по-

тому что вскочила, метнулась в угол спальни и тут же вернулась с длинным одеянием, больше всего напоминающим ночную рубашку, только из плотного бирюзового шелка и густо расшитую по подолу и рукавам золотой нитью, как и у самой Амины.

– Это платье?! – ужаснулась Айлин.

Несмотря на вполне приличную длину и то, что ткань не просвечивала, выглядело платье слишком необычно и откровенно. Под него ведь даже нижнюю юбку не наденешь, платье слишком узкое и подчеркнет фигуру так, что любое белье будет заметно! Она даже на маскарад не одевалась так откровенно, а здесь чужой дом, да еще и господин какой-то!

– Лучший платье! – уверила ее Амина и со вздохом добавила: – Госпожа привыкла к другой одежде, Амина понимает, но лучше непривычный платье, чем грязный.

Мысленно с ней согласившись, Айлин как можно незаметнее осмотрелась. И тут же немного успокоилась – спальня, просторная, хотя и не такая огромная, как в доме Бастельеро, оказалась совершенно дорвенантской и даже немного напоминала ее комнату в доме тетушки. Светло-кремовые стены, легкие зеленые занавеси на окнах, сейчас отдернутые, отчего комнату заливало солнце, распахнутые окна, в которые веял свежий ветерок, но главное – мебель! Изящная, но не такая вычурная, как это любят во Фрагане или Итлии, украшенная затейливой резьбой, но без малейших следов позолоты или инкрустаций. Вряд ли во Фрагане, не го-

вора уже о Вендии или Султанате, принято обставлять комнаты дорвенантской мебелью, а значит Айлин, скорее всего, еще на родине.

Комната, кстати, гостевая – красивая и удобная, но не имеющая отпечатка хозяина или хозяйки – а значит, дом, где Айлин очнулась, принадлежит отнюдь не бедным людям. Да и в окно видны деревья, а окружить дом садом может позволить себе не каждый горожанин. Разве что ее увезли в загородное поместье? Тогда неизвестный господин еще и дворянин. Впрочем, скоро она все узнает наверняка, а гадать бессмысленно.

– Пожалуй, мне и правда нужно умыться, – решила она и попыталась встать.

На удивление, тело слушалось легко, нигде ничего не болело, только в горле першило – от дыма, наверное. Амина подвинула к самой кровати пару туфелек, и Айлин сунула в них ноги. Только теперь она почувствовала, что от нее действительно пахнет дымом, и одним умыванием это вряд ли исправить, здесь нужна полноценная ванна, чтобы промыть волосы...

«А сударыня Эванс мертва», – снова вспомнилось ей, и Айлин вздрогнула. Она терпеть не могла компаньонку и мечтала, чтобы та куда-нибудь делась, но такой судьбы, видят Благие, никогда ей не желала.

Амина распахнула перед Айлин дверь в углу спальни – там оказалась небольшая уборная, очень чистая и аккурат-

ная, без ванны, зато с прекрасным умывальником и зеркалом.

– Амина проводить госпожа в купальня! – заверила странная женщина, то ли прислуга, то ли хозяйка дома. – Весь день мыться, чесать волосы, мазать лицо и тело! Быть самый красивый! Потом! Когда господин успокоиться! Очень бояться, что госпожа нехорошо! Принести на руках, велеть Амина раздеть госпожа и сидеть с ней! Сказать, что госпожа очнется очень злой!

– Надо же, как хорошо этот неизвестный господин меня знает, – пробормотала Айлин, наклоняясь над умывальником. – Хотя... он, наверное, видел...

Она вспомнила, как нож вошел в тело человека, и ее замутило. Сражаться с демонами и даже с кадавром – это совсем другое! Да, она метала Молоты и огненные шары, но изда-лека! И Денвер уже был мертв, когда она его добила, чтобы упокоить... А вот так, своими руками... Ударить и увидеть, как жизнь гаснет в чужих глазах... Пусть это был враг, но все-таки человек!

«А разве этот человек пожалел кучера и Эванс? – возрази-ла она себе, ожесточенно плеща в лицо теплой чистой водо-й. – Они же ни в чем не были виноваты! Только в том, что попались под руку...»

– Госпожа – дочь воина и сама воин, – сказала Амина с великолепной невозмутимостью. – Госпожа драться и убить врага. Хорошо! Господин – сильный мужчина, ему на-

до сильный женщина!

Айлин стиснула зубы. Ничего себе намеки! Кто бы ни был этот неизвестный господин, лучше ему вести себя прилично и ни на что не рассчитывать! Даже в браслетах она может за себя постоять!

Дождавшись, пока Айлин умоется, Амина подала ей полотенце, а потом принялась осторожно расчесывать, действуя гребнем решительно и в то же время деликатно. Быстро заплела Айлин косу с золоченым шнурком вместо ленты, подала платье... Айлин оглядела себя и признала, что выглядит довольно прилично. Жаль, ножа нет. Наверное, остался в карете рядом с Пушком.

«Если с Пушком что-нибудь случится... – Она вздохнула, пытаясь удержать слезы. – Какая же я все-таки злая. Эванс и кучера мне жалко, но так... не очень. А стоит подумать о Пушке... Хоть бы с ним все было хорошо! Он же мертвые, рапиры и дым не могли ему повредить... Это наверняка магия! Вроде той, что использовал мэтр Денвер, когда забрал у Пушка силу...»

Она вышла из уборной и радостно вскрикнула. Пушок! Совершенно живой и здоровый – и плевать, что нельзя так сказать об умертвии! Он сидел на ковре перед кроватью и вилял хвостом, а увидев Айлин, вскочил и бросился к ней, радостно сияя синими глазами.

– Пушок... – всхлипнула Айлин, плюхнувшись на кровать и обхватив мохнатую шею пса руками. – Собачка моя... Хо-

роший... Как же ты меня нашел?!

– Подозреваю, что с помощью магии, – раздался от двери голос, и Айлин замерла, стиснув Пушка, а потом медленно подняла голову и посмотрела на говорившего.

– Вы... – сказала она беспомощно, вдруг сообразив, что можно было просто спросить у Амины имя ее господина и не мучиться догадками и неизвестностью. – Это вы меня спасли... Снова...

Кармель, стоявший у двери, молча склонил голову. Он был одет в простые черные штаны и белую рубашку, а еще почему-то стоял босиком, словно только что вышел из купальни или покинул постель. Совершенно простой, домашний, с влажными волосами, собранными в хвост, и неглубоким порезом, виднеющимся в открытом вороте рубашки. Алый росчерк чьего-то лезвия начинался у горла и заканчивался ниже ключицы. Айлин задохнулась от запоздалого страха...

– Все хорошо, – сказал разумник, заметив ее взгляд, и улыбнулся одними глазами, как умел только он. – Немного неудачно вышел из портала и потерял пару мгновений, пока отнимал эту рапиру.

– Это были вы! – повторила Айлин. – Но как?!

Она отпустила Пушка, и пес развалился у ее ног на ковре с таким видом, словно всегда здесь лежал.

– Вот.

Он потянулся рукой за ворот рубашки и вытащил знако-

мый медальон, висящий на цепочке.

– Помните? Поисковый артефакт с прядью ваших волос. Он все еще действует. К счастью, когда на вас напали, рядом со мной был наш общий друг Лучано. Ваша связь в очередной раз пробила блоки, он понял, что вы в беде, и я использовал амулет. На небольшом расстоянии вполне можно поставить портал по привязке к объекту. – Кармель немного нахмурился и добавил: – Только обещайте, что сами так никогда не будете делать. Выход из портала в неизвестное место может быть очень опасен.

– Я... знаю... – отозвалась Айлин. – Можно попасть в дерево, стену или даже человека. Но как же тогда вы?!

– Я удачливый, – наконец улыбнулся магистр. – Но лорда Фарелла, уж простите, с собой брать не стал... Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – растерянно ответила Айлин, чувствуя, как сотни мыслей теснятся в голове и одновременно рвутся на язык. – А кто это был?! Они... убили кучера и сударыню Эванс, мою компаньонку. Мне ведь нужно теперь вернуться домой? То есть в дом лорда Бастельеро... Или нет? Я надеялась получить сегодня королевский приказ о отдельном проживании с супругом. Батюшка Аларик поехал за ним во дворец... А теперь он будет думать, что меня похитили или убили?! И Аластор с Лучано тоже?! И если я не вернусь, лорд Грегор начнет меня искать, а я даже не знаю, должна вернуться или нет...

Она всхлипнула, осознавая, что не может сказать все, что болит внутри. Объяснить, как так получилось, что еще утром она собиралась дожидаться позволения Аластора и уехать в собственное поместье, а сейчас не понимает, что случилось и как ей теперь жить. Возвращаться или нет, кому сообщать о похищении, о чем говорить...

– Все будет хорошо, Айлин. – Кармель шагнул к ней и, опустившись на одно колено, взял ее руки в свои. Айлин только успела заметить, что Амина тихонько выскользнула из спальни, оставив их наедине. – Я пока не знаю, кто на вас напал, но обязательно это выясню. Его величеству и лорду Фареллу мы сообщим, что вы в безопасности. И вашему свекру, если хотите, тоже. Но в дом лорда Бастельеро вам сейчас возвращаться нельзя. Поверьте, это большая удача, что никто, включая вашего супруга, не знает, где вы находитесь.

– Почему? – с трудом спросила Айлин, замороженно глядя в темные глаза, такие близкие, полные заботы за нее...

– Потому что... – Кармель тяжело вздохнул и признался: – Я понимал, что этот разговор должен состояться, но рассчитывал иначе сообщить вам очень тревожные и печальные новости. Айлин, лорд Бастельеро душевно нездоров. И именно вы находитесь рядом с ним в гораздо большей опасности, чем кто-либо другой. Вам не следует возвращаться к нему, не следует с ним видаться или давать ему знать, где вы находитесь. Я обещаю, что позабочусь о вашей будущей свободе, но это потребует времени. И... вашего доверия. Если не ко

мне, то хотя бы к вашим друзьям, которые тоже за вас боятся.

– Душевно нездоров? – беспомощно повторила Айлин. – Но... я видела его сегодня утром. Он был совсем обычным! То есть как всегда... Пойдите, вы думаете, он из-за этого?! Дуэль с Саймоном – это из-за болезни?!

– Разве что косвенно, – сказал Кармель, держа ее ладони в своих, огромных и горячих, от которых по всему телу Айлин расходилось волшебное тепло. – Боюсь, что решение лорда Бастельеро проклясть вашего друга было вполне осознанным. А вот сам вызов на дуэль... Айлин, между просто дурным характером и душевной болезнью лежит пропасть, которую большинство людей никогда не перешагнет, но лорд Бастельеро, увы, ее преодолел. Есть некие обстоятельства... Я расскажу о них, но вам лучше сначала отдохнуть, успокоиться, прийти в себя...

– И вы думаете, что я теперь успокоюсь? – возмутилась Айлин. – Какие обстоятельства?! Я должна знать! Если вы правы... Кармель, там же мой сын! И батюшка Аларик... И слуги...

– Уверен, вашему сыну ничего не угрожает, – терпеливо сказал магистр. – Нездоровье лорда Бастельеро имеет определенную природу, которая касается именно вас. Хорошо, я расскажу. Но обещайте, что потом вы не кинетесь в особняк Бастельеро и вообще никуда не сбежите, а останетесь здесь, в моем доме. Хотя бы пока не придете в себя и не начнете мыслить совершенно хладнокровно.

– Когда это я... – опять возмутилась Айлин и осеклась. Виновато посмотрела на Кармеля и, шмыгнув носом, призналась: – Вы правы, я действительно способна на ужасные глупости! Но я обещаю! В этот раз – никуда не сбегу!

Отпустив ее руки, о чем Айлин немедленно про себя пожалела, Кармель встал, прошелся по спальне, а потом, остановившись у окна, негромко и размеренно заговорил:

– Вчера вечером меня навестила моя бывшая соученица, магесса Белой гильдии Элегия Барлис. Вам вряд ли знакомо это имя, но, возможно, вы слышали о заведении, которое называется «Страстоцвет»?

Сидя на кровати, сложив руки на коленях и не сводя взгляда с Кармеля, Айлин кивнула и постаралась не смутиться. Трудно ни разу не услышать о лучшем борделе Дорвенны, если учишься в Академии. О, конечно, Вороны ни за что не стали бы говорить при ней на такие... неприличные темы, но знали бы они, о чем говорят между собой девицы, когда юноши их не слышат! А может, и хорошо, что не знают?

– Госпожа Барлис приехала ко мне за советом, она была испугана и ошеломлена, – продолжил Кармель. – Вчера вечером, парой часов раньше, ее заведение посетил лорд Бастельеро, ваш супруг. Он выбрал одну из девушек по имени Марта и провел с ней некоторое время. Потом щедро расплатился с хозяйкой и уехал, но когда госпожа Барлис поднялась в комнату к Марте, то обнаружила, что девушка мертва. Убита, причем не проклятием, а голыми руками.

Айлин вдруг стало холодно.

– Убита? – беспомощно переспросила она. – Как убита? То есть... зачем?! Зачем лорду Бастельеро могло понадобиться... Кармель! Милорд магистр... Я не понимаю!

– Хотел бы и я не понимать, – пробормотал Кармель так тихо, что Айлин едва его расслышала, и добавил громче: – Эта девушка была рыжей, зеленоглазой и веснушчатой. Очень похожей на вас, простите за такое сравнение. Скажите, вчера вы ссорились с супругом?

– Вчера? Нет! – Айлин выдохнула это совершенно искренне, а потом вспомнила – и прижала к щекам ладони. – Погодите, я... Это была не ссора... Гораздо хуже... После этой проклятой дуэли я... Я не хотела с ним разговаривать! А вчера днем ему прислали шкатулку с перьями. Шпильки в виде перьев, которые носили Вороны, понимаете?!

– Прекрасно понимаю, – кивнул Кармель. – Всей Академии известен знак уважения особого курса к своему наставнику. Вы хотите сказать, они прислали эти шпильки лорду Бастельеро?

– Да, – кивнула Айлин и отчаянно добавила: – Ни письма, ни объяснений. Только шпильки. Все, даже шпилька Саймона... И я... я добавила к ним свою... Я же не знала! Он... просто уехал из дома! И вернулся поздним вечером, почти ночью... Я опять не стала с ним разговаривать, и ушла к себе... А сегодня утром все было как обычно, только... Пришло письмо от леди Эддерли...

– Письмо? – резко уточнил Кармель. – От Эддерли, вы уверены?

– Я его не читала, – тихо сказала Айлин. – Лорд Бастельеро мне не позволил. Но он прочел его вслух, там было написано, что Саймон пришел в себя. И что леди Эддерли приглашает меня... Ну, вы понимаете?! Разве я могла не поехать?! Хотя лорд Бастельеро мне запретил...

– Вполне понимаю, – снова согласился Кармель. – Он вам запретил, и вы, разумеется, поехали. Боюсь, моя дорогая, это письмо было не от леди Эддерли. Саймону еще несколько дней придется провести в лечебном сне. Если бы даже он пришел в себя, леди Эддерли не стала бы никого приглашать с визитами, даже вас, она бы, скорее, постаралась опять усыпить Саймона... Но да, теперь я понимаю... О, еще как понимаю! Особый курс отказался от бывшего наставника, но последней каплей стало то, что к ним присоединились вы...

Он помолчал, глядя на совершенно раздавленную виной и испугом Айлин, а потом сказал:

– Теперь я еще сильнее боюсь за вас. И не только я. Все, кто узнал об этом... происшествии, согласны, что вы в опасности. Вы, разумеется, вправе думать, что лорд Бастельеро никогда не поднимет на вас руку...

– Не вправе! – перебила Айлин и, увидев в глазах разумника изумление, поспешила объяснить: – Он уже поднял на меня руку! Перед дуэлью с Саймоном он наложил на меня паралич. И потом... – Она замялась, не зная, как объяснить

то, что было совершенно понятно ей самой, но вряд ли будет так же очевидно другим. – Лорд Бастельеро любил Саймона. Выделял его из всех, все Вороны это видели. Но не обижались, все же знали, что лорд Бастельеро был учеником лорда Эддерли и другом его старшего сына! Конечно, он и должен был любить Саймона больше всех нас. Но любовь не помешала ему сделать... то, что он сделал! Саймон пострадал, потому что прикоснулся ко мне. И эта девушка... Марта... Она умерла из-за меня, – упрямо прошептала Айлин одними губами. – Я его разозлила, и он...

– Нет! – резко бросил Кармель и добавил куда мягче: – Нет, Айлин. Она умерла не из-за вас. Думать так – опасная ловушка! Я верю, что вы могли разгневать Грегора Бастельеро. В конце концов, это никогда не было сложно. Но если бы каждый убивал только потому, что кто-то его разгневал, Эдор обезлюдел бы! вспомните, разве ваши друзья ни на кого никогда не злятся? Но его величество не казнит подданных, кроме как за тяжкие преступления, а лорд Фарелл, при всех его умениях, не убивает направо и налево. Любому человеку иногда хочется выплеснуть гнев. Но здоровые разумом и душой люди умеют сдерживать эти порывы. Вина за смерть Марты и за увечье Саймона лежит на лорде Бастельеро – и только на нем. Я клянусь вам в этом и как разумник, и как магистр гильдии, которому не раз приходилось выносить приговоры магам-преступникам. Но в одном вы правы, любовь не мешает лорду Бастельеро калечить и убивать тех,

кого он любит. Он убил Марту, потому что увидел в ней ваше подобие, но целью его гнева были вы...

– Претемнейшая, как же это... – прошептала Айлин, спрятав лицо в ладонях, а потом встрепенулась и выпалила: – Эта девушка по имени Марта! Я хочу с ней поговорить! О, Кармель, я не сомневаюсь в ваших словах, но хочу... мне нужно ее увидеть. Самой! Мне нужно убедиться... Вдруг это какая-то ужасная ошибка?! У моего... у лорда Бастельеро много врагов! А вдруг это какой-то заговор, чужое преступление... Прошу вас! Мне нужно точно знать!

– Понимаю, – согласился разумник. – Вы правы, в таком деле не должно быть ни малейших сомнений. Что ж, полагаю, Элегия не откажет мне в просьбе. Марту еще не похоронили, ее тело доставят сюда, а Дарра Аранвен наверняка согласится вызвать для вас ее душу. Я передам ему вашу просьбу завтра же.

– Это не понадобится, – решительно откликнулась Айлин. – Мне достаточно имени. Вы сказали, ее зовут Марта?

– Марта из деревни Глаффин, – подтвердил Кармель. – Это на родовых землях Логенброу, кажется... У крестьянок нет родовых имен, вам точно этого достаточно? Может, послать хотя бы за прядью волос? И за мелом со свечами?

– Я же не могу призывать души ритуалом, как положено. – Айлин с раздражением посмотрела на свои запястья и браслеты, прикрытые бирюзовым шелком рукавов. – Если не получится сделать то, на что я надеюсь, волосы бесполезны, как

и все остальное. Но я попробую! Позову ее сама! Сейчас! Раньше у меня получалось!

Ее переполняло лихорадочное нетерпение вместе со странной уверенностью в своих силах. Она по-прежнему чувствовала, как браслеты запирают ее магию, пресекая свободный ток силы, но, кажется, это было неважно!

– Хотите, чтобы я вас оставил? – ровно спросил Кармель, но в его глазах Айлин увидела изумление.

– Нет, – призналась она. – Если только вы сами хотите уйти...

– Ни в коем случае, – откликнулся разумник и задернул занавеси. – Так будет лучше видно, я полагаю. Кстати, ваш нож у меня, Амина сняла ножны вместе с поясом, когда раздевала вас. Принести?

Айлин мотнула головой. Нож ей хотелось получить обратно, но это может подождать. Для ее собственных странных умений наличие или отсутствие ножа роли не играет. А вот задернутые шторы – это хорошо, это правильно. В спальне стало темнее, призрак будет лучше видно. Только что делать, если Марта уже успела уйти в Сады?!

«Звать! – решительно сказала Айлин сама себе. – Просто звать и верить, что я имею на это право! И не потому, что Претемнейшая сама назвала меня дочерью, а потому, что я хочу справедливости для этой бедной девушки!»

– Марта! – позвала она, до боли в глазах старательно вглядываясь в пустой воздух посередине комнаты. – Марта из

деревни Глаффин! Марта, которая умерла вчера! Приди на мой зов! Прошу тебя!

Пушок, спокойно развалившийся на ковре, приподнял голову, насторожил уши, а потом перевалился на живот и устался куда-то перед своими лапами.

– Марта! – с отчаянным упрямством позвала Айлин, и тут по спальне пронесся ледяной ветер, а над ковром, прямо между ней и Кармелем, засветилось бледно-серебряное пятно, становясь все темнее, ярче, на глазах превращаясь в человеческую фигуру...

– Марта... – повторила Айлин и услышала резкий вдох Кармеля – он тоже видел явившуюся душу. – Говори со мной, Марта! Прошу тебя!

У соткавшейся из воздуха девицы действительно были веснушки, зеленые глаза и рыжие волосы, заплетенные в длинные, слегка растрепанные косы. А еще – круглое, удивительно милое лицо, лукавый взгляд и зеленый корсет поверх тонкой белой сорочки, едва прикрывающей лодыжки. Девица огляделась – недоуменно, словно ее только что разбудили – и, увидев Айлин, ойкнула:

– А я правда на вас похожа! Простите, миледи...

У Айлин в горле словно застрял плотный ком – с такой наивной гордостью прозвучали эти слова.

Да, похожа. Очень! И именно поэтому мертва!

– Марта... – прошептала она. – Марта, ты помнишь, как умерла?

Девушка погрузилась, сложила перед собой руки, словно служанка, которую отчитывают за провинность, и кивнула.

– Помню, миледи, как тут забудешь... Вчера вечером, как стемнело, я в салон спустилась, а там гость. Один всего. Я его раньше никогда не видела, но все одно признала. У нас, конечно, гостей узнавать не принято, но матушка Элегия всем девочкам, которые у дверей встречают, самых знатных господ в Дорвенне выучить велела. А то как понять, кого именно не узнаешь? Вот нам потихоньку и шепнули, кто пожаловал. Лорд Бастельеро это был, не сомневайтесь, миледи. Волосы черные, что смола, глаза синие, сам тоже весь в черном, как будто и не праздник, а траур. Меня увидел и сразу подошел. Я еще подумала – может, у него причуда какая особая, если впервые к нам...

– Причуда, – повторила Айлин и передернулась.

Вот уж действительно – причуда. И какая особая!

Марта снова ойкнула и прикрыла рот ладонью.

– Простите, миледи! Все время у меня язык впереди мыслей бежит! Не надо вам знать, какие они бывают, причуды у лордов! И я про это ни слова не скажу, что хотите со мной делайте... Ну вот, как он меня за руку взял, так мы ко мне в комнату поднялись. Я все сделала, как положено! Улыбалась, раздеваться начала... Простите, миледи, вы сами спросили... А прическу разобрать не успела. Милорд моей шпилькой укололся, вот и разозлился, должно быть... Я даже понять не успела ничего, только услышала, как шея хрустну-

ла – и все.

Она сокрушенно развела руками, вздохнула и простодушно добавила:

– Жалко... На меня ведь, миледи, ни один гость ни разочка не пожаловался. Даже подарки дарили! Матушка Элегия подарки нам оставляла, ничего сверх платы не брала. Девочки-то их тратили, а я копила. У меня младших сестер трое, с теткой в деревне живут, а родители от лихорадки померли три года назад еще, зимой. Вот я половину заработка им отправляла, говорила, что на швею в городе выучилась. Да я бы и выучилась, только денег бы скопила на гильдейский взнос! Матушка Элегия меня бы отпустила, она обещала! А если б не вышло, то и назад бы приняла...

– Я... пошлю твоим сестрам денег, которых хватит на приданое, – прошептала Айлин. – Обязательно пошлю. Есть ли у тебя еще какое-то желание, которое облегчит твою душу?

Марта улыбнулась. Улыбнулась ясной и солнечной улыбкой!

– Миледи такая добрая! Теперь и правда на душе спокойно стало. А желание у меня есть... Я, миледи, все думала – вот в гильдию вступлю, выучусь, стану мастерицей. Уважать все станут! И вот тогда куплю я себе платье, как у настоящей дамы. Голубое и с кружевами, как облачко. Чтоб не такое, как у нас было велено для гостей носить, а длинное! И чтобы все прикрыто, как у порядочной дамы, и лиф, и запястья, и даже туфельки! Чтобы люди смотрели, и никто не припом-

нил, кем я была! Не получилось вот... Но если б меня в таком платье хоть похоронили, как честную, больше ничего и не надо. Миледи? Да что ж это, никак вы плачете?

– Нет, – едва вытолкнула Айлин, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Видит Претемная, эта Марта – сущий ребенок! Ее убили, а она просит некромантку не о мести, а о красивом платье! Да кем же нужно быть, чтобы поднять руку на такое безобидное создание?! – Я... у тебя будет, обещаю, будет самое красивое платье. Голубое, как у настоящей дамы... Даю слово!

– Спасибо, миледи! – опять просияла Марта улыбкой и присела в реверансе. – Дай вам Благие счастья!

И медленно растворилась, превратившись опять в облачко, потом – в серебристую дымку над ковром, а потом и вообще исчезнув.

– Айлин... – тихо сказал Кармель и шагнул к ней, но Айлин его уже не слышала.

Она все-таки разрыдалась, понимая, что ничего уже не исправить. Не вернуть жизнь этой милой девушке, такой доброй и чистой, несмотря на гнусное ремесло, любящей сестер и не способной держать зла даже на своего убийцу...

– Как он мог?! – повторяла она сквозь рыдания. – Как он мог?!

Оказавшись рядом, Кармель сгреб ее в объятия, и Айлин уткнулась в широкую грудь, спрятав на ней лицо. Разумник молча гладил ее по голове и спине, дожидаясь, пока Айлин

вволю наплачется, а потом так же тихо заговорил:

– Когда-то я поклялся принять любой ваш выбор относительно замужества и собственной жизни, помните? И сказал, что нарушу это слово только в том случае, если вам будет грозить опасность. Увы, это время настало. Здесь вам ничто не угрожает, на доме стоит защита не хуже, чем на любом особняке Трех Дюжин, слуги будут преданы вам так же, как мне, то есть полностью. Я сам готов защищать вас любой ценой и никогда не попрошу ни о чем, что будет противно вашей чести или желаниям. Айлин, я обещаю, что вы покинете этот дом в любой момент, когда только захотите, но сейчас позвольте мне позаботиться о вас.

Всхлипнув, Айлин кивнула и еще плотнее прижалась к нему, чувствуя себя окутанной теплом и надежностью, которыми веяло от Кармеля. Сейчас она не могла думать ни о чем, кроме того, что наконец она свободна. Свободна от самой себя, от тех обещаний, которые давала у алтаря человеку, которого искренне клялась почитать как мужа и отца своего ребенка. Он сам разорвал эту связь, и Айлин было больно и легко одновременно, словно все это время у нее в душе созревал огромный нарыв, а теперь он лопнул, и мучительное ожидание сменилось болезненным, но таким нужным очищением.

– Все будет хорошо, моя дорогая, – сказал Кармель, обнимая ее и укачивая, словно ребенка. – Теперь все будет хорошо. Вы справитесь с этой бедой и научитесь жить заново. У

вас есть сын, друзья и подруги, есть я... А сейчас отдыхайте. Не нужно ни о чем тревожиться, позвольте себе просто отдохнуть и набраться сил. Когда проснетесь, моя экономка Амина поможет вам освоиться в этом доме. Можете ей доверять... Я вернусь вечером и расскажу вам все, что смогу узнать об этом нападении. А теперь спите... И проснитесь полной сил...

Его голос уплывал куда-то вдаль, и Айлин зевнула, вдруг ощутив, как же ей и правда хочется спать. И как хорошо позволить себе расслабиться, довериться, принять заботу и защиту... Она еще успела почувствовать, как ее бережно укладывают на кровать, укрывают легким одеялом и гладят по голове, потом услышала шаги Кармеля, закрывшуюся дверь – и уснула.

Глава 2. Необходимые меры

– Что случилось?! – Аластор, при появлении Лучано вскочивший из кресла, окинул его быстрым взглядом и выдохнул: – Айлин! Ты в порядке, значит, что-то с ней?

– С ней, – кивнул Лучано и виновато добавил: – Пока не знаю. Но будь это... поистине серьезно, – он вовремя проглотил слово «страшно» – мы бы почувствовали, верно?

– Лично мне и этого хватило, – хмуро огрызнулся Аластор и снова сел. Потер ладонями лицо и признался: – Я чуть с ума не сошел! Ты слышал крики? А еще был запах... Что это за дрянь? Что происходит и где Айлин?!

– Альс... – Лучано подошел и сел на ковер прямо перед креслом Аластора. Вздыхнул и принялся говорить: – Когда я почуял, что с нашей синьориной беда, рядом был грандсиньор Дункан. Он открыл портал и ушел. Я думаю, что к ней. Не спрашивай, как это возможно, я не маг, я сам не знаю. Но грандсиньору можно доверять – он ради Айлин уже однажды сунулся в пасть к Барготу. Уверен – сунется снова, если это понадобится. А как только мы узнаем, в чем дело, придем на помощь...

– Хватит меня успокаивать, – буркнул Аластор. – Я не собираюсь впадать в бешенство. Во всяком случае – прямо сейчас. Чтобы кидаться на кого-то с кулаками и секирой, надо сначала точно выяснить – на кого! А вот потом...

Он сжал кулаки и глянул на них с недоброй мечтательностью. Лучано заставил себя улыбнуться:

– Очень мудро, Альс. И мы обязательно выясним, кого следует убить за это утро. Грандсиньор Аранвен уже вернулся?

– Ангус? – Аластор посмотрел с удивлением, и Лучано поправился:

– О, нон! Сын, а не отец! Я говорю про грандсиньора Дарру и его матушку. Они тоже были на этой встрече, но уехали раньше. Им следует знать, что случилось!

– Я сейчас пошлю за ними, – кивнул Аластор. – Пока лорд Ангус болеет, всеми делами его ведомства занимается Дарра. Но леди Немайн тоже следует... Ох, да что же там случилось-то?!

Он снова спрятал лицо в ладонях и зарычал, как раненый зверь, слишком взбешенный, чтобы молчать, но еще не готовый кинуться – просто потому, что не видит врага. Лучано встал, обошел его кресло и положил руки Аластору на плечи.

– Я тоже боюсь, – сказал он тихо. – Претемная видит, как я боюсь, Альс. Но Айлин жива – мы это знаем точно, потому что у нас одно сердце на троих. А раз она жива – мы ее найдем. Не рви себе душу заранее, силы нам еще понадобятся.

Аластор наклонил голову и молча прижался щекой к его руке с тыльной стороны ладони. У Лучано перехватило дыхание – в этом простом жесте было столько доверия и благодарности! Он замер, слушая, как сердце застучало в ритме

престо, и чувствуя сейчас Аластора, как самого себя – его страх, надежду, стремление бежать на помощь – понять бы только, куда... Всего через несколько ударов сердца Альс торопливо выпрямился, и Лучано осторожно убрал руки, понимая, что другу с его дорвенантским воспитанием сейчас и так неловко, но не собираясь забывать эти мгновения.

– Сегодня, когда ты уехал, у меня был Бастельеро-старший, – сказал вдруг Аластор. – Лорд Аларик, друг моего отца. Он попросил указ о раздельном проживании Айлин с лордом Грегором. Я, конечно, подписал. Может, дело в этом указе?

– М-м-м, не думаю, – отозвался Лучано. – Если я все почувал верно, на синьорину напали. Но зачем ее мужу использовать наемников и шиповские штучки?

– Шиповские?! Ты уверен?

Аластор рывком обернулся и воззрился на него с пугающей надеждой.

– Альс... Я неверно выразился. – Лучано вздохнул и вернулся на свое место, снова сев перед креслом на ковер. – Эту дрянь используют бандитти в любой стране, от Арлезы до Карлони. Просто жгучий дым, чтобы выкурить жертву из укрытия. Из дома, кареты, пещеры... Кроме Шипов, есть еще *bravi*... наемники. И они не обязательно итлийцы, там всякого сброда хватает. Если кто-то нанимал людей в Итлии, я об этом узнаю, обещаю тебе. Но это не Шипы. Я единственный старший мастер в Дорвенне, такой заказ не мог пройти

мимо меня.

– Но с тем убийцей... как там его... прошел же?

– Фредо, – снова вздохнул Лучано. – Его звали Фредо Черный Кот. Я тогда только вернулся из Вероккьи, Фредо просто не успел узнать, что меня повысили в ранге. Иначе доложил бы, разумеется. Это непреложный закон для любого Шипа, Альс, если отправляешься работать в чужой город – представься собрату, который за ним приглядывает. И потом... Я уверен, если бы гильдия получила такой заказ, мастер Ларци бы меня предупредил. Он знает, как важна для меня Айлин...

– Допустим... Но кому вообще понадобилось нападать на Айлин?! У нее же нет врагов!

– Зато у грандсиньора Бастельеро найдутся, – заметил Лучано. – Или у тебя. Все знают, что синьорина тебе дорога. Но если ее не убили сразу, а мы верим, что ее не убили...

Он приказал себе сосредоточиться и думать, как ученик мастера Ларци, а не сопливый перепуганный идиотто, не способный совладать со страхом. Конечно, синьорина жива! Когда умер сам Лучано, и ее, и Аластора потрянуло куда сильнее... Но что это значит?

– На нее могли напасть дома или в городе, – принялся он рассуждать вслух. – В чужом доме, в лавке, в дороге... Синьорина не выходит из дома одна, в палаццо Бастельеро тоже полно слуг, но опытные *bravi* могут напасть хоть на королевский дворец, если тот, кто их нанял, не жалеет денег. Раз

ее не убили, значит, попытались похитить. Допустим, гранд-синьор Дункан не успел или не сумел помешать. Жена Великого Магистра и фаворитка короля – огромная ценность. Вопрос в том, что за эту ценность можно выручить?

– Выкуп? – вскинулся Аластор. – Я заплачу сколько угодно!

– И грандсиньор Бастельеро – тоже, – подхватил Лучано. – Наверняка он не пожалеет золота, но потом идиоты, решившие продать вам синьорину, будут скрываться всю свою жизнь. Очень печальную и недолгую жизнь, да и после смерти им не позавидуешь... Но похищение за выкуп – это беллиссимо! Тогда с Айлин будут хорошо обращаться, и мы сможем ее выручить, а потом вволю поохотиться на ее обидчиков. Если же нет... Кто может иметь к тебе серьезные счета?

– Пьячченца, – скривился Аластор. – Глупость Лоренцы дорого им обошлась. Они потеряли огромные деньги и были унижены. Ты сам говорил, что семейка это пакостная и жестокая.

– Пьячченца могут, – согласился Лучано и постарался отогнать мысль, что тогда синьорина и вправду в огромной опасности – пауки из Капалермо способны убить ее просто ради наказания короля Дорвенанта. Очень в их духе! – Но это причина для войны, а драться они не любят. Сейчас и Фрагана, и Арлеза готовы прийти тебе на помощь – заслужить будущую дружбу, а заодно пощипать итлийских прин-

цев. Нарушить равновесие легко, сложнее потом остановить драку... Будем надеяться, что это не Пьячченца. А если все-таки они...

– Тогда что? – мрачно уронил Аластор.

– Тогда, – помолчав, сказал Лучано, – как бы ни повернулось дело, клянусь Претемной, под этим небом не останется живых Пьячченца. Или ты запретишь?..

– Не запрещу, – тихо ответил Аластор. – Но будем надеяться... Кто еще это может быть? На Фрагану думать не хочется. Вроде бы мы с Флоризелем неплохо поладили. Бастельеро фраганцы не любят, но похищать жену бывшего врага – против любых правил чести.

– Не все живут по этим правилам, – вздохнул Лучано. – Если это удар не в тебя, а в грандсиньора Бастельеро, тогда понятно, почему именно сейчас. Раньше у синьора некроманта не было уязвимых мест. Иногда чужой смерти недостаточно, хочется не убить человека, а лишить его того, что ему дороже жизни. Любимой молодой жены или ребенка... Вряд ли его величество Флоризель пойдет на такое, ему твоя дружба слишком дорога. Но вот кто-нибудь, потерявший на войне родню, это может запросто.

Он вспомнил неподвижное лицо грандсиньора Дарры, ледяной огонь в темно-серых глазах... Могло ли быть такое, что наследник Аранвенов решил разом наказать бывшего наставника и заполучить девушку, в которую влюблен? Украсть чужую жену, растоптав гордость ее мужа? Когда он

говорил, что намерен уничтожить грандсиньора Бастельеро, о синьорине речь не шла – точнее, шла о ее спасении. Но что, если у грандсиньора Дарры своя игра, в которую он не позвал никого, даже любимого наставника? И своего счастливого соперника, между прочим...

– Альс, я тебе должен еще кое-что рассказать. – Лучано поднялся. – Пойдем ко мне, я шамьету сварю. Разговор долгий и нехороший.

– Я смотрю, день сегодня вообще славный на удивление, – съязвил Аластор, вставая из кресла. – Так ты угадал? Раз Аранвены были на встрече? Представить себе не могу леди Немайн в борделе!

– А ее сына, значит, можешь? – рассеянно удивился Лучано, первым проходя в смежную спальню. – Как по мне, это куда невероятнее... Так вот, в бордель по приглашению грандсиньора Дункана явился не только я и Аранвены...

Рассказывая, он сварил шамьет по любимому рецепту Аластора, но в этот раз разлил его на две чашки – несмотря на солнечный летний день, по меркам Дорвенанта даже жаркий, Лучано поймал себя на том, что хочет согреться. Горячее и сладкое – вот что ему сейчас нужно не меньше, чем Альсу! Тот слушал рассказ о бедняжке Марте, застыв, словно изваяние, Лучано с трудом всунул ему в руки чашку с шамьетом. А когда закончил, Альс еще некоторое время сидел, уставившись перед собой, а потом выдохнул:

– Да чтоб он сдох, тварь барготова!

– Только позволь! – вскинулся Лучано. – Я найду безопасный способ! Быть не может, чтоб его не было...

Однако Аластор тут же помрачнел еще сильнее и нехотя отозвался:

– Не позволю. Как бы ни хотелось... Во-первых, магам и правда виднее. Раз они говорят, что сначала нужен суд и выжигание дара, значит, так тому и быть. Пусть ищут доказательства. Вот если не найдут... Ну, тогда и подумаем, как иначе избавиться от этого бешеного пса. Надо же, как вовремя приехал Бастельеро-старший! Пожалуй, стоит с ним поговорить, явно он что-то знает про своего сыночка, Баргот бы того побрал! Лишь бы с Айлин все обошлось, но к мужу я ее больше на пушечный выстрел не подпущу. Нужно будет – разведу их по закону и... погоди, Лу! Надо же ребенка забрать! Если этот мерзавец еще и безумен, нельзя оставлять ему малыша!

– Не торопись, Альс, – попросил Лучано, с наслаждением глотнув горячего, сладкого и пряного шамьета. – Не трясись апельсины, пока не созрели. Ребенка это безумие вроде бы не касается. По закону ты вряд ли можешь забрать сына у отца, верно? А если так и поступишь, пойдут слухи. Кто знает, чем они обернутся? Синьорина неизвестно где, если грандсиньор Бастельеро к этому не причастен, он сейчас тоже начнет искать виновников. И первое, что подумает, если ты забереешь у него ребенка, что это наших рук дело. Сначала украли жену, теперь и наследника отняли, понимаешь?

Для поврежденного рассудка это может оказаться последней порцией отравы – а безумный Архимаг – последнее, что нужно и Дорвенанту, и нам.

– Пр-роклятые! – Аластор хлопнул свободной рукой по подлокотнику кресла. – Я вообще могу хоть что-нибудь сделать?! Этот выкормыш Барготов изуродовал наследника Эддерли! Лорд Ангус еле выжил, а службу ему наверняка придется оставить! Я канцлера лишился! Умного, верного, опытного канцлера! Еще неизвестно, как получится с его сыном поладить... Дункан не смог жениться на любимой женщине, а сама Айлин теперь в беде! И еще вопрос, где ей опаснее, у похитителей или у человека, который клялся ее любить и защищать! А я ничего, ничего не могу сделать! Сижу и пью шамьет... – Он с ненавистью посмотрел на чашку в другой руке. – Как трус последний!

– Нет, – возразил Лучано, – как тот человек, который не может позволить себе лихих глупостей. Альс, если бы твои секиры и мои ножи со шпильками могли чем-то помочь – разве мы не бросились бы в драку? Знаешь, почему на перстне грандмастера роза без колючек? У обычных Шипов – просто колючее колечко, у младшего мастера – бутон на шипастом стебле, у старшего – роза с колючками... А у грандмастера – стебель розы гладкий! Я вот не знал, пока грандмастер Лоренцо не удостоил объяснить... Те, кто на самом верху, должны думать головой, а не работать руками. Не травить, не резать, а думать, решать и говорить. Ты – король, и любое

твое слово найдется, кому исполнить. Но сначала нужно понять, кому и что говорить...

Не успел мрачный Аластор что-то ответить, как в дверь постучали особым стуком – деликатно негромким, но четким. А следом раздался голос Джастина:

– Ваше величество, лорд Аранвен-младший просит немедленной аудиенции.

– Дарра Аранвен?! Прекрасно, он-то мне и нужен! – обрадовался Аластор. – Зови прямо сюда!

За дверью стало тихо, Лучано едва успел забрать у Аластора кружку, которой тот махнул в опасной близости от подлокотника, и почти сразу дверь открылась. На порог спальни шагнул грандсиньор Дарра – в том же сером камзоле, в котором он был на встрече, такой же невозмутимый, только глаза, как показалось Лучано, блестели ярче обычного.

– Ваше величество! – Сын канцлера почтительно поклонился королю. – Лорд Фарелл... – Вежливый кивок в сторону Лучано, словно они сегодня еще не виделись. – Я только что получил от городской стражи известие, что посреди Дорвенны неизвестные люди напали на карету леди Бастельеро. – Что с ней?!

Аластор даже не пошевелился в кресле, только посмотрел на Аранвена в упор, но Лучано показалось, что Альс вдруг невидимо заполнил всю комнату, и его гнев тяжело надавил на самого Лучано, бестрепетно встретившего это Дарру и на каждую ладонь окружающего пространства.

– Леди Айлин исчезла, – спокойно сказал Аранвен-младший, не отводя взгляд. – Возле кареты нашлась убитая женщина, предположительно прислуга или компаньонка. Кучер, судя по гербовой ливрее, тоже убит. А кроме них, возле кареты стражники обнаружили шесть трупов со следами насильственной смерти. Ваше величество, я прошу вашего высочайшего дозволения принять соответственные меры для поиска леди Бастельеро.

– Вы их еще не приняли?! – рявкнул Аластор и все-таки привстал в кресле, опираясь ладонями на подлокотники.

Аранвен-младший, даже не вздрогнув, невозмутимо ответил:

– Разумеется, принял, ваше величество. Я велел перекрыть ворота Дорвенны и никого не выпускать без тщательного досмотра. То же самое, разумеется, коснулось порталных площадок. У одного из убитых в ухе серьга, предположительно – бретерская. Поэтому я отправил человека во фраганское посольство и запросил перечень подданных Фраганы, находящихся в Дорвенанте. Еще несколько моих подчиненных опрашивают владельцев постоянных дворов и гостиниц, а также проверяют списки приезжих, которые ведутся на городских воротах и порталах. Когда нам будут известны имена убитых, мы сможем поднять их и допросить. В случае необходимости я попрошу помощи моей матушки и лорда Эддерли, но привлекать к допросу лорда Бастельеро считаю излишним. Кроме того, мои люди допросили жителей

домов рядом с местом нападения. Уже известно, что городскую стражу, которая дежурила в том районе, умело отвлекли якобы на драку в другой стороне. Зачинщиков драки тоже разыскивают. Описание леди Бастельеро передали на все ворота и порталные площадки Дорвенны, а капитану городской стражи велено усилить патрули. Все эти меры требуют разрешения вашего величества, особенно перекрытый выезд из Дорвенны, обращение в посольство и допрос прислуги в особняках Трех Дюжин. Поэтому я прошу прощения, что позволил себе отдать приказы раньше, чем известил вас.

Ничего себе! Это сколько же он успел за такой короткий срок?! Вряд ли Лучано приехал сильно позже молодого некроманта, а тот, едва узнав о похищении, уже отправил людей перетряхивать столицу?! Грандиозо! Лучано посмотрел на сына канцлера с искренним уважением.

Замолчав, грандсиньор Дарра церемонно поклонился и выпрямился. Аластор, снова опустившись в кресло, пару мгновений разглядывал его, потом отрывисто кивнул:

– Благодарю, милорд. И даю вам любые необходимые полномочия. Только... найдите ее!

– Слушаюсь, ваше величество, – неторопливо ответил синьор Ледяная Глыба и глянул в сторону Лучано: – Осмелюсь спросить у вашего величества, известно ли вам содержание разговора, в котором сегодня утром участвовали как я, так и лорд Фарелл, и другие лица.

– Известно, – бросил Аластор. – Считаю ваше общее ре-

шение совершенно правильным. Что касается леди Айлин, о любых новостях извещайте меня немедленно. В любое время дня и ночи! Когда... леди Бастельеро найдут, – справился он с едва заметной запинкой, – доставьте ее во дворец под самой тщательной охраной. Сегодня я подписал указ о раздельном проживании леди Айлин и лорда Грегора Бастельеро. Чтобы он к ней близко не подошел! Даже не посмотрел издали!

– Слушаюсь, ваше величество, – снова поклонился молодой Аранвен, и Лучано показалось, что на этот раз в его глазах сверкнула искренняя радость. – Разрешите удалиться?

– Разрешаю, – опять кивнул Аластор.

Дождавшись, пока синьор Ледяная Глыба выплывет из комнаты, Лучано поставил на столик свою опустевшую чашку и сообщил:

– Поеду-ка и я прогуляться. Если грандсиньор Дункан уже вернулся с новостями, привезу их тебе. Хорошо бы вместе с Айлин, конечно...

– А если его еще нет дома? – спросил Аластор.

– Ну... – Лучано пожал плечами и позволил себе пошутить, чтобы не расставаться с Альсом на совсем унылой ноте: – Тогда сяду у него под дверью палатки, буду мяукать, чтобы меня впустили, и скрестись, как положено порядочному коту.

– Его экономка – опасная женщина. – Аластор усмехнулся с трудом, но игру поддержал старательно: – Смотри, как

бы она не решила, что мяукающего кота следует охолостить. Помнишь, как она владеет ножом?

– О, еще бы! – Лучано восхищенно закатил глаза, посмотрел на Альса и ухмыльнулся: – Только холостить меня поздновато, гильдия уже об этом позаботилась. – И добавил, пока Аластор не вздумал смутиться и начать извиняться: – Боюсь, на голос это не влияет! Тенор у меня прекрасный, сам знаешь!

– Ну, тогда... – Аластор усмехнулся уже свободнее и фыркнул: – Тогда тем более поберегись. Вдруг она решит укоротить тебя сразу на голову, а не на другие... части тела? Без головы еще никому не удавалось ни петь, ни мяукать!

– Туше, – признал Лучано, радуясь, что друг хотя бы начал улыбаться. – Ладно, поберегу и голову, и все остальное!

И торопливо выскочил из спальни, оставляя там Аластора.

* * *

В городской мертвецкой Грегору прежде не случалось бывать, и теперь, осматриваясь, – без малейшего интереса, просто чтоб немного унять грызущий ужас – он негодуяще думал, что эта мертвецкая нарушает все, попросту все мыслимые правила и уложения.

Во-первых, она располагалась в подвале под кордегардией. Что будет, если городской некромант вовремя не упокоит

привезенное сюда тело? Умертвия полезут из подвала прямо к стражникам?! Во-вторых, в ней было тепло. Конечно, не так, как на улице в полдень, но и закутаться в теплый плащ отнюдь не хотелось. И в таких условиях они хранят тела?!

Даже странно, что запах здесь такой же, как в любой другой мертвецкой, где Грегору случалось бывать – чистящие растворы, щелок, неуловимый душок несвежей плоти и эманации смерти, которые не с чем сравнить, но не с чем и спутать. Грегор знал и ненавидел этот запах с детства и каждый раз после занятий в академической мертвецкой не меньше часа проводил в купальнях, оттирая кожу до красноты и промывая волосы до тех пор, пока они не пропитывались ароматом академического мыла, едко-мятным, резким и тоже не очень приятным. Но лучше мята, чем вот это!

Между прочим, именно из-за купальни он впервые поругался с Дорианом Ревенгаром, существованию которого до того момента не придавал особого значения. У их курса тогда было первое занятие с неживым материалом, и Грегор едва слушал объяснения мэтра, так сильно его мучило, и так страшно было от мысли, что попросту стошнит. Какой невыносимый позор для внука королевского некроманта! Но дед ни разу не водил его в мертвецкую!

Едва дождавшись конца занятия, Грегор поспешно отправился в купальню, но всего через полчаса, когда гнусный запах уже смылся с кожи, но все никак не желал до конца покинуть волосы, в купальню ворвалась компания боевиков,

и белесый задира-Ревенгар нелюбезно потребовал дать вымыться и другим. Мол, все прочие места в купальне заняты, а полчаса вполне достаточно, чтобы замыться до предела...

Грегор встряхнул головой, отгоняя воспоминания, приготовился задержать дыхание, но передумал, уловив среди привычно неприятного запаха какой-то странный, совершенно неуместный, словно зудящий в ноздрях и раздражающий горло... Плесень?! В мертвецкой? И это вдобавок ко всем прочим нарушениям? Чем занимается здешний некромант, хотелось бы знать?!

Страх за Айлин, гнев на отца и короля, весь жуткий накал последних дней вдруг переплавились в такое простое и понятное раздражение на нерадивого служащего, что Грегор почти обрадовался. Вот сейчас пренебрегающий своими обязанностями некромант ответит за все, что не соответствует правилам безопасности и попросту здравому смыслу!

Он сошел с последней ступеньки лестницы, ведущей из кордегардии, прошел между высоких шкафов, обитых железом, где каждый ящик представлял собой отдельный гроб, и резко постучал в соседнее помещение, а потом сразу распахнул дверь и шагнул через порог.

Городской некромант, невысокий, лысоватый и плотный, скромной одеждой и всем обликом напоминаящий неудачливого торговца, пил шамьет за маленьким столиком с бумагами и письменным прибором. Когда Грегор вошел, некромант с явным сожалением отставил кружку, поднялся и по-

приветствовал его учтиво, но без малейшего трепета, а потом кивнул на восемь тел, уложенных вплотную друг к другу на высоком жестяном столе такой ширины, что он занимал едва ли не треть помещения.

– Кого-нибудь узнаете, милорд? – равнодушно спросил некромант.

– Женщина с краю – сударыня Эванс, компаньонка моей жены, – ответил Грегор, решив пока не обращать внимания на явную нелюбезность коллеги. – Рядом с ней – кучер из моего дома. Остальные шестеро мне незнакомы. Надо полагать, сами вы не попытались их допросить?

– Не зная их имен? – уточнил мэтр, при этом его лицо даже не дрогнуло. – Разумеется, не попытался. Мой резерв, увы, не так велик, чтобы тратить его на подобные бессмысленные действия. Допрашиваю я тех, кого уже опознали. Если вы назовете мне имена ваших компаньонки и кучера, могу расспросить их.

– Не трудитесь, – неприязненно бросил Грегор. – Я вполне справлюсь с этим сам. Пришлю людей, чтобы они забрали тела. Надеюсь, стражники помогут вам их погрузить.

– В таком случае извольте подождать, я должен составить бумагу о передаче двух тел, – скучным голосом согласился некромант, и Грегор на миг онемел от изумления.

– Вы не умеете считать? – поинтересовался он наконец. – На месте нападения было восемь убитых!

– Разумеется, их восемь, – пожал плечами некромант, воз-

вращаясь к своему столу. Шамьет в его кружке уже остыл, во всяком случае, парок над ним не поднимался. – Но я не имею права выдавать неопознанные тела ранее, чем через десять дней. Возможно, за это время найдется кто-нибудь, кто их опознает. Уложение о неопознанных пострадавших, часть третья.

У Грегора зашумело в ушах. Уложение?! Какое, к Барготу, уложение, если эти негодяи напали на его жену?! Через десять дней допрашивать их будет уже поздно, души за это время уйдут в Претемные Сады, причем легко и безнаказанно! И оттуда их добыть будет куда сложнее! Может, и вовсе не получится! Да, он не знает их имен, но если потребуется, найдет родственников этих мерзавцев! Конечно, кровь уже свернулась, да и волосы, взятые посмертно, не помогут найти живую родню, но ведь есть еще кости! Используя кость, сильный артефактор вполне может создать поисковый амулет! Правда, это тоже долго, не меньше трех дней... Проклять, неужели он ничего не сможет сделать?!

И все-таки, как этот болван смеет спорить?! Неужели не понимает, что жизнь жены Грегора в опасности?! Возможно, прямо сейчас!

– Вы противоречите Великому Магистру Ордена? – тихо уточнил Грегор, изо всех сил сдерживая гнев.

Некромант чуть повернул голову, равнодушно взглянул на него и снова пожал плечами, а потом размеренно заговорил:

– Великий Магистр, или просто магистр, да хоть бы и профан. Перед Уложением все равны. У вас, я слышал, жена пропала. А у этих... – Некромант указал коротким толстым пальцем на стол, и Грегора передернуло. – У них тоже, небось, жены есть. А может, родители. И они тоже думают, что дети их куда-то пропали. Что покойничков этих опознают, надежды мало, не так уж у нас много фраганцев в городе. Но вдруг да повезет им? Например, из фраганского посольства кого пришлют или дружки отыщутся... Вот тогда я буду рад по закону поступить, милорд. Хоть сам их допрошу, хоть вам для допроса выдам. А грозить не пытайтесь, грозить мне, уж простите, нечем. Я, милорд, здесь обучение в Академии отрабатываю по контракту с Орденом. И на местном жалованьи буду его еще лет двадцать отрабатывать, а то и дольше, пока сам на кладбище не переселюсь. Очередь на мое место не стоит, глубже этой дыры не засунете и деньгами не накажете – их в моем хозяйстве и так ни на что не хватает. Даже, вон, морозильные артефакты из строя вышли, а очередь их менять только на Барготов День подойдет.

И посмотрел с такой невозможной, безразлично неподъемной усталостью, что Грегора словно обдало волной холода, а заготовленная гневная тирада рассеялась сама собой. Ждать очереди на артефакты?! Провести всю жизнь в этом душном подвале, где вытяжка еле работает, зато шамьет остывает быстро, как в погребе? Нет, понятно, простолюдинам, даже магам, выбирать работу не приходится, но...

хотя бы обеспечить городскую службу инструментом Орден способен?!

– Составьте список необходимого и передайте моему секретарю, – процедил он. – Я лично позабочусь, чтобы вам все прислали.

– Премного благодарен, милорд, – кивнул городской некромант с неожиданным достоинством и предупредил: – Но тела выдать все равно не могу. Если желаете заказать поисковый амулет, я вам левые мизинцы отделю, артефакторам этого хватит.

– Извольте, – бросил Грегор и потянулся за кошельком. – Сколько с меня за услугу?

– Для вас, милорд, бесплатно, – тем же равнодушным голосом сообщил некромант. – Все-таки Великий Магистр...

Наказывать служащего за ревностное соблюдение обязанностей Грегор, конечно, не мог. Но вlepить проклятием за едва уловимую тень ядовитой насмешки захотелось просто мучительно. Однако в следующее мгновение Грегор себя одернул – конечно, ему просто показалось! А это, видимо, такая неуклюжая благодарность и выражение почтения – чего еще ждать от простолюдина?

Дверь за их спинами скрипнула, и в подвале раздался знакомый голос, который Грегор никак не рассчитывал здесь услышать:

– Доброго дня, мэтр Вильерс. У вас опять какие-то сложности с артефактами холода?

– Милорд Аранвен...

Высокая и тонкая фигура, затянутая в серое, шагнула в комнату. Грегор стиснул зубы – как же не вовремя! Что ему вообще здесь делать?! Зато некромант, которого, оказывается, звали Вильерс, поклонился Дарре Аранвену очень почитательно, чуть ли не ниже, чем Грегору.

– Доброго дня, лорд Бастельеро, – голос Аранвена-младшего был спокойным и таким ледяным, что вполне мог бы заменить проклятые артефакты.

Во всяком случае, Грегору показалось, что в подвале сразу повеяло стужей.

– И вам доброго дня, – не менее холодно ответил он. – Могу я узнать, что привело вас сюда, лорд Аранвен?

– Служебные дела, лорд Бастельеро, – ответил Дарра и стянул белоснежную перчатку с правой руки.

Подойдя к столу, коснулся пальцем ближайшего трупа, определяя давность смерти и остаток некротических эманаций, милостиво кивнул:

– Вижу, вы отложили ритуал упокоения? Прекрасно, мэтр Вильерс, мы вам очень обязаны. Личности женщины и человека в ливрее установлены?

– Лорд Бастельеро сообщил, что это компаньонка его жены и кучер в его доме, – доложил Вильерс. И добавил, не глядя на Грегора: – Его светлость желает их забрать.

– Определенно желаю! – вмешался Грегор. – Как и допросить остальных.

– На каком основании, милорд? – с той же ледяной учтивостью удивился барготов мальчишка Аранвен. – Нападение на благородную даму подлежит расследованию службой канцлера. Если нам потребуется помощь Ордена, я непременно об этом сообщу.

– Эта дама – моя жена, – тихо сказал Грегор и краем глаза уловил, как Вильерс удивительно ловко для такого нелепого существа сделал шаг назад, уходя от возможной траектории боевого проклятия. – Вы препятствуете мне в ее поисках?

– Насколько мне известно, милорд... – Голосом Аранвена можно было хоть морозить трупы, хоть вскрывать их – на выбор! – С нынешнего дня вам королевским указом запрещено приближаться к этой даме без ее соизволения. Когда мы найдем леди Айлин, я узнаю, желает ли она вас видеть, а потом извещу вас о ее решении. До этого времени настоятельно прошу не мешать поискам. Мэтр Вильерс, вот запрос о выдаче тел. – Он достал из поясной сумки сложенный лист гербовой бумаги и положил его на стол. – Будьте любезны написать распоряжение стражникам, наша повозка уже ждет возле кордегардии.

– Слушаюсь, ваша светлость!

Вильерс вернулся за стол, макнул перо в чернила и принялся писать нужную бумагу...

«Он мне мстит, – с бессильной яростью понял Грегор, поймав бесстрастный взгляд Аранвена. – Мстит за Саймона Эддерли! А может, и за то, что сам не смог жениться на

Айлин, он ведь собирался делать ей предложение. Король не развел меня с женой, но развязал руки любому мерзавцу, которому вздумается встать между нами! Если ее спасет Аранвен... Проклятье, да какая разница?! Ее нужно найти! И я бы сам просил помощи у канцлера и всей его холоднокровной семейки, будь от этого толк! Что такого может его служба, чего не смогу я?!»

– Извольте передать мне мизинцы убитых, – бросил он Вильерсу. – Указ короля не лишает меня права искать жену! А когда я ее найду... – Он в упор посмотрел на Дарру и медленно сказал: – Тогда, в соответствии с волей его величества, я сам спрошу, хочет ли она меня видеть. Надеюсь, вы мне в поисках тоже мешать не станете.

Несколько мгновений они с Даррой смотрели друг на друга. Грегор уже почти приготовился получить еще один вызов на дуэль, но, видимо, Аранвен все-таки решил отступить. Очень благоразумно с его стороны! Калечить второго наследника семьи из Трех Дюжин меньше, чем за неделю, Грегору не хотелось бы!

– Вы получите требуемое не позже сегодняшнего вечера, – спокойно сказал Дарра. – Никто не сможет сказать, что я лишил леди Айлин хоть одного шанса на спасение. Кстати, мэтр Вильерс, а собаку не нашли?

– Собаку? – уточнил городской некромант, присыпая бумагу песком, чтобы чернила быстрее высохли. – Нет, никакой собаки стража не видела.

– Поздравляю, – съязвил Грегор. – Теперь по городу бегает огромное умертвие. Надо было мне все-таки упокоить эту тварь.

– Передайте стражникам, если увидят в городе огромного белого пса, пусть не подходят близко и сразу посылают за мной, – так же спокойно сказал Аранвен. – Десять золотых тому, кто его найдет.

– Не волнуйтесь, милорд, – ответил Вильерс. – Никто к нему не сунется. А я-то думаю, кто одному из покойничков руку перекусил и горло вырвал?

Он задумчиво посмотрел на тела, прикрытые дерюгой, и Грегор невольно глянул туда же. Так от умертвия все-таки была польза? Впрочем, неважно.

– Ваши разрешения, милорды. – Вильерс встал, поклонился ровно в пространство между Грегором и Даррой, а потом двумя руками протянул им два одинаковых документа – серые листки самой дешевой бумаги, такой тонкой, что чернильные строчки проглядывали на другой стороне. – Два тела в особняк Бастельеро, шесть – в службу его светлости канцлера.

Грегор молча взял документ, его вдруг отчетливо замутило от всего сразу – от запаха мертвецкой, к которому он уже почти привык, но тот все равно никуда не делся, от тщательно загнанного внутрь страха потерять Айлин, от ненависти к Аранвену, который нашел такой омерзительный повод сводить счеты, и даже от раздражения на Вильерса, ставшего

невольным свидетелем ссоры двух лордов. Это все обрушилось на него сразу и слилось воедино, как тот самый проклятый запах!

– Благодарю, мэтр Вильерс, – на удивление доброжелательно сказал Аранвен, принимая свой экземпляр. – Морозильные артефакты пришлю вам сегодня же, но в следующий раз прошу не тянуть и извещать меня в подобных случаях сразу.

«А ведь они хорошо знакомы, – с легким отстраненным удивлением понял Грегор. – Что общего может быть у сына канцлера и простолюдина из городской стражи, пусть и коллеги-некроманта? Почему Аранвен ему покровительствует? Служебные дела, наверное... Что ж, если получу от Вильерса перечень, обещание в любом случае исполню. Но какое все-таки отвратительное место! Если Аранвен так благоволит этому магу, мог бы устроить ему перевод... Но это не мое дело».

Он вышел из мертвецкой и поднялся по лестнице. Воздух кордегардии был пропитан множеством запахов – толстых кожаных курток, что городская стража носит вместо доспехов, резкой вонью плохо вымытых тел, пивным и колбасным духом, затхлым жиром для смазки оружия... Грегора замутило еще сильнее, и он подумал, что вряд ли стражникам мешают запахи мертвецкой из подвала – их здесь никто попросту не различает.

Он отдал бумагу начальнику караула, и тот с трудом ее

прочитал, старательно шевеля губами, а потом заверил, что мертвые тела, числом две штуки, мужское и женское, немедленно отправят в дом его светлости. Вот прямо сейчас, как только найдется несколько свободных рук... Брезгливо дернув уголком рта, Грегор добавил к бумаге пару серебряных флоринов, и свободные руки тут же нашлись.

Посмотрев на повозку и запряженных в нее лошадей, Грегор понял сразу две вещи: во-первых, почему Аранвен приехал со своей повозкой, а во-вторых – тела он получит через пару-тройку часов, и это в лучшем случае. Раньше эта развалюха попросту не доберется. Может, вернуться и допросить Эванс и кучера прямо в мертвецкой? Но забирать их для похорон все равно придется...

– Отправляйте, – мрачно велел он и пошел к своей лошади, привязанной возле кордегардии.

В конце концов, можно потратить время совсем иначе! Он забыл про утреннее письмо, а поиски Айлин следовало начать именно с него. Вряд ли ее похищение устроили Эддерли, но... чем Баргот не шутит? Они могли просто оказать кому-то услугу, отомстив Грегору чужими руками... Размышлять об этом было неприятно до омерзения, он ведь искренне собирался не продолжать ссору между семьями.

Саймон расплатился за свою дерзость, и хотя прежней дружбы между Бастельеро и Эддерли быть не может, Грегору хотелось добром вспоминать то, что для него сделали лорд Говард и леди Мэриан. Не обязательно же становиться вра-

гами из-за глупого мальчишки?! Три Дюжины слишком тесны для родовой вражды...

Но если Эддерли причастны к похищению Айлин, он должен это узнать! Каждый миг в руках неизвестных барготовых тварей грозит ей смертью, мучениями или позором! Только бы найти ее... Как он будет растить сына, не смея посмотреть ему в глаза и сказать, что не смог спасти его мать?!

Глава 3. Призраки мертвой любви

Дорвенна казалась Грегору мрачной и странно чужой, в точности как Озерный Край, пока армией командовал Корсон, чтоб ему и в Садах не отдыхалось. Словно за каждым воротами могла скрываться засада, в пении птиц отчетливо слышалась издевка, ветер, касаясь лица и волос, то и дело доносил все тот же мерзкий въедливый запах мертвецкой, и даже лица людей на улицах казались ему неприязненными и враждебными.

Слуга, открывший Грегору ворота особняка Эддерли, тоже смотрел на него враждебно, хотя поклонился, как подобает, и поспешил доложить господам о приезде гостя.

Лорд Эддерли встретил Грегора на крыльце, явно не намереваясь приглашать его в дом. Даже ради приличия!

Грегор проглотил это оскорбление, напомнив себе, что Саймон – единственный сын старого некроманта, а дуэль случилась слишком недавно, чтобы Эддерли смог остыть.

– Что вам угодно? – сухо спросил бывший наставник, очевидно не собираясь тратить время и любезность на такую мелочь, как приветствия.

Грегор стиснул зубы и еще раз напомнил себе, что Эддерли имеет полное право на обиду.

– Несколько часов назад напали на мою жену, – процедил он, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни тени недоволь-

ства таким пренебрежением. – Убита ее компаньонка, сама Айлин исчезла вместе со своим умертвием. Мне известно, что в этот момент Айлин направлялась к вам по приглашению леди Мариан. Я желаю поговорить с ней и узнать, имеет ли она отношение к этому нападению?

– Вы приехали, чтобы предъявить нам такое чудовищное обвинение? – уточнил Эддерли так спокойно, что сразу стало понятно – спокойствие это стоит ему значительных усилий. – Мариан не отправляла никаких приглашений ни бедной девочке, которой судьба уготовила несчастье быть вашей женой, ни кому бы то ни было другому. Все это время, вот уже сутки, она не отходит от нашего сына, который до сих пор не пришел в себя! От вашего бывшего ученика, о здоровье которого вы даже не сочли нужным осведомиться!

Грегор почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Никогда – почти никогда! – не испытывал он такого мучительного стыда, но... Он ведь знал, что ничего серьезного Саймону не грозило!

Наглый мальчишка отделался так легко, как редко бывает на дуэлях, и все же...

– Милорд Эддерли... – начал он, сам еще не зная, что скажет.

То ли спросит все-таки о здоровье этого поганца, – хотя бы из учтивости! – то ли все же извинится перед бывшим наставником, будто постаревшим на несколько лет за эти сутки, то ли начнет умолять, ведь должен Эддерли понимать,

как важно найти Айлин как можно скорее!

Но старый некромант поднял руку повелительным жестом.

– Клянусь Претемнейшей Госпожой, клянусь родовой честью и собственной искрой, – сказал он так холодно, что по спине Грегора пробежали мурашки. – Ни я, ни Мариан не посылали вашей жене никакого приглашения и ничего не знаем ни о каком нападении. А теперь покиньте мой дом, лорд Бастельеро, и помните, что с этой минуты вы здесь нежеланный гость.

Едва вспыхнувшую искру гнева Грегор ухитрился подавить сразу, не позволив ей превратиться в яростное пламя. Ради прежних отношений, ради Айлин и ребенка, спасенных леди Мариан, и ради памяти о Дилане можно простить пожилым людям, едва не потерявшим последнего сына, любую дерзость. Ну, почти любую! И границ вежливости Эддерли-старший даже сейчас не перешел. Он в своем доме, куда Грегор явился незванным и нежеланным гостем! А чтобы не длить этот разговор, который и правда мог привести к беде, оставалось одно-единственное средство.

Грегор молча и с полной учтивостью поклонился, благодаря за ответ и клятвы, которые Эддерли мог бы и не давать. А потом, как и было велено, ушел, не обернувшись, ведя лошадь в поводу, и вскочил в седло лишь когда тяжелые ворота закрылись за его спиной.

Несмотря на вольные шуточки и предположения, мяукать под воротами палаццо Роверстана ему не пришлось. Стоило дернуть за шнурок дверного колокола, эти самые ворота распахнулись, и немолодой арлезиец с перечеркнутой шрамом физиономией принял у Лучано поводья Донны, сообщив, что хозяин ожидает лорда Фарелла и просил входить без доклада.

Сердце снова тревожно стукнуло, но Лучано успокоил себя тем, что совсем уж плохие вести грандсиньор наверняка привез бы во дворец лично – не такой он человек, чтобы прятаться за чужие спины. А если ожидает посланника у себя дома, может, все не так уж плохо?

«Или он просто ранен, – возразил сам себе Лучано и тут же рявкнул вдогонку: – Хватит каркать, словно родовые вороны Бастельеро! Сам же говорил Альсу, что не стоит страдать, пока ничего не известно!»

Тот же самый слуга, больше похожий на бандитто, чем на лакея, провел его в гостиную. Дункан сидел на диване, на столике перед ним стояли едва начатая бутылка вина и несколько тарелок с холодными закусками, сыром и фруктами. От горя так не пьют, и Лучано окончательно успокоился. Ну, почти!

– Хорошо, что вы один, – сказал магистр вместо привет-

ствия и тут же с улыбкой пояснил: – Лорд Бастельеро наверняка скоро явится во дворец, и я бы предпочел, чтоб его величеству не пришлось скрывать правду.

– О да, врать Аластор не умеет, – согласился Лучано. – Грандсиньор, она...

И запнулся, совершенно не понимая, что и как спросить. Мысли теснились в голове, слова – на языке, но блаженное чувство спокойствия уже разливалось внутри. Видят Благие, улыбка магистра – лучшее успокоительное, какое Лучано мог представить, хоть рецепт проси!

– Спит, – все так же устало, но искренне улыбаясь, сообщил Дункан и махнул ему рукой на диван рядом с собой. – Ничего страшного, всего лишь утомление и нервное напряжение. Насколько я смог узнать, утром в особняк Бастельеро принесли письмо от леди Эддерли с известием, что Саймон очнулся, и просьбой его навестить...

– Очнулся? – изумился Лучано, садясь, и Дункан тут же плеснул ему в чистый бокал восхитительного арлезийского. – Но грандсиньор Эддерли...

– Именно, – кивнул разумник. – Полагаю, письмо было приманкой. Стоило Грегору Бастельеро отправиться в Академию, Айлин кинулась к Саймону. Но не успела доехать, как на карету напали. Кучера и компаньонку убили, я мельком видел тела. Когда появился, Айлин все еще отбивалась. К счастью, она взяла с собой Пушка, но мерзавцы швырнули в карету какой-то алхимической дрянью – там все вокруг ею

пропахло.

– Ядовитое яблоко, – отозвался Лучано, сделав глоток вина. – Я почувствовал запах, когда... ну, вы понимаете. Сам по себе дым не опасен, если не вдыхать его слишком долго. Но если синьорина будет кашлять, когда проснется, лучше позвать целителя.

– Благодарю, непременно, – снова кивнул разумник и тоже отпил из своего бокала.

Одет он был по-домашнему, как и в тот раз, когда принимал их с Аластором и месьором д'Альбрэ на новоселье, в просторную белую рубашку и мягкие черные штаны. В распахнутом воротах виднелась длинная алая полоса, идущая от горла вниз. Нехороший порез, таким ударом легко вскрыть гортань...

– Пустяки, – сказал Дункан, заметив его взгляд. – Царапина. Расстояние было невелико, маяк сработал точно, и я вывалился из портала возле самой кареты.

– Без оружия, – утвердительно спросил Лучано, помня, что рапиры при магистре не было, а нож, даже в опытных руках, матерых вооруженных *bravi* способен разве что рас смешить. – Ну почему вы не взяли меня с собой?!

– Вот потому и не взял, – улыбнулся Дункан. – Вы забыли, Лучано, что я сам себе оружие. От этого удара я увернулся, рапиру, что его нанесла, отнял и тут же вернул владельцу острием вперед... А вот потом... Признаюсь, я был очень зол...

Он помолчал, допил то, что было в бокале, и с сожалением признался:

– Боюсь, живых свидетелей не осталось.

– Шесть покойников, – подтвердил Лучано. – Но ведь это же Дорвенант! Здесь и мертвых могут разговорить. Грандсеньор Дарра уже занимается этим делом. О, магистр, неужели вы их всех одним ножом?!

– Нет, конечно, – усмехнулся тот. – Я их магией. Знаете, разумники считаются почти беспомощными в драке, нам даже в магических дуэлях позволено не участвовать. Но я все-таки магистр гильдии...

Он с острым намеком глянул на Лучано, у которого под этим взглядом едва не застрял в горле кусочек сыра.

– Сомневаться в умениях грандмастера? – поразился Лучано, проглотив сыр. – О, я бы никогда! А... Что вы сделали?

– Заставил их перебить друг друга, – сказал разумник совершенно обыденно, отчего его слова прозвучали еще более жутко. – Говорю же, я был очень зол. И потому просто сбросил эту злость на них, ненадолго превратив товарищей в смертельных врагов. Обычно это гораздо сложнее, но они уже были распалены неудачей и потерями. Пес Айлин загрыз одного, сама Айлин убила второго, я а – третьего...

– Синьорина! – восхищенно выдохнул Лучано. – Ми брава аморе!

– О да, храбрости ей не занимать, – тепло улыбнулся магистр. – В общем, пока остальные трое резались между со-

бой, я прихватил Айлин и попросту сбежал. А доблестный лорд Ульв сам нашел мой дом немного позже. Значит, вы говорите, живых свидетелей не осталось? Что ж, я бы предпочел, чтобы лорд Бастельеро не получил и мертвых. Надеюсь, Дарра об этом позаботится.

Он снова разлил вино по бокалам, и Лучано понял, что магистр ужасно устал. Потому и разговорчив чуть более обычного, и расслаблен, как после тяжелой работы или минувшей опасности. И видно, что расслабленность эта лишь телесная, разум работает по-прежнему остро и ясно, а в темных арлезийских глазах заметна тревога.

– Грандсиньор Аранвен перекрыл весь город, – сказал он вслух. – Его люди стоят на воротах и прочесывают каждый квартал. Синьорину, конечно, в вашем доме никто не найдет, но на след этих *putta bambini*, надеюсь, выйдут.

– Нисколько не сомневаюсь в уме и настойчивости молодого Аранвена, – подтвердил Дункан. – Если есть хоть одна возможность узнать, кто за этим стоит, он узнает. Но Айлин лучше пока побыть здесь. В дом Бастельеро ей возвращаться нельзя, во дворце слишком много глаз и ушей. Особняк Аранвенов надежен, однако сам Ангус болен, а Немайн и Дарра сейчас будут слишком заняты. Я бы предпочел присмотреть за Айлин сам.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, грандсиньор. – Даже не пряча лукавую улыбку, Лучано встал и почтительно поклонился, а потом не утерпел и попросил: – Можно мне ее

увидеть?

– Только не будите, – ответил ему очередной улыбкой разумник. – Бедная девочка так устала, что уснула, едва мы поговорили.

– Будить спящую синьорину?! – поразился Лучано. – Да что вы, грандсиньор, я же не настолько идиотто! Я почти месяц глядел, что бывает с теми, кто мешает ей выспаться! Ну, демоны всякие, умертвия, кадавры...

Усмехнувшись, разумник встал и поманил его за собой. Лучано проследовал за хозяином дома по знакомому коридору, но в этот раз не в сторону купальни, а к двери, которую Дункан открыл без стука, медленно и осторожно. Заглянул первым, а потом отступил, пропуская гостя. Лучано на цыпочках прошел в уютную спальню, где задернутые занавеси создавали приятный сумрак. Красавица-мауритка, сидящая у кровати с каким-то рукодельем, бдительно вскинулась, но увидела в дверях Дункана и вернулась к своему занятию.

Лучано подошел к кровати, бесшумно ступая по мягкому арлезийскому ковру, наклонился к спящей Айлин. Дыхание девушки было ровным и чистым, без хрипов, на щеках виднелся легкий здоровый румянец. Вот она слегка повернулась, будто почувствовав его взгляд, и улыбнулась чему-то во сне... Лучано поспешно отступил, едва не споткнувшись о лапу синьора Собаки, высунутую из-под кровати. Что ж, кажется, все беллиссимо?

Выйдя из спальни и дождавшись, пока Дункан закроет

дверь, он снова низко поклонился, приложив ладонь к груди, и спросил:

– Сколько вы надеетесь ее прятать, грандсиньор? Не подумайте, что я против, о, совсем нет! Но если кто-нибудь узнает...

– Все мои слуги родом из Арлезы, они преданы мне и не болтливы, – помолчав пару мгновений, ответил разумник. – Уверен, за пределами дома никто из них и словом ни о чем не обмолвится. На доме стоит защита не хуже, чем на любом особняке Трех Дюжин. Стены высокие, сад большой, и Айлин может спокойно в нем гулять, не опасаясь любопытных соседей. Уж поверьте, прежний хозяин много лет приносил здесь кровавые жертвы Барготу – и то никто не заметил.

– Веский довод, – растерянно согласился Лучано. – Значит, пока не о чем беспокоиться?

– Если появится причина для беспокойства, я просто увезу ее в Арлезу, – спокойно сказал Дункан. – У меня в саду личный портал, даже выходить за ворота не понадобится. Несколько минут – и мы будем в Вуали. А сейчас позвольте попросить вас, друг мой.

– К вашим услугам, грандсиньор! – пылко заверил Лучано.

– Загляните в особняк Бастельеро, передайте лорду Аларику с глазу на глаз, что его невестка в безопасности, и заберите письмо Эддерли. Полагаю, личному посланнику короля лорд Грегор не откажет.

– Беллissimo, – просиял Лучано. – Вы правы, грандсеньор, письмо пригодится! Полномочия своей Руки Альс у меня не забирал. Очень кстати, м?

Распрощавшись с разумником, он вскочил в седло Донны и уже с легким сердцем отправился в палаццо синьора некроманта, напоминая себе, что вид нужно иметь хмурый и озабоченный. Так, словно синьорина пропала бесследно, король в гневе и печали, а сам Лучано полон рвения и подозрительности. Кого он подозревает? На всякий случай – всех!

Солнце уже уверенно перевалило за вершину небосвода, Дорвенна пригрелась и разнежилась в его лучах, словно кошка, и обычно хмурый город казался приятным и ласковым. Сейчас Лучано в нем нравилось решительно все! Переклички торговцев, крики детей, играющих прямо на мостовой, благоухание роз, которые он не видел за высокими оградами дворянских палаццо, но точно знал, что они там есть.

Даже Донна цокала копытами особенно звонко и мелодично, отбивая подковами веселый ритм, словно джунгарская танцовщица – бубном. Пару раз навстречу Лучано попадались пешие патрули городских стражников и еще раз – конные гвардейцы. Но первые, бдительно оглядев одинокого дворянина, шагали мимо, а лейтенант гвардейцев поклонился, явно гордясь знакомством с королевским фаворитом, и Лучано приветливо кивнул в ответ.

«Благие Семеро, как же хороша бывает жизнь, когда солнце наконец выглядывает из-за туч! – подумал Лучано. –

Айлин в безопасности и рядом с возлюбленным. Молодой грандсиньор Аранвен перетряхивает столицу, как пьяница – собственный карман в поисках последнего скудо, а магистры Ордена плетут маленький аккуратный заговор против своего главы – и поделом ему! Приятно думать, что Бастельеро ждет правосудие, пусть даже не за смерть той бедняжки, а за убийство бывшего патрона... Надо и мне сделать что-нибудь полезное. Например, заказать для грандсиньора Ангуса итлийских апельсинов. Зайти в храм, попросить у Милосердной Сестры здоровья и ему, и синьору Саймону, а заодно поставить свечу Претемнейшей, чтобы навела на нужные следы – чего-чего, а покойников в этом деле хватает. Ну и осведомиться у мастера Ларци, не слышно ли чего интересного... Не зря же гильдия держит людей при каждом дворе торговых принцев!»

Палаццо Бастельеро показалось ему еще мрачнее обычного, слуги – тихими и словно перепуганными. Сухопарый дворецкий с каким-то особенно каменным лицом сообщил, что лорда Грегора нет дома, поэтому гостя примет лорд Аларик.

В холодном и тихом, будто склеп, огромном холле Лучано поймал себя на святотатственной мысли, что ему очень хочется встать посреди холла и спеть... ну хотя бы каватину из оперетты «Принцесса-Солнце». Не может быть, чтобы такие замечательные высокие своды глушили звук!

Он поспешно отбросил эту мысль и заставил себя смотреть серьезно, как положено королевскому следователю, хо-

тя радость так и рвалась изнутри. Айлин сюда не вернется! Мастер Ларци прав, его непутевый ученик совсем не умеет держать лицо, когда речь идет о близких людях. Непростительный порок что для Шипа, что для королевского следователя!

– Милорд Фарелл! – Отец хозяина дома вышел ему навстречу со стремительностью, которой трудно было ждать от почтенного пожилого синьора. – Мою невестку нашли?! Есть новости?!

Ага, значит, здесь уже все известно...

– Увы, грандсиньор, поиски продолжаются. – Лучано поклонился, а когда выпрямился, его кольнуло стыдом – на просветлевшее лицо свекра Айлин разом снова легла мрачная тень. – Ваша светлость, – добавил он поспешно, – у меня поручение от его величества. Где мы можем поговорить?

И коротко глянул в сторону дворецкого, в ожидании приказаний застывшего неподалеку.

– О, простите, я совсем забыл долг учтивости! Прошу следовать за мной. – Грандсиньор Аларик тоже посмотрел на дворецкого и неожиданно мягко сказал: – Почему бы вам не отдохнуть, Руверс? Передайте свои обязанности камердинеру его светлости Грегора, уверен, он с ними справится.

– Благодарю, милорд. – Дворецкий поклонился отрывисто и как-то неуклюже, словно марионетто в руках неумелого кукольника. – Я не устал.

– Ну, как знаете, – вздохнул грандсиньор Аларик и, когда

они с Лучано вышли из холла, негромко пояснил: – Убитая компаньонка моей невестки – его племянница. Кажется, у него больше никого не осталось из родственников. Я бы дал ему отпуск, но... он сам не хочет. Возможно, так и вправду лучше, обязанности хоть немного отвлекают беднягу. Так вы сказали, милорд, у вас поручение? Чем я могу служить его величеству?

– Прежде всего, грандсиньор, – тихо сказал Лучано, – у меня для вас известие, которое просят хранить в полной тайне.

– Известие?! Неужели...

– Т-с-с... – Лучано прижал палец к губам и так же тихо сказал: – Некая особа, о которой вы беспокоитесь, в полной безопасности и под надежной охраной. – А потом, повысив голос, добавил: – Я прибыл, чтобы забрать письмо леди Эддерли, присланное сегодня утром. После известных вам событий оно является важной уликой, и его величество желает, чтобы письмо было передано службе канцлера для расследования.

– О, разумеется! – выдохнул свекор Айлин и посмотрел на Лучано с такой истовой благодарностью, что тому стало неловко. – Я немедленно за ним пошлю. Уверен, оно в кабинете лорда Грегора.

– Буду крайне признателен, грандсиньор, – поклонился Лучано.

Через несколько минут он покинул палатку Бастельеро,

увозя плотный конверт с гербовой совой на синем воске и «вечную признательность» благородного синьора Аларика. Первое было необходимо для расследования, второе попросту приятно. Кроме того, королевского посланника, заверили, что самый младший из грандсиньоров Бастельеро здоров и весел, если не считать беспокойства по поводу режущегося зуба. Лучано подумал, что Айлин будет приятно это узнать. Наверняка она беспокоится о малыше.

* * *

Домой Грегор вернулся с мучительным желанием убить хоть кого-нибудь, раз уж нельзя прямо сейчас добраться до настоящих виновников. Слуги, чувствуя настроение хозяина, предусмотрительно не показывались на глаза, хотя за всю жизнь Грегор ни разу не позволил себе сорвать гнев на ком-нибудь из них.

Зато в любимой гостиной Айлин обнаружился лорд Аларик, небрежно играющий с Деми. Он бросал собачке маленький мячик, та радостно бегала за ним по всей комнате, приносила в зубах и, виляя хвостиком, ожидала, пока игрушку снова кинут. Раздражение, которое Грегор так успешно сдерживал весь день, снова проснулось внутри, и на этот раз ему не мешали никакие оправдания. Айлин похитили! А этот... играет с собачкой! Претемнейшая, до чего же бесполезное существо! Хуже разве что Люциус, все-таки не зря дед оста-

вил титул главы рода внуку, а не сыну!

– Простите, что отрываю вас от столь важного занятия, – съязвил Грегор. – Но хотелось бы узнать, что произошло за время моего отсутствия. Тела сударыни Эванс и кучера привезли?

– Они на леднике, – отозвался лорд Аларик, не отрываясь от забавы. – Руверс просил узнать, когда он сможет похоронить племянницу. Он понимает, что вы поднимете ее для допроса, но надеется, что это не повредит ни телу, ни душе.

– Для дворецкого, который служит роду Бастельеро, он непростительно невежественен, – процедил Грегор. – Что, по его мнению, я могу сделать с телом?! Разумеется, оно останется невредимо! И, смею надеяться, я достаточно опытен, чтобы призвать душу, а потом ее отпустить. Вообще, с какой стати слуги в моем доме передают свои просьбы через вас, а не обращаются с ними напрямую?!

– О, не беспокойтесь, ваши слуги прекрасно помнят, кто хозяин в этом доме, – равнодушно сказал лорд Аларик и снова бросил мячик маленькой предательнице Деми. – Как и я. Тем более, что вы не устаете так любезно об этом напоминать. Просто у Руверса случился сердечный приступ, и лекарь запретил ему вставать с постели. Боюсь, в ближайшее время вам придется искать нового дворецкого.

– Приступ? У Руверса? – растерялся Грегор. – Хотя... он ведь служил еще деду...

И был таким же незыблемым и, казалось, бессмертным,

как и все, что осталось Грегору от Стефана: дом, традиции, мастерство и воспитание...

Устав играть с мячиком, Деми принесла его Грегору и положила возле ног, сев рядом и пытаясь заглянуть в лицо. Грегор наклонился и погладил собачку – в конце концов, она не виновата, что играет с любым, кто проявляет к ней внимание, фраганские пушистики для того и созданы.

Лорд Аларик потянул к себе лист бумаги, лежавший на столе, и принялся что-то черкать на нем карандашом. Кажется, делал набросок, или как там они называются... Омерзительное равнодушие! Но Грегор слишком устал злиться, к тому же его ждали куда более важные дела.

– Передайте Руверсу... – начал он и опомнился, ведь сам только что был недоволен вмешательством лорда Аларика. – Нет, я зайду к нему сам. Заодно спрошу о здоровье. Он это заслужил...

Осторожно высвободив сапог, который Деми обняла и положила на него мордочку, Грегор вышел из гостиной и направился в подвал. И фамильная лаборатория, и ледник располагались там, по соседству. Сейчас он, наконец, узнает, что случилось этим проклятым утром!

Первым Грегор решил призвать кучера. Вряд ли тот расскажет что-нибудь важное, но первые моменты нападения видел именно он. Чтобы не тревожить тело, Грегор срезал с виска убитого прядь волос и хотел было по привычке вызвать дворецкого, но вовремя вспомнил... Пришлось узна-

вать имя у своего камердинера.

С привычной аккуратностью начертив звезду, Грегор влил силу и позвал:

– Тимоти Томсон! Явись ко мне!

Всего через несколько мгновений внутри звезды соткался силуэт бедняги, налился красками и огляделся вокруг. А потом, заметив Грегора, виновато ахнул:

– Ваша светлость, извольте простить! Не виноватый я! Упустил я лошадок, это правда, но не виноватый! Я же за ними сразу кинулся! А собрать не могу! Руки не слушаются... – И он растерянно оглядел свои огромные лапищи, полупрозрачные, как и положено духу.

– Баргот с лошадьми! – прервал его Грегор. – Что ты видел?!

– Так лошадок и видел, милорд, – удивился кучер. – Лошадок да улицу, куда мне еще смотреть? В нашем звании по сторонам глазеть нечего, наше дело – дорога! А эти как выскочат откуда-то! Один постромки рубанул, чтобы, значит, карета с места не тронулась, а второй мне в грудь рапирой ткнул – и все. Я тут же очнулся, милорд, а лошадки хвосты задрали и как рванули по улице! Я их догонять! А собрать и привести не могу, так и крутился рядышком, пока вы не позвали. Господин какой-то меня с собой тоже звал, важный такой, все говорил, будто служба моя кончилась, да разве я могу лошадок бросить?

– Болван... – Грегор от разочарования потер лицо ладо-

нями. – Какой же болван...

Конечно, кучер ничего не видел! Его сразу убили, а потом душа, покинув тело, кинулась исполнять привычные обязанности, ловить сбежавших лошадей! Немыслимый болван!

– Вы лошадок-то пошлите забрать, милорд, – продолжал беспокоиться кучер. – Их стражники нашли да в конюшню свели. Может, и вернут, но разве они способны наших красавиц обиходить? За лошадками уход нужен, а эти не накормят их как положено, не почистят...

– Отпускаю тебя, Тимоти Томсон, – устало и разочарованно сказал Грегор. А потом, спохватившись, что этот болван отказался идти с Провожатым, посчитав лошадей своим незаконченным делом, добавил: – И лошадей велю забрать, не беспокойся.

– Премного благодарен, милорд! – просиял кучер, и по лаборатории повеяло холодом, как всегда бывает, если открывается путь к Садам.

Дух Тимоти Томсона растаял, а Грегор обновил свечи и положил в середину звезды белокурую прядь. Надо же, у сударыни Эванс были красивые волосы, а он и не замечал. Правда, с чего ему замечать ее внешность? Жаль бедняжку, за нее похитители тоже ответят. После первой неудачи на показания Эванс Грегор не особо рассчитывал, но была слабая надежда, что магесса окажется более внимательной и сообразительной, чем простолюдин.

Эванс явилась так легко и охотно, словно ждала призы-

ва, и Грегор, все еще разраженный на болвана кучера, сначала подумал, что его подводит зрение. Или что вместо Эванс явился кто-то другой – что, несомненно, было еще большей нелепицей.

Как ни странно, призрак выглядел совсем юной девицей – лет пятнадцати, не больше. Со свежим румяным лицом, с пушистыми светлыми волосами, убранными в затейливую прическу из жгутов, локонов и лент – кажется, нечто подобное носили adeptки Академии, когда сам Грегор учился на младших курсах – и с ясными карими глазами, глядящими на него почему-то с тем же восторгом, что Грегору случалось видеть в глазках Демуазель. Даже одета Эванс была в мантию adeptки Зеленого факультета, черную, с широкой зеленой оторочкой по полу и рукавам. Странно, с чего бы душе Эванс выглядеть именно так, если вспомнить, сколько лет назад она училась в Академии? Какая, впрочем, разница?

– Сударыня, вы видели, что случилось с моей женой? – резко спросил Грегор, и на лице призрака проступила явная растерянность.

– Нет, милорд, – прошелестел негромкий голос, и Грегор досадливо поморщился.

– Может быть, вы что-то слышали или можете, по крайней мере, предположить, куда она исчезла?

– Нет, милорд, – повторил призрак и прикусил губу, словно желая что-то сказать, но в последний момент спохватившись.

– Говорите, – резко приказал Грегор.

– Вы совсем меня не помните? – тихо и бесконечно печально спросил призрак.

Грегор недоуменно вскинул брови. Нет, конечно, судя по возрасту сударыни Эванс, они учились в Академии примерно в одно время, но неужели она в самом деле полагает, что Грегор помнит каждую адептку, к тому же простолюдинку и с чужого факультета? Да он даже не знал, что племянница их дворецкого одарена искрой! Делами тогда занимался дед, наверняка он и оплатил девице учебу, с такими расходами в доме Бастельеро не принято было считаться... Но какое это имеет отношение к тому, что он желает узнать?!

Призрак женщины словно потускнел, опустил плечи, и даже ее лицо словно бы разом постарело.

– Турнир поцелуев, – прошептала она едва слышно. – Я устроила его ради вас, милорд, только ради вас... Я надеялась, так надеялась, что вы посмотрите на меня и увидите, наконец, а вы... вы даже меня не помните! Какая же я дура!..

Турнир поцелуев?! То есть эта рано поблекшая женщина и есть та молоденькая целительница, милая и нежная, за губки которой соперничали... Неласково же обошлась с ней Всеблагая! Бездетная вдова, потерявшая даже тень былой красоты, разве что волосы... И чего она хочет от него теперь?! Что это за намеки?!

Осознав смысл услышанного в полной мере, Грегор нахмурился. Неужели эта... женщина всерьез на что-то рассчи-

тывала?! Может, она и на службу к нему устроилась, чтобы... осуществить свои глупые надежды?! Впрочем, нет, Эванс всегда была очень почтительна и безусловно добродетельна... Если ей просто хотелось быть рядом, это можно понять... Несчастное существо, живущее прошлым и памятью о кратком миге своего триумфа... Но причем это сейчас?!

– Эванс, послушайте, – сделал он последнюю попытку договориться с убитой. – Если вы и в самом деле... испытывали ко мне чувства... Прошу, помогите мне! Помогите отыскать жену, и я... я буду всегда благодарен вам!

– Жену?! – выдохнул призрак, вдруг обретая неприятное сходство с живой женщиной, причем разгневанной. – Эту мерзавку, которая не ценила своего счастья?! Она могла быть с вами всю жизнь, каждую минуту, когда бы только пожелала! Вы ее обожали, исполняли все ее желания, а что взамен?! Как я надеялась, что вы увидите ее непокорность и все поймете! Поймете, что она вас не любит и никогда не хотела брака с вами! Я надеялась, вы разуверитесь в этой особе, которая никогда не хотела соблюдать правила и беречь свою репутацию! Почему все любили ее за это? Даже вы! Вы! Я любила вас всю жизнь, милорд! Я готова была поклоняться вам как божеству, но даже взгляд не смела бросить издали, ведь кто вы – и кто я?! И что я получила за свою любовь? Забвение и презрение! Ну так если бы даже я что-то знала – ни за что не сказала бы вам! Ничего! Ни слова! Надеюсь, она пропадет навсегда. Живая или мертвая, она разобьет вам

сердце так же, как вы разбивали сердца, не думая об этом!..

– Прочь, – сухо велел Грегор, уловив главное – Эванс и вправду ничего не знает. – Отпускаю тебя, Эмма Эванс, убирайся в Сады или к Барготу, как тебе определит милость Госпожи.

Рыдающий и визжащий призрак растворился в пространстве, а Грегор почувствовал себя так, словно испачкался в чем-то отвратительном. Эта дрянь посмела клеветать на Айлин?! Да в одном мизинце его жены больше благородства, чем в этой наглой дуре! Очень жаль, что он когда-то с ней целовался! Дед был прав, мужчине должно соблюдать воздержание и не поддаваться неприличным желаниям, невзирая на возраст и чужие подначки!

Он опять заменил свечи, чувствуя, что сойдет с ума, если немедленно не узнает правду. Кого ему искать, живую Айлин или ее тело?! Волос Айлин у него нет, горничные знают свое дело, и в ее комнате убирают со всей тщательностью, не пропуская ни соринки, ни шерстинки с проклятого умертвия, ни волоса хозяйки. Впервые Грегор об этом пожалел. Как он мог проявить подобную неосторожность и не запастись хотя бы прядью?! Но силы на призыв по имени у него еще хватит...

– Айлин Мелисса Элоиза Игрейна Бастельеро, урожденная Ревенгар, приди!

Он повторил призыв, потом опять – уже в третий раз.

И снова – никакого ответа. Даже намек на ответ! Что ж,

значит, она жива – если только не думать о том, что ее душа просто не желает явиться!

Далекое рассеянное: «Не хочу!» – всплыло в памяти так ясно, словно Грегор услышал его только вчера. Проклятье! Трижды проклятье! Ну почему с этой девчонкой всегда было так сложно?!

Он взмахнул рукой, намереваясь стереть бесполезную звезду, и невольно вздрогнул: в комнате повеяло ледяным ветром и пронзительно запахло сырой землей, прелой листвой, осенними цветами...

– Не стоит искать того, кто не желает быть найденным, – прозвучал голос, похожий на звон хрустального колокольчика, и Грегор медленно поднял голову.

Зеркало на стене лаборатории затуманилось, а потом стекло прояснилось, наполнилось бездонной далью, из которой выступила изящная фигура, затянутая в лиловый шелк. Платье в сумраке лаборатории казалось траурно-темным, лицо нежно белело, а волосы были убраны в строгую высокую прическу...

«Хорошо, что я стою перед зеркалом, – мелькнула паразитально неуместная мысль. – Не хватало только встретить Госпожу... спиной».

Женщина в зеркале, словно услышав его мысли, улыбнулась – без гнева, но и без веселья.

– Простите, Госпожа, – тихо промолвил Грегор, опустив глаза. – Я плохо заботился о... вашем подарке.

– Ты так ничего и не понял, мальчик, – снова прозвенел голос, от которого у Грегора по спине пробежал холодок. – Я не дарила тебе жену, ведь не меня вы зовете Всеблагой Матерью. Но ты, мой Избранный, просил забрать память о несбывшемся, чтобы вдохнуть полной грудью. И я сделала тебе подарок, драгоценный подарок – я указала тебе путь, которым надлежит следовать! Указала так, чтобы ты не мог ошибиться. Ты мог найти свое счастье в Академии, как это случилось со многими. Стать любимым наставником, найти свое счастье и гордость в учениках и оставить о себе память как о великом ученом.

Но ты выбрал другую дорогу и сделал несчастными троих человек. А ведь я пыталась тебя остановить. Помнишь свечи в храме? Те, что не хотели зажигаться во время вашей свадьбы? И я, и моя Всеблагая сестра – мы обе тебя предупреждали! Но ты не послушался, теперь пожинаешь плоды. Последний раз я предупреждаю тебя, мой Избранный, в память о прежних заслугах. Остановись, не пытайся поднять из могилы умершую любовь. Не ты ли говорил, что любое мертвие – страшная тварь?

Голос стих, и видение в зеркале померкло, превратившись в силуэт, а потом и вовсе растворившись. Грегор, вдруг лишившись последних сил, опустился на пол лаборатории и несколько минут сидел, уставившись в потемневшее зеркало. Так это все была ложь?! Его покровительница, единственная, которую он истово чтит, тоже предала его?! Сна-

чала не одобряя брак с Айлин, потом отказав ему в силе во время дуэли... А теперь и вовсе велел отступить?! Что за безумие? Никто, даже не боги не вправе указывать ему, как жить, кого любить и с кем враждовать! Если бы он мог, он швырнул бы Госпоже обратно дар Избранного, отказавшись от ее милостей.

Но поскольку это невозможно, он употребит свою магию по собственному усмотрению. Любые средства хороши, чтобы спасти Айлин и узнать, к чему эти многозначительные намеки? Кто эти трое, кого он сделал несчастными? Почему какая-то простолюдинка-недоучка позволяет себе говорить, что жена не любит Грегора, а сама Претемнейшая Госпожа ей вторит?!

Виски заломило пронзительной болью, и Грегор потер их ладонями. Боль стала менее острой, но расплзлась по затылку. Пустяки, это лишь усталость и страх за Айлин. Нужно навестить сына. Ему всегда становится легче от вида улыбки маленького Аларика. Ради сына он справится с чем угодно, с любой болью и разочарованием, и Айлин он тоже найдет, а потом они всегда будут счастливы вместе.

* * *

Когда он въезжал в дворцовые ворота, колокол прозвонил шесть часов, и Лучано поразился, как быстро пролетел день. Послав пажа к Аранвену-младшему с просьбой о встрече,

он отправился к Аластору. К его удивлению, Дарра Аранвен, невозмутимый и свежий, словно только что явился на службу, подошел к покоям короля с другой стороны. Поклонившись, Лучано пропустил грандсиньора в королевский кабинет, а сам прошел следом.

– Ну что?! – встретил их Аластор, мгновенно отвлекаясь от бумаг. – Вы ее нашли?

– Поиски продолжаются, ваше величество, – склонил голову синьор Дарра. – Мы отыскиали зачинщиков драки, которые отвлекли стражу во время нападения. Им заплатил неизвестный сударь с фраганским выговором и без особых примет.

– Серьга, выговор... – помрачнел Аластор. – Значит, все-таки Фрагана?

– Или просто фраганский наемник, – словно прочитал мысли Лучано сын канцлера. – Делать выводы пока рано.

– Возможно, вам поможет вот это? – протянул ему Лучано конверт и пояснил Аластору: – Этим письмом синьорину выманили из дома.

– Печать Эддерли, – сказал Аранвен, внимательно оглядев конверт и едва заметно нахмурился. – Либо подлинная, либо виртуозная подделка. Я прекрасно знаю их печать и различия не вижу. Само письмо... – Он открыл конверт и прочел послание. – Содержание безусловно лживо. Саймон все еще в беспамятстве, приди он в себя, меня бы немедленно известили. Но почерк очень похож... Я немедленно отправлюсь

к Эддерли за ответами на вопросы, но сначала, милорд, позвольте повторить вопрос его величества.

Лучано, оказавшийся под прицелом сразу двух взглядов, таких непохожих, но одинаково пронзительных, принял сдержанный и почти чопорный вид, словно кот, которого застали над кувшином сметаны, а потом сообщил:

– Монсиньор, ваша светлость, позвольте мне промолчать.

– Промолчать?! – поразился Аластор. – Лу, ты рехнулся?! Уморить меня хочешь?!

– Вовсе нет, – возразил Лучано обиженно. – Но пока во дворец не явился грандсиньор Бастельеро, я буду молчать как рыба! Потому что грандсиньор наверняка начнет задавать вопросы, а королям и благородным синьорам лгать неприлично, не вы ли меня этому учили?

– А себя ты к дворянам по-прежнему не относишь? – буркнул Аластор и вдруг расплылся в улыбке. – Значит...

– Какая похвальная осмотрительность, – склонил голову грандсиньор Дарра. – Милорд Фарелл, примите мою благодарность.

Они с Аластором переглянулись, и Лучано с изумлением увидел, как серый лед в глазах молодого Аранвена... нет, не растаял, конечно! Однако чуть заметно потеплел. Словно устыдившись этого, синьор Дарра тут же попросил позволения удалиться. Но не успел он ступить за порог, из комнаты перед кабинетом заглянул секретарь Вильмон и сообщил:

– Лорд Бастельеро просит аудиенции у его величества.

– Надо же, как вовремя! – хищно обрадовался Аластор и приказал: – Впустить!

* * *

Король смотрел на него так тяжело и холодно, что Грегор вдруг вспомнил, как несколько лет назад этот самый король, тогда – мальчишка, в котором разве что истинный пророк смог бы увидеть будущее величие, сказал, что однажды вырвет ему горло. Что ж, кровь Дорве победила позорное происхождение бастарда, и в волкодава он действительно вырос, только последний болван будет с этим спорить.

Однако сейчас Грегору было плевать и на дурное настроение короля, и на итлийца, замершего за широким королевским плечом в ожидании приказа. Ему уже доложили, что Фарелл успел побывать у него дома и забрать то самое письмо, которое толкнуло Айлин в руки похитителей. Забрать для службы канцлера единственную улику!

Он посмотрел на Дарру Аранвена, застывшего у окна, тот ответил невозмутимым взглядом человека, прекрасно знающего, что сила на его стороне. Вторая встреча за день и снова нехстати! Глупо ожидать, что Аранвены будут беспристрастно расследовать дело, в котором замешаны Эддерли... С другой стороны, такими клятвами не бросаются, да и Айлин в семье Эддерли всегда любили, так что Говард и Мариан вряд ли виноваты...

Но вдруг хотя бы король станет его союзником в поисках?

– Ваше величество, я прошу позволения присутствовать при допросе тел негодяев, напавших на мою жену, – проговорил Грегор со старательной почтительностью и замер в ожидании ответа.

– Зачем? – осведомился король со столь искренним недоумением, что Грегор стиснул зубы.

Да он же... издевается!

– Эти люди напали на мою жену, ваше величество. Я хочу знать, кто им это приказал и куда она исчезла, – выговорил он, прикладывая немалые усилия к тому, чтобы голос звучал хотя бы бесстрастно.

В то, что у него получится говорить почтительно, Грегор уже и сам не верил. Он ожидал, что Аранвен-младший возразит на эту просьбу, но Дарра молчал, стоя совершенно неподвижно и ничего не выражая красивым, но безразлично-холодным аранвеновским лицом.

– Я не позволяю вам этого, милорд, – бросил король, прищурившись, и прежде, чем Грегор успел сказать хоть что-то, добавил: – Вы получили мой приказ, не так ли? Поиски леди Айлин вам тоже запрещены. Мне трудно поверить, милорд, что если вам удастся найти ее, то вы удержитесь от встречи или разговора. Что будет прямым нарушением моего приказа.

В груди вдруг стало так холодно и больно, будто сердце превратилось в острую льдинку. Как в дурном сне Грегор по-

пытался сосредоточиться на происходящем, но то, что он видел и слышал, словно распадалось на отдельные краски, звуки, ощущения.

Голубые глаза короля стремительно выцвели, став холодно-серыми. Лицо с короткой светлой бородкой и северными косичками от висков застыло, словно вырубленное из камня. Как же хорошо, что с этой прической он не похож на Малкольма!

Аранвен... Вот на него смотреть точно не хотелось! Не хватало еще сорваться и вызвать эту хладнокровную тварь на дуэль прямо при короле!

Грегор с усилием отвел взгляд и, просто чтобы отвлечься, посмотрел на Фарелла.

Руки итлийца не касались королевских плеч и лежали на резной спинке кресла расслабленно, однако от этой расслабленности почему-то было тревожно. На смуглых пальцах блестели перстни. На правой руке – родовой с пожалованным гербом, издалека видно только золото на черной эмали, на левой – кроваво-алый рубин и знакомый аметист, мертвый, но все равно яркий.

«Почему Фарелла считают улыбчивым безобидным щеголем? – так же отстраненно удивился Грегор. – Он ведь убил Денвера, не говоря об остальной крови на его руках... А об этом совершенно все забыли, даже я... Интересно, рубин – тоже трофей? Малкольму не было нужды держать при себе убийцу, для казни по закону у него имелся канцлер, а поже-

лай Колям чьей-то смерти вне закона, неужели я бы ему отказал? Этот же король пригрел ядовитую змею в пушистой шкурке домашнего кота, и никто даже не боится!»

Он вздрогнул, услышав королевский голос и вынырнув из размышлений, в которые провалился так не вовремя.

– Однако, – добавил проклятый щенок, все-таки выросший в волкодава и теперь медленно сжимавший клыки на горле Грегора, – вы, несомненно, должны знать, кто отдал приказ о похищении. Поскольку этот негодяй мог целиться в вас. Даю слово, если службе канцлера удастся допросить и опознать нападавших, вы узнаете имя заказчика.

– И это все, ваше величество? – тихо спросил Грегор, истово жалея, что нельзя забыть о присяге. Да, он клялся быть верным и покорным подданным! Но у сеньора тоже есть обязательства перед вассалом! И сейчас не время для сведения счетов. – Я прекрасно понял, что вы желаете разлучить меня с женой. Оставляю это желание на вашей совести. Но я никогда в мыслях не имел причинить ей вред. И уж точно не способен на это сейчас, когда она в опасности...

Его голос предательски дрогнул, и Грегор не успел устыдиться, как во взгляде короля, устремленном на него, что-то изменилось.

– Я всего лишь хочу спасти ее, – сказал Грегор, и это было настолько близко к покорности и мольбе, насколько он вообще был на это способен. В сторону Дарры он по-прежнему старался не смотреть. – Лорд Аранвен отказывается от мо-

их услуг, но если его усилия потерпят неудачу... Ваше величество, неужели я не заслуживаю хотя бы узнать, жива она или?..

– Жива, – уронил король, все так же глядя на него в упор. И продолжил с явной неохотой: – Об этом говорит наша с ней связь. Когда на леди Айлин напали, мы с лордом Фареллом ощутили ее страх и гнев. Однако я клянусь, что никакой боли не было. И насколько мы можем понять сейчас, леди Айлин в полном здравии.

Связь! Проклятый аркан, которому Грегор обрадовался первый раз в жизни! Действительно, как же он мог забыть про эту шипастую дрянь?! Но если Айлин жива и не испытывает страданий, значит... надежда есть! Возможно, она совсем близко! Пусть Эддерли оказались ложным следом, пусть сама Претемнейшая предала своего Избранного, если в мире есть хоть капля справедливости, Грегор найдет Айлин! И вернет ее любовь, чего бы ему это ни стоило.

Глава 4. Очень странный дом

Айлин разбудил запах. Густой, пряный, чудесный запах шамьета, а еще топленого молока, орехов, меда, муската и корицы! И... чего-то цветочного, кажется?

Она открыла глаза, села на постели и замерла от восторга – на туалетном столике в узкой стеклянной вазе стояла веточка, усыпанная маленькими, но прелестными белыми цветами, источавшими нежный аромат, чем-то похожий на жасмин и в то же время совсем иной. Цветы Айлин тоже были незнакомы, но она не сомневалась, что веточка – родом из Арлезы. Чем-то она напоминала ту ветку кофе, что Кармель принес ей в лазарет... Как же чудесно!

А еще на столике были чашка шамьета, над которой поднимался парок, и тарелочка с ореховым печеньем!

Айлин тут же схватила самое маленькое и сунула в рот целиком. Еще теплое печенье оказалось нежным, рассыпчатым и просто таяло во рту! Проглотив его, Айлин собиралась взять второе, но тут открылась дверь, и в комнату вошла Амина, неся... любимое темно-голубое платье Айлин, то самое, что она носила еще до замужества в доме тетушки, да так и оставила там вместе с другими девичьими нарядами!

– Госпожа хорошо отдохнуть? – улыбнулась Амина. – Вчера госпожа устать и быть в печаль, потом вода и сон унесли все тревога. Новый день – новая радость!

Айлин решительно кивнула. Ведь и правда унесли! Вчера она проснулась, когда день уже начал клониться к вечеру, и Амина, как и обещала, повела ее в купальню, отделанную красивыми расписными плитками. От узорчатых бассейнов Айлин пришла в полный восторг несмотря на усталость. С гордостью показав начищенные медные краны, из которых льется чистая вода, Амина не ушла, а принялась помогать, хотя Айлин прекрасно вымылась бы сама. Но экономка решительно заявила, что «сам госпожа косы как надо не промыть и себя не размять». Сначала она долго что-то делала с ее волосами, потом отправила Айлин в горячий бассейн, спустилась следом и растерла ее тремя разными мочалками, от которых кожа загорелась, а тело наполнилось приятной истомой. А после бассейна уложила ее на широкую скамью и принялась массировать ничуть не хуже, чем костоправы Академии! Под сильными руками Амины Айлин едва сдерживалась, чтобы не пищать, но в конце концов расслабилась и с удовольствием почувствовала, как быстрее бежит по жилам кровь, прогоняя грусть и усталость.

А еще Амина принесла не только мыло и массажное масло, но и алхимический бальзам для удаления лишних волос, похожий на тот, которым Айлин пользовалась в Академии, только с другим запахом, и даже со всей деликатностью осведомилась, когда «госпожа идти путем красная луна» и чем предпочитает пользоваться в этой трудной дороге. Айлин сперва не поняла, о чем речь, и Амина, с трудом

подбирая дорвенантские слова, растолковала, что так у мауритских дам называются женские дни. Айлин, признав поэтичность сравнения, все же немного смутилась, но не смогла не подумать, что из Амины получилась бы просто бесценная камеристка, умелая и заботливая!

Кармеля она вчера так и не увидела, а когда осторожно спросила о нем Амину, та ответила, что господин уехал по делам, сказав, что госпоже наверняка нужно побыть одной и о многом подумать. Значит, вот где он был вчера вечером?! Позаботился о ее гардеробе, а заодно предупредил тетушку, что с Айлин не случилось ничего плохого!

Пока Айлин ела печенье, запивая его восхитительно сваренным шамьетом и наслаждаясь такой вызывающей, прямо-таки развратной роскошью – завтракать в постели! – Амина приготовила щетку для волос и ленты. Дождалась, пока Айлин встанет, усадила ее у зеркала в одной рубашке и принялась бережно расчесывать, смочив щетку каким-то нежно пахнущим зельем, от которого спутавшиеся пряди укладывались на удивление быстро и легко! Одобрительно цокая языком, Амина заплела ей косы, попутно сообщив на ломаном дорвенантском, что у мауритов женщины с огненными волосами очень ценятся, а за такие кудри семья госпожи получила бы сверх обычного выкупа три дюжины баранов, таких же лохматых и кудрявых, как сама госпожа!

Айлин не выдержала и рассмеялась, представив, как мауриты, таких же смуглые, черноглазые и красивые, как Ами-

на, тщательно отбирают баранов на предмет кудрявости – вдруг уступят Айлин! Улыбчивое спокойствие экономки Кармеля было так не похоже на чопорное поведение прислуги в доме Бастельеро, что Айлин едва верила самой себе – вдруг это сон, который вот-вот развеется?

Освежившись в уборной и сменив белье, она оделась и посмотрела в зеркало – там отражалась настоящая, прекрасно знакомая ей Айлин! С простыми девичьими косами, в любимом и привычном платье, румяная, с блестящими глазами и губами, тянущимися в улыбке, стоило покоситься на Амину и вспомнить про баранов. Или подумать о том, что сейчас она выйдет в сад и позовет с собой Пушка, терпеливо ожидающего в углу спальни...

А потом она вспомнила все, что узнала вчера, и радость не ушла, но схлынула, притаившись где-то на дне души, уступив место вине и вернувшейся печали.

– Мне нужно написать пару писем, – сказала она Амине, и экономка, понимающе кивнув, ушла, через несколько минут вернувшись с письменным прибором и горячей свечой для запечатывания.

Пока ее не было, Айлин собиралась с мыслями, зная, что одно письмо, горькое и полное жалости, написать все-таки будет просто, потому что она точно знает, что в нем должно быть. Зато второе... Стоило подумать о нем, и мысли путались, но отступить Айлин не могла, просто не имела права!

Устроившись за туалетным столиком, с которого Амина

убрала пустую посуду, Айлин взяла первый лист и обмакнула перо в чернильницу.

«Дорогая тетушка, – старательно вывела она, – простите за возможное беспокойство! Я постараюсь навестить вас так скоро, как только смогу, а до этого времени прошу хранить в тайне и мое пребывание в доме известного вам лица, и мои намерения, и даже то, что вам известно о моем спасении. Еще прошу вас взять на себя исполнение обещания, данного мною одной несчастной душе. Как можно скорее отправьте в заведение, именуемое «Страстоцветом», платье голубого цвета из тех, что предназначены для дневных прогулок. Прошу вас выбрать нарядное платье, непременно отделанное кружевом, а также ленты к нему в тон, туфельки и перчатки. Размер платья должен быть таким же, как у меня, в остальном всецело полагаюсь на ваш вкус, дорогая тетушка. Передайте распорядительнице заведения госпоже Элегии Барлис, что в этом наряде следует похоронить девицу Марту, исполняя ее посмертную волю... – Айлин остановилась, торопливо смахнула слезу, едва не испортившую письмо, сглотнула ком в горле и продолжила: – Кроме того, пусть наш поверенный отправит в это же заведение двести десять золотых – трижды по семь десятков в честь Семи Благих – с указанием, что эти деньги следует передать семье девицы Марты из деревни Глаффин. С любовью, ваша Айлин».

Высушив листок и вложив его в конверт, она подписала

адрес тетушки, капнула немного воска и приложила родовой перстень, подаренный Аластором. На воске четко отпечатались пятилепестковый цветок шиповника – ничего общего с гербовым вороном Бастельеро, и как же это правильно!

«Никаких воронов! Больше никогда!» – пообещала сама себе Айлин и посмотрела на уже готовое письмо, словно набираясь в нем уверенности перед следующим. Да если бы она даже хоть на миг усомнилась в собственном решении, стоило вспомнить бедняжку Марту и много чего еще...

Нет, конечно, написать это второе письмо необходимо! Но какими именно словами – вот над этим следовало подумать...

«Я должна быть очень осторожна, – сказала себе Айлин, покусывая кончик пера – дурацкая привычка, приобретенная в Академии и неожиданно вернувшаяся вместе с другими вольностями вроде кос и завтрака в постели. – Очень-очень осторожна! Получив это письмо, лорд Грегор страшно разгневется, а ведь рядом с ним в одном доме живет бабушка Аларик... и маленький Аларик Раэн... Если бы я только могла быть уверенной, что лорд Грегор никому не причинит вреда! Но я не могу – и это, кстати, одна из причин, по которой мне вообще приходится это писать! Так что письмо должно быть учтивым, сдержанным и осторожным... Таким осторожным, словно я накладываю трехуровневый аркан одной рукой и вслепую... Смертельно осторожным, в общем! Пусть он разочаруется во мне, пусть презирает и даже нена-

видит – но только меня! Лишь бы не подумал, что в моем решении виноват кто-то еще...»

Она решительно обмакнула перо в чернильницу и принялась писать, стараясь делать это как можно аккуратнее. Казалось, пальцы вот-вот задрожат от внутреннего напряжения! Как ни странно, почерк в кои-то веки получился разборчивым, почти красивым, словно все, что кипело в душе Айлин, никак не отражалось в том, что она делала.

«Лорд Бастельеро, спешу сообщить вам, что я нахожусь в полном здравии и безопасности. Хочу также заверить, что не имею ни малейшего представления, кто и зачем желал меня похитить. Прошу вас прекратить искать меня – уверена, что вы заняты именно этим. Полагаю, вы уже знаете, что я просила у короля отдельного проживания, надеюсь, что соответствующий указ уже составлен и получен вами. Заверяю, что это прошение было подано мною в ясном рассудке и после должного обдумывания всех последствий...»

Чернила высохли, перо царапнуло бумагу, и Айлин опять задумчиво прикусила его верхушку: оперение пощекотало губы. Нужно ли объяснять свое решение? Если не объяснить, лорд Бастельеро его попросту не поймет...

«Даже если объяснить, все равно может не понять, – возразила она самой себе. – Да и что я ему скажу? Что не могу простить вскрытого и прочитанного письма? Но ведь это так глупо и мелочно! Что он поступил с Саймоном слишком же-

стоко? Наверняка сам лорд Грегор считает иначе – ведь мог бы и убить! О бедняжке Марте? Это попросту опасно – он наверняка захочет выяснить, откуда я об этом узнала. Расспросит госпожу Барлис, кому она говорила, узнает о Кармеле... и переживет ли эту беседу сама госпожа Барлис? Нет, упоминать о Марте нельзя!»

Она снова обмакнула перо в чернильницу и продолжила:

«После года нашего брака я пришла к твердому убеждению, что не являюсь той женщиной, которая может составить ваше счастье. Боюсь, я не могу выполнять супружеский долг леди Бастельеро в соответствии с вашими представлениями о нем. Позвольте заверить, что я сохранию в памяти ваши старания быть достойным супругом и все, что вы для меня сделали, но решения оставить вас и ваш дом не изменю. Заранее прошу прощения за урон вашей репутации и готова взять на себя всю вину в глазах общества, как только мне представится возможность это сделать. Надеюсь на ваше благородство и еще раз прошу не искать меня и не тревожить никого из моих родных и друзей – предусмотрев такую возможность, я не воспользовалась их помощью и скрыла от них место своего пребывания. Если же вы сами пожелаете полного развода, я всемерно поддержу это решение и присоединюсь к вашему прошению королю. Прошу вас считать себя совершенно свободным с момента получения этого письма. Айлин, леди Дориан».

Запечатав и это письмо, она несколько мгновений смотрела на пару конвертов с подписанными адресами. Следовало подумать, как отправить послание в особняк Бастельеро, чтобы не навести бывшего супруга на свой след. Но об этом лучше спросить Кармеля, когда он вернется со службы...

«Возвращение со службы... Впервые жду с таким нетерпением, – удивленно призналась она себе. – А я ведь думала, что навсегда возненавижу эти простые слова. Оказывается, все зависит от того, кто именно возвращается! Я хочу увидеть Кармеля, хочу узнать, как прошел его день, хочу обсудить с ним все и попросить совета... Я хочу разговаривать с ним и поужинать вместе тоже хочу! Всеблагая Матушка, может, я слишком тороплюсь? Может, я не вправе чувствовать это все к чужому для меня мужчине? Изменять супругу если не телом, то помыслами... А разве это измена?! Я же не хочу ничего такого... Если год супружества чему-то меня и научил, так это знанию, что без всего, происходящего в спальне, женщина запросто может обойтись и ровно ничего не потеряет. Совсем наоборот, без этого куда спокойнее и приятнее жить! Но... вдруг несмотря на свои заверения Кармель ожидает от меня... взаимности? Что мне тогда делать?! Я же теперь точно знаю, что просто не создана... ну... для всего этого...»

Она сглотнула снова вставший в горле ком и почти с отчаянием посмотрела на письма. Нет, к лорду Бастельеро она никогда не вернется! Но, возможно, стоит не подавать Кар-

мелю лишних надежд? Объяснить ему... А что, собственно, она может ему объяснить?! Он спас ее и предложил помощь, ничего не требуя, его дом – надежная гавань, где она может укрыться...

«Я просто с ним поговорю, – тоскливо пообещала себе Айлин. – В конце концов, сейчас у нас обоих есть более важные дела, чем...»

– Госпожа опять грустить? – пронизательно спросила Амина, терпеливо ожидающая, пока Айлин закончит с письмами. – Не надо грустить. От печаль женщина стать некрасивый. Госпожа хотеть купальня? Или смотреть дом? Или сад?

– Да, я очень хочу посмотреть дом и сад, – старательно улыбнулась Айлин. – И Пушок наверняка захочет побегать в саду. Правда, хороший мой?

Пушок немедленно вскочил, всем видом показывая, что побегать – его самое горячее желание. Вот прямо сейчас!

– Амина показать госпожа дом! – торжественно сказала экономка. – Господин говорил, госпожа придет, и Амина долго ждать! Самый красивый ковер выбирать Амина, самый тонкий белье для постель, господин все платить. Самый лучший вещи для госпожа! Прислуга учить! Дом готовить! Госпожа пришла, господин рад, Амина и слуги тоже рад! Мужчина нельзя без женщина! – Подумала и добавила со вздохом: – Только большой кот не рад. Собака видел, спина делал как верблюд и шипел как сто змея!

– У вас есть кот? – уточнила Айлин, торопясь перевести

беседу с опасной темы про радость «господина» и даже слуг от ее появления. – Пушок его не обидит!

Пушок повилял хвостом, Амина посмотрела на него с некоторым сомнением и заявила:

– Этот кот никто не обидит. Он сам любой собака обидит.

И Айлин поняла, что немедленно хочет познакомиться с котом, способным, по мнению Амины, обидеть Пушка.

* * *

Вчера за ужином Аластору пришлось обойтись без любимого шамьета – Лу отправился навестить приемного отца. Для этого визита он переделся в удобную неприметную одежду простого итлийского горожанина и снял перстни, оставив только железное кольцо с розой, обернувшейся вокруг пальца шипастым стеблем. Как-то раз Аластор удивился, что наемные убийцы так открыто носят знак своего противозаконного ремесла – неужели первый же попавшийся стражник его не разглядит?

Лу только улыбнулся и пояснил, что итлийские законы запрещают простонародью носить украшения с драгоценными камнями, а железное кольцо любой формы – это пожалуйста. И, конечно, всем прекрасно известно, что именно означает эта розочка, однако схватить Шипа можно лишь на месте преступления. В ином случае он просто поклянется, что знать ничего не знал, а кольцо с розой подобрал на соседней

улице пару часов назад. Сдуру надел на палец, простите идиотто, благородные синьоры!

Аластор вздохнул и порадовался, что Дорвенант эта чума миновала – хотя лихого люда хватает и здесь, все-таки ведут они себя не в пример скромнее, а купить чужую смерть в Дорвенне куда сложнее, чем в Вероккье или Лавалье. Тому, кто пожелает это сделать, мало зайти в парфюмерную лавку и заплатить веселому приказчику с железным шипастым кольцом...

А еще Лучано собрал подарки. Целую корзину подарков, как и положено почтительному сыну, давно не навещавшему родной дом. Шерстяной плед из Вольфгарда, бутылку карвейна и три бутылки «Золотой Вуали», пакет каких-то сушеных трав и кореньев и закрытую корзину поменьше – ее он доверху наполнил свежими булочками, которые испекла Катрина. Последним, что он уложил, к огромному изумлению Аластора, были пять-шесть заячьих хвостов, принесенных с кухни.

– Для кошек, – невозмутимо пояснил ему Лучано. – Я видел, как синьор Флориморд играл с таким. Они легкие и пушистые, отличная забава. Вернусь после завтрака.

И исчез.

Аластор снова вздохнул и тоже отправился навестить родителей...

Как и обещал, на следующий день Лучано явился еще до полудня. Корзина из-под подарков была полна золотых ит-

лийских апельсинов, от которых по кабинету Аластора сразу поплыл свежий сладковатый аромат.

– Это не все тебе! – предупредил Лучано. – Сейчас отложу половину и пойдем навестить грандсиньора Ангуса, м? – И добавил, рассеянно поглядывая в окно: – От Айлин еще нет известий?

– Нету, – буркнул Аластор, откладывая бумаги, с которыми работал. – Если Дункан до обеда не появится, я сам за ним пошлю. А вот навестить лорда Ангуса – превосходная мысль! Я бы и раньше это сделал, но целители просили его не беспокоить. Сегодня уже можно, наверное? Сейчас пошлю узнать.

Оказалось, что можно. Лучано наполнил апельсинами корзинку поменьше, и они с Аластором отправились в особняк Аранвенон. После ночного дождя Дорвенна посвежела, подковы Огонька, Донны и гвардейских лошадей звонко цокали по влажной мостовой, и Лучано махнул охране, чтобы растянулись подальше.

– Мастер ничего не знает, – сказал он негромко. – При дворе Пьячченца новостей не слышно, в других городах Итлии – тоже. У гильдии есть свои люди во Фрагане и Арлезе, им прикажут узнать все, что можно. Если выплывет хоть слово про похищение синьорины, нас известят.

– Передай ему мою благодарность, – отозвался Аластор. – И если я могу выразить ее как-то...

Он повел перед собой рукой, подбирая слова, и Лучано

усмехнулся.

– Считай, что уже выразил, – сказал он серьезно, однако в глазах так и плясали смешливые огоньки, золотые, словно кожура итлийских апельсинов. – Круг мастеров трижды читал мое письмо про позор Пьячченца на той охоте. И велел передать, что гильдия не возьмет заказ ни на короля Дорвенанта, ни на кого-либо из королевской семьи, пока ты жив. Разумеется, если такой заказ поступит. Это подарок Шипов тем, кто поставил Пьячченца на должное место. Я ведь говорил, что пауков из Капалермо не любят, м?

– Не возьмут заказ? – поразился Аластор. – А... могли бы?!

– Теперь уже не узнаем, – пожал плечами Лу. – Обычно Шипы стараются не забираться так высоко, но... всякое бывает. За королевскую кровь и платят по-королевски, знаешь ли. Когда ее величество Беатрис покупала у гильдии услуги Шипа, Разлом еще не случился, так что цель меня ждала другая...

– Думаешь, она хотела убить Малкольма? – помолчав, спросил Аластор.

Говорить об этом было неприятно, даже настроение разом испортилось, но глупо прятаться от собственных мыслей – он и сам не раз думал, зачем Беа понадобился наемный убийца.

– Либо короля Малкольма, либо Пьячченца, если те появятся во дворце, – подтвердил Лучано. – И за это ее даже я

не осужу. Самое большое терпение однажды заканчивается, а она жила с мужем больше двадцати лет, и жизнь эта была не из приятных. Избавиться же от Пьячченца – это и вовсе не грех. Если ядовитый паук забрался к тебе в дом, надо быть глупцом, чтобы его не прихлопнуть. Но наверняка мы уже не узнаем, разве что в Садах спросить...

– В Садах, я надеюсь, и получше найдутся темы для беседы, – мрачно сказал Аластор. – Хотя сказать несколько слов королю Малкольму я бы не отказался.

В молчании они доехали до особняка Аранвенов, где Аластор, как ни странно, еще ни разу не был. Или не странно, ведь лорд Ангус, а теперь и леди Немайн проводили во дворце больше времени, чем дома, и застать их там было проще, чем явиться с визитом.

Спешившись во дворе, они с Лучано отдали поводья груму в светло-серой ливрее, и Лу забрал корзинку у лейтенанта гвардии, который ее вез. Апельсины вызывающе горели маленькими солнышками, и Аластор не мог не подумать, как причудливо иногда распоряжается жизнь. Ведь в Дорвенну могли прислать другого Шипа! Кого-то с окончательно очерствевшим сердцем, не способного на любовь и преданность и знающего только долг перед гильдией. И сейчас Лу продолжал бы варить яды в Вероккье, а сам Аластор навещал канцлера один... если бы выжил в том походе, что вряд ли!

Немолодой дворецкий чинно провел их по огромному

особняку в спальню хозяина дома, такую же светлую и на вид прохладную, как все комнаты здесь. Высокие потолки, белое, словно выгоревшее на солнце дерево, серебряный шелк обоев и голубой балдахин над кроватью... Лорд Ангус попытался привстать из подушек, на которые опирался, но Аластор торопливо ему возразил:

– Даже не думайте, милорд! Извольте забыть про этикетные глупости! Как вы себя чувствуете?

– Уже вполне хорошо, – чуть заметно улыбнулся канцлер, посмотрел на Аластора, на Лучано, который держал перед собой корзину с апельсинами, словно прикрываясь ей, и на следующей фразе голос его заметно дрогнул: – Не знаю, как и благодарить... Ваше величество... это не просто честь... Лорд Фарелл...

– Мой батюшка передает вам пожелания здоровья! – Лучано поставил корзину возле кровати, одновременно поклонившись, а потом сунул руку за ворот камзола и достал из потайного кармана небольшой плоский флакон темного стекла. – И вот это... Ровно три капли на полстакана чистой воды за полчаса-час до завтрака. Лучше всего – сразу после пробуждения, пока еще не встали с постели. Когда ваш целитель спросит, что это, скажите, что вам прислали «Слезы феникса» от лучшего зельедела Итлии. Можете показать алхимикам...

Он понимающе улыбнулся, ставя флакон на столик у кровати, и канцлер ответил усмешкой.

– Думаю, в этом нет нужды, – сказал он с удивительной простотой. – Прошу передать сударю Ларци мою глубокую благодарность. Так вышло, что мой отец тоже страдал от слабого сердца и принимал это зелье, поэтому оно мне известно. Целители сказали, что «Слезы феникса» изрядно продлили ему жизнь. Но с ними редко кто расстается. Единственный флакон, который мне удалось купить, закончился... примерно год назад. И я не знал, что в Итлии остались мастера, способные их сделать.

– Скажу больше, грандсиньор, – улыбка Лу стала по-кошачьи самодовольной. – Не считите за похвальбу, теперь у вас и в Дорвенанте есть такой мастер. Так что когда этот флакон закончится, я сварю еще. – И добавил, повернувшись к Аластору: – «Слезы феникса» варятся без магии, в этом их главное достоинство и главный же недостаток. Очень уж хлопотный состав и требует отменного нюха. Но не будь у меня «Слез феникса», когда я наглотался зелий на холме, я бы даже с вашей магией так дешево не отделался. Провалился бы точно куда дальше!

– Что же вы стоите? – виновато воскликнул Аранвен, взглядом указывая на единственное кресло возле кровати. – Простите, я не ждал... Но ваше величество может сесть, и сейчас принесут второе! Шамьета, вина? Мне-то нельзя, но позвольте хоть чем-то угостить...

– О, не стоит беспокоиться ради меня! – заверил его Лучано. – Если монсиньор позволит, я постою за его спиной,

как обычно.

– Да садись уже на подлокотник, – хмыкнул Аластор, опускаясь в кресло. – Вряд ли мы чем-то удивим лорда Ангуса. Пожалуй, я бы выпил шамьета... Знаете, милорд, мне вас ужасно не хватает! Но прошу учесть, что я не позволю вам вернуться к службе, пока целители не скажут, что вы совершенно здоровы. Да и тогда будьте любезны побереечь себя. Вы же самый ценный человек в Дорвенанте! Если бы не вы, я бы ни за что не справился...

И замолчал в испуге, увидев, как по щекам Аранвена медленно катятся две слезы.

– Лорд Аластор... – прошептал канцлер, отводя от него взгляд. – Благими клянусь, я много лет надеялся услышать это от кого-то из Дорвеннов... И вот... дождался... Ради этого стоило...

Аластор почувствовал, что кровь бросилась ему в уши, щеки и шею, чего уже давно не было. Да он думал, что вовсе разучился краснеть! И тут такое...

– Позвольте, я вам апельсин почищу! – торопливо вскинулся Лу и в самом деле принялся чистить апельсин как по волшебству появившимся узким ножом. – Грандсиньор, вам непременно следует есть побольше фруктов. И еще высыпаться! Скажите вашему садовнику, пусть собирает вам букет из лаванды, хмеля и... Я ему сам список напишу и пришлю! А если у вас в саду это не растет, прикажите послать в Итлию... Букеты из трав – превосходное средство, если ста-

вить их возле кровати! У вас-то нет енота, который растащит их по всей комнате и половину погрызет, а остальное сунет в простыни...

Не переставая болтать, он стремительно ободрал апельсин, разломил его на дольки и почтительно положил на столик. Аранвен не глядя протянул руку, взял золотистую дольку, истекающую соком, положил в рот... Потом, так же не глядя, привычным движением дернул шнурок возле кровати и велел появившейся горничной:

– Шамьет гостям... Лорд Фарелл, может, вам вина? Вы, кажется, предпочитаете арлезийское?

– С вашего позволения, грандсиньор, мне бы ягодного отвара, который обычно пьете вы, – бодро отозвался Лучано, присев на подлокотник рядом с Аластором, и тут же со вздохом сообщил: – Я полночи пил арлезийское с двумя старыми крокодилами... то есть почтенными мастерами, храни их Благие. Вино у грандсиньора Дункана отменное, не зря я именно его с собой взял, но... некоторые разговоры пьянят посильнее карвейна, чем их ни закусывай. Кстати, хотите свежих новостей из Итлии? Говорят, ее высочество Лоренца Пьячченца выходит замуж. Папенька купил ей жениха откуда-то из княжеств – нелегко найти приличную партию, когда за спиной то и дело слышишь песенки про собачью невесту... Риккарди подгрести Лавалью, и адмирал Браска собирает флот на поиски морского пути в Вендию. Если у него получится, Лавалья расцветет, а вместе с ней и Джермонто!..

– Цены на пряности упадут, – заметил Аранвен, и его глаза привычно заблестели. – Ваше величество, это очень интересные новости! Если у Дорвенанта появится хотя бы один порт... Мы тоже сможем отправлять корабли в Вендию! Ах, как же я жалею, что мое время прошло, – добавил он со спокойной грустью. – Увы, расцвет Дорвенанта я уже не увижу. Но позвольте мне верить в великое будущее нашей страны! Лишь бы Благие хранили вас для королевства, милорд Аластор...

– Вы слишком рано собрались на покой, лорд Ангус, – пробормотал Аластор, чувствуя, что глаза позорно щиплет. – Ваш сын прекрасно справляется с обязанностями, но позвольте уж мне и дальше пользоваться вашими советами... Лу, почисть и мне апельсин! И... какие там еще новости в Итлии? Расскажи что-нибудь не про политику, а?

* * *

С каждой новой увиденной комнатой дом нравился Айлин все сильнее. Было заметно, что его недавно отремонтировали: дерево нигде не потемнело и не покоробилось, на лакировке ни трещинки, чудесные тканые обои тоже выглядели безупречно свежими. Везде царил порядок, но не строгий и мрачный, как в особняке Бастельеро, а как у тетушки или у семьи Эддерли – светлые комнаты, просторные и, одновременно, уютные. Правда, здесь обстановка выглядела иной, и

сначала Айлин не понимала, в чем дело, но потом пригляделась.

Та спальня, в которой она очнулась, была совсем дорвенантской, а вот остальной дом нес отпечаток любви к южным странам с их нарядной роскошью и причудливыми традициями. Вчера она заметила это в купальне, отделанной узорчатой плиткой, а не деревом, как везде в Дорвенанте, сегодня замечала повсюду более низкую и мягкую мебель, изысканные резные орнаменты настенных панелей, множество редких вещей – вазы, картины, яркие вышитые подушки. Хозяин дома явно предпочитал удобство во всем и не жалел денег, а в обстановке чувствовалась женская рука – теперь Айлин по достоинству оценила гордость Амины, когда та говорила, что сама выбирала ковры и белье. В Дорвенанте редкая леди позволила бы себе обставить дом так ярко и вычурно, однако Айлин это... завораживало!

Иногда они видели прислугу, которая спокойно занималась своими делами, не спеша исчезнуть при появлении гостя, и это тоже было необычно. В гостиной две горничные протирали пыль и чистили ковер. Это были женщины средних лет, смуглые, черноволосые и черноглазые, одетые в синие платья с белыми передниками и нарядные цветастые косынки, завязанные сзади пышными бантами. Отличие от привычных чепцов просто бросалось в глаза, в Дорвенанте прислуга ни за что не позволила бы себе одеваться для работы так броско, но Айлин не могла признать, что обеим южан-

кам их головные уборы замечательно идут и выглядят очень нарядно. Увидев Айлин и экономку, горничные с достоинством присели, придерживая юбки, а потом, встав и ожидая, пока Амина их представит, с любопытством уставились на Айлин.

– Это Луиса, – показала Амина. – Это Роза.

Горничные снова присели, и Айлин молча обрадовалась, что их зовут не Тильдами. Хотя запомнить, кто есть кто, будет нелегко, такими похожими, словно сестры, они выглядели. Она приветливо кивнула, и Роза с Луисой вернулись к работе, а мауритка повела Айлин дальше.

В кухне их встретил повар – широкоплечий здоровяк в белой рубаше и черных штанах, тоже смуглый и чернявый, с густой короткой бородой, очень ровно подстриженной и ухоженной. Эта самая борода, шрам через всю щеку, прищуренные глаза и шелковая косынка, из-под которой выбивались смоляные кудри, придавали ему такой разбойничий вид, что Айлин легко могла бы представить повара на лесной дороге с тесаком и мешком для добычи, а не в кухне среди начищенных до блеска кастрюль и сковородок. Повар восхищенно посмотрел на Айлин и, прижав ладонь к сердцу, разразился длинной тирадой, из которой она не поняла ровным счетом ничего, кроме несколько раз повторенного слова «донна».

Она беспомощно посмотрела на Амину, та расплылась в улыбке и кратко перевела:

– Красивая, говорит. Повезло наш господин, говорит. Будет хорошо кормить, говорит. Его Алонсо звать.

– Благодарю, сударь Алонсо, – сказала Айлин с улыбкой.

Повар обрадованно закивал, Айлин же снова поразились: прислуга, которая позволяет себе делать комплименты леди?! Да еще и одобрять... сердечный выбор хозяина?! Это что же за дом такой?! Или в Арлезе совсем другие нравы и обычаи?

– Хорошо готовить, – невозмутимо сообщила Амина. – Раньше море ходить, дорогой товар возить, стража денег не давать. Потом удача потерять, его ловить, хотеть вешать. Господин его купить и отпустить. Алонсо честно жить хотеть, служба просить. Господин его сюда брать. Арлеза Алонсо нельзя, там опять вешать!

Повар сокрушенно развел огромными лапищами, в которых нож для разделки мяса выглядел детской игрушкой, и расплылся в доброжелательном оскале.

– Он господин клятва давать, – пояснила Амина, когда они с Айлин вышли из кухни. – Верный как собака быть.

Они прошли длинным коридором в правое крыло дома, и Амина распахнула очередную дверь, посмотрев при этом лукаво и как-то... выжидающе. Мигом позже Айлин поняла – почему.

Комната оказалась...

Айлин замерла на пороге, затаив дыхание.

Детская! Залитая солнечным светом, просторная, но уют-

ная, со светлыми бежевыми стенами, оживленными бледно-розовым и нежно-голубым орнаментом, с толстым ковром на полу и красивой резной колыбелью из светлого дерева. На стене за колыбелью висел гобелен – над бушующим морем летели двенадцать белых лебедей, неся в клювах сеть, в которой спала девушка в потрепанном платье. На головах у лебедей поблескивали золотые короны, а на горизонте вставал над бурными волнами призрачный замок... Судя по ярким, ничуть не выцветшим краскам, гобелен тоже был новенький, как и все здесь. У Айлин почему-то защипало в глазах, и она поспешно отвела взгляд.

Лучше от этого не стало, здесь и без гобелена было, на что посмотреть. У другой стены высился огромный шкаф, на верхних полках которого выстроились книги, а нижние занимали игрушки. Сбоку от окна стояла лошадка-качалка размером немного меньше настоящего пони.

– Детская первой делали, – гордо похвасталась Амина. – Господин дом купил и сразу сказал детская делать. К свадьба король закончили!

Кармель сделал в своем доме детскую! Глаза снова защипало так сильно, что Айлин стиснула зубы и поспешно отвернулась от Амины, делая вид, что разглядывает книги. Он делал детскую, зная, что она ждет ребенка. От другого мужчины, от своего врага... А потом прислал подарки для Аларика Раэна...

– Амина, покажи мне сад, – попросила Айлин, стараясь,

чтобы голос не дрогнул, но прозвучало это все равно глухо и до отвращения отчаянно.

Даже если лорд Бастельеро даст ей развод, она не сможет забрать у него сына! «Правда Дорве» гласит, что ребенок принадлежит отцу, в лучшем случае она сможет иногда с ним видаться... Но как оставить Аларика Раэна с безумцем?! Чему такой отец его научит?! И как самой жить от встречи до встречи с сыном? Пусть она и не знала, как за ним ухаживать, пусть видела его пару раз в день, но эти минуты, когда она держала его на руках неловко и бережно, как бесценное хрупкое сокровище, они наполняли ее жизнь каким-то особенным смыслом и нежной тихой радостью от мысли, что именно она подарила этому малышу жизнь. Что сумела каким-то чудом сберечь его, еще нерожденного, и в походе к Разлому, и в смертельных объятиях Запределья, и в родах... Иногда она могла не вспоминать о нем целый день, точно зная, что Аларик Раэн совершенно доволен и благополучен под заботливым присмотром Дороти, но стоило заглянуть в детскую, чтобы пожелать ему доброй ночи, увидеть еще беззубую радостную улыбку...

Но как было бы прекрасно увидеть Аларика Раэна в этой детской, которая готовилась для него с такой любовью! Лежащим в колыбели, сидящим на лошадке, листающим книгу...

«Ну почему жизнь так несправедлива?! – с болью подумала Айлин. – В чем лорда Бастельеро уж точно нельзя упрек-

нать, так это в том, что он не любит сына! Мне иногда кажется, что он любит его гораздо сильнее, чем я! Он часто видится с ним, беспокоится о его здоровье, играет... Да редко кто из мужчин вообще умеет держать ребенка на руках! Хотя... Кармель как раз умеет... И я хотела бы, чтоб Аларик Раэн рос именно с ним, потому что я точно знаю – Кармель научит его быть не только честным и отважным, но и добрым, и великодушным – потому что он сам именно такой! А каким воспитает моего сына его настоящий отец, одни Благие знают. Впрочем, зачем обманывать себя? Каким еще может вырасти Аларик Раэн в доме Бастельеро, как не похожим на лорда Грегора и лорда Стефана? Разве что батюшка Аларик сумеет как-то повлиять... Но надеяться, что твой свекор сотворит чудо, когда сама отказалась быть рядом с ребенком, это... трусость и подлость...»

– Я хочу посмотреть сад, – сказала она, стараясь незаметно смахнуть все-таки наворачнувшиеся слезы. – А где Пушок?

Пес ходил с ними по дому, потом незаметно где-то отстал. Но как только Айлин с Аминой вышли на просторную террасу, плавно спускающуюся в сад, Пушок встретил их, радостно помахивая хвостом.

– Хороший собака, – одобрила его Амина. – Большой, зубастый. У Амина дома тоже большой собака быть. Баран пасти, шатер охранять. Шакалы, волки не пускать. Сразу горло кусать! Человек тоже кусать, если человек как шакал. Господин говорить собака мясо не есть. Что есть?

– Мясо он и правда не ест, – начала Айлин, не зная, как объяснить, чтобы Амине было понятнее, и не желая пугать мауритку. – Пушок очень... необычная собака. Он... ест магию. Может съесть проклятие... или остатки от призрака... Наверное, и самого призрака мог бы... – продолжила она неуверенно, впервые рассмотрев подобную возможность, ведь призраки тоже частично состоят из некротических эманаций. Правда, Пушок никогда на них не покушался, но это лишь потому, что он добрый и воспитанный пес. – В общем, он ест всякую вредную для людей магию, – закончила она.

– Человек не кусать? – с некоторым сомнением взглянула на Пушка Амина.

– Только демонов! – заверила ее Айлин. – Или дичь, если попросить. Зайцев, уток... – Поколебалась и добавила, решив честно прояснить вопрос: – Когда на меня напали... Ну, вчера... Он загрыз человека. Но только потому, что тот хотел меня схватить!

– А! – просияла Амина. – Это хуже шакал! Собака его кусать – хороший собака! На охота ходить, мясо носить, сам не ест! Совсем хороший собака! Колдовство кусать! Джинн, да? У, какой хороший джинн!

И бестрепетно погладила Пушка, который под ласкающей его рукой прищурился и еще сильнее завилял хвостом.

Спустившись с террасы, они пошли по саду, сопровождаемые важно ступающим Пушком. Айлин полной грудью ды-

шала сладким влажным воздухом – похоже, ночью прошел дождь, и земля до сих пор хранила его следы. Воздух был полон запахом роз, будто рядом разлился флакон любимых духов Иоланды...

Они почти обошли дом, когда из ближайшего окна послышалась перебранка двух женских голосов. Во всяком случае, Айлин показалось, что это именно перебранка, поскольку язык был ей не знаком. Певучий, звонкий, со множеством гортанных и рычащих звуков, пожалуй, он напоминал речь повара Алонсо и... альбу, которую читал дон Раэн! «Арлезийский! – догадалась Айлин. – Значит, у Кармеля вся прислуга из Арлезы? Точно, он ведь говорил, а я совсем забыла!»

Амина, услышав голоса, встрепенулась, прислушалась и хмыкнула, тут же успокоившись.

– Что там за шум? – полюбопытствовала Айлин, невольно вспомнив дом Бастельеро, где слуги были тихими, словно немые призраки.

А здесь жизнь просто кипит! Вот одна из женщин взвизгнула, словно ее дернули за волосы или дали оплеуху – Айлин не раз такое слышала в Академии. И сразу голоса стихли, будто спорщицы сами испугались того, что натворили.

– Два горничные делить повар, – важно объяснила Амина. – Уже неделя ругаться. Госпожа их видеть! Роза, Луиса и Алонсо. Повар – горячий мужчина! Но драка – непорядок, Амина проводить госпожа, потом делать суд!

– И как же ты будешь делить? – заинтересовалась Айлин, невольно хихикнув – так живо ей представилась Амина в мантии судьи, две горничные, с надеждой ждущие решения, и огромный Алонсо, который, оказывается, пользуется таким успехом!

Амина приняла необыкновенно задумчивый вид.

– Если делить по правилам, надо рубить сабля, тогда господин останется без горячий ужин. Это нехорошо. Пусть Алонсо два жена берет!

– У нас так не положено, – улынулась Айлин, искренне забавляясь. – В Дорвенанте свои законы, у нас мужчина может жениться только на одной женщине. А у мауритов по-другому, да?

– Ай, глупый закон! – искренне возмутилась Амина. – Мужчина много, хороший мужчина – мало! Каждый женщина хочет хороший мужчина. Если каждый хороший мужчина возьмет два жена, пять жена, пять женщина счастливый будет! А если хороший мужчина два жена не может, то пусть кушает хорошо и к лекарь идет. Тогда даже пять сможет, да! – И, вздохнув, прибавила: – У муж Амина отец был вождь. Умный воин, а сын совсем слабый, совсем дурной, да. Хорошо, что убили, такой племя бы разорить, сыновья слабых и глупых дать. Лучше бы Амина за отец выдали, чем за сын. Но отец старый был, мужской сила ослабел: пять жен довольный были, больше взять не мог. Вождь пять жен нужно, а повар не вождь, повар два хватит. Нельзя две жена,

пусть одна женщина берет, а к другая так ходит.

– А господину тоже нужно две жена? – слукавила Айлин, совсем развеселившись.

Амина замахала руками.

– Господин не нужно! Мужчина жена берет дом вести, еда готовить, одежда стирать. У господин Амина дом вести, прачка – стирать, повар – готовить, горничная – убирать, госпожа – сердце радовать! Не нужно два жена, все место занят!

Айлин, не выдержав, расхохоталась – и вдруг подумала, как же давно ей не было так легко и весело! И как же порядки в этом доме действительно отличаются от дома Бастельеро! Айлин искренне попыталась представить двух почти одинаковых Тильд, с одинаково ханжескими лицами тянущих дворецкого Руверса каждая в свою сторону, и даже головой помотала. Вот уж это вряд ли!

– В другой дом горничный за это выгнать, – продолжила Амина. – Повар наказать, слугам запрещать любовь. Но господин сказать – пусть работа не страдать и в дом быть покой, тогда пусть любовь. Всеблагая Мать говорит, любовь – хорошо! А горничный так играть, драка не всерьез. Но если госпожа прикажет, Амина всех наказать.

– Не надо наказывать! – попросила Айлин. – Если Кармель... то есть... – Она замялась, как назвать магистра, и тут же вывернулась: – Хозяину дома виднее, как обращаться со своей прислугой. Мне кажется, он... очень добрый.

– Господин добрый, – подтвердила Амина. – Хороший

муж будет! – Снова лукаво глянула на Айлин и спросила: – Госпожа сама гулять? Амина много дел делать надо.

– Да, конечно! – заверила Айлин, понимая, что у экономки действительно хватает работы.

Проводив уходящую Амину взглядом, Айлин погладила Пушка и пошла по дорожке, с любопытством оглядываясь по сторонам. Пушок под ее рукой вдруг напряжился, и Айлин завертела головой. Что он такое учуял?

Тут же пес восторженно заскулил, и Айлин увидела в траве длинные пушистые ушки чудесного черно-белого цвета. Кролик! В саду?! Пушок заскреб лапами, и Айлин рассмеялась.

– Хорошо, беги! Можешь за ним погоняться. Только не убивай, слышишь? Вдруг это чей-то любимец?

Пушок радостно тьякнул, лизнул ей руку и сорвался с места.

Какой интересный сад!

Где-то поблизости журчала вода, еще сильнее пахло влажной землей и розами, то и дело из травы выглядывали веселые желтые головки одуванчиков, и разноцветные – каких-то незнакомых цветов, а впереди Айлин заметила старые яблони! Любопытно, они еще плодоносят? Ах, если бы да! Тогда можно было бы сорвать яблоко прямо с дерева – совсем как в поместье в детстве, такое же душистое и сочное! – и съесть его немедленно, наслаждаясь каждым кусочком! И тем, что никто не пытается нарезать это яблоко ломтиками, очистить

от кожицы и подать на десертной тарелочке. Или вовсе в пироге!

Вожделенное яблоко предстало перед Айлин так невыносимо ярко и притягательно, что она задумалась – не вернуться ли в дом? Вдруг в местной кладовой найдутся яблоки? Тогда можно взять его с собой и снова выйти в сад.

Она заколебалась, но вдруг заметила краем глаза что-то... кого-то...

За кустами сирени бродил туда-сюда человек.

Айлин решительно направилась к нему. Интересно, кто это? Может, садовник? Тогда стоит с ним познакомиться и представить ему Пушкина. Впрочем, подойдя ближе, она окончательно уверилась, что это не садовник. Во-первых, незнакомец был одет как камердинер или дворецкий, во-вторых, он был очень стар и, должно быть, несколько не в себе – иначе почему бы кружил за этими кустами, словно что-то потерял и никак не может вспомнить – что? Ну и наконец, старик оказался призраком, уж в этом-то Айлин никак не могла ошибиться! Что ж, с обитающими здесь призраками тем более следует познакомиться!

Услышав ее шаги, призрак обернулся, присмотрелся к ней, подслеповато щурясь, и просиял:

– Миледи! А я вас ищу, ищу...

– Меня? – растерянно уточнила Айлин, и призрак закивал.

– Конечно, вас! Мне милорд так и сказал: «Приведи ми-

леди, Уиллам». Я и привел бы, а вас все не было и не было... – закончил он с такой беспомощной растерянностью, что Айлин стало ужасно его жаль.

Что ж, кажется, бедняга стал жертвой незаконченного дела? Такое бывает часто, и тогда его нелегко успокоить, а у нее даже магии нет! Но если выполнить необходимое, призрак успокоится сам. Надо бы его расспросить...

– Ты устал, Уиллам, – мягко сказала она. – Тебе нужно как следует отдохнуть!

Призрак горестно посмотрел на нее слезящимися от старости глазами и сокрушенно покачал головой.

– Простите, миледи. Не могу. Милорд приказал.

Ну да, незаконченное дело, так и есть! Должно быть, несчастный Уиллам при жизни был очень предан этому своему милорду. Кому, к слову? Может быть, Кармелю? Но едва ли – слишком он стар и не похож на арлезийца. Наверное, бедняга работал на того человека, у которого Кармель купил этот дом? Впрочем, как бы ни звали его хозяина, помочь несчастному призраку все равно надо. Ведь это же ужас – не иметь возможности уйти в Сады, даже если очень хочется!

– Хорошо, Уиллам, – вздохнула Айлин, подходя ближе. – Покажи, где ми...

И осеклась – прямо перед ней, между двумя сиреневыми кустами, замерцал, открываясь, портал. Айлин замерла на месте, и тут призрак что было сил толкнул ее прямо в мерцание! Потеряв равновесие, Айлин невольно шагнула впе-

ред, успев еще увидеть, как призрака окутала радужная дымка, и он с блаженной улыбкой растворился в воздухе.

Глава 5. Барготова звезда

Айлин не успела даже испугаться: переход оказался таким коротким, что она едва его ощутила.

По другую сторону портала оказалась просторная – даже, пожалуй, огромная комната размером не меньше танцевального зала в Академии – залитая ярким белым светом, почти не дающим теней. Айлин замерла на месте, настороженно озираясь, попятилась – и ощутила затылком ласковое дуновение. Резко обернувшись, она увидела, как высокая порталная арка, из которой она, оказывается, вывалилась в эту самую комнату, снова замерцала, отозвавшись на ее приближение.

Вот оно что! Стационарный, стабильно работающий портал, настроенный на... интересно, на что он настроен? На любого, кто подойдет к кустам сирени? Вряд ли, для таких порталов непременно требуется ключ. Уж это Айлин прекрасно помнила из начального курса теории порталов, которую им начали преподавать в конце шестого курса, перед самым Разломом. Но у нее точно нет никакого ключа... Правда, им может послужить не только предмет, но и какая-то особенность, например, фамильное сходство. По такому принципу работают потайные двери во многих старинных особняках, пропуская только членов семьи.

В тот день, когда Айлин и Артуру исполнилось двена-

дцать, отец показал им проходы в сокровищницу, арсенал и погреб, где имелся подземный выход наружу, за пределы усадьбы, а потом заставил дать торжественную клятву, что они никогда не станут использовать эту тайну для игры, никому ее не расскажут и передадут ее только будущим Ревенгарам и только по прямой линии. Артур жутко важничал, ведь род Ревенгаров предстояло продолжить именно ему, Айлин же сказанное запомнила, но потайной ход, в котором нельзя было играть, не вызвал у нее особого интереса. Потом она узнала, что такие же ходы есть в особняках Эддерли и Аранвенов, но об этом не принято было говорить – у каждой семьи Трех Дюжин имеются такие тайны...

Но ведь это чужой дом, к которому Айлин не имеет никакого отношения, здесь не может быть портала, настроенного на нее!

Она сделала шаг от мерцания, и оно начало гаснуть, растворяясь в воздухе. Шагнула к нему ближе – снова появилось. Значит, все-таки стационарный и стабильный, связывающий ровно две точки в пространстве. И что бы ни служило ключом, портал отзывается на ее приближение! Она в любой момент может отсюда уйти, а значит... значит, нет особенных причин спешить. Лучше как следует изучить место, куда она так внезапно попала – и куда ее распорядился проводить неизвестный милорд. Или не ее, а кого-то другого, с кем перепутал Айлин несчастный призрак!

По-прежнему не двигаясь с места – вдруг здесь магиче-

ские ловушки от незваных гостей? – Айлин огляделась еще раз и с удивлением отметила, что, пожалуй, была права. Никакая это не комната и уж точно не танцевальный зал. Помещение скорее походило на лабораторию, устроенную прямо в рабочем кабинете.

Вдоль двух стен тянулись стеллажи, уставленные толстыми книгами с распухшими от частого использования корешками, какими-то склянками, ступками и весами разных размеров. Разноцветное стекло и металл слегка потускнели от пыли, но ее слой был совсем тонким, как будто в помещении недавно делали уборку. «Или просто пыли неоткуда сюда попадать», – поправила себя Айлин. В дальнем углу стоял письменный стол – тяжелый и основательный. На нем виднелся письменный прибор и лежало что-то, похожее на толстую тетрадь.

У Айлин даже пальцы зачесались от любопытства – вот бы посмотреть, а может, и почитать? Но она тут же строго себя одернула. Сколько бы времени никто не заходил в эту лабораторию, принадлежала она магу. Глупо соваться к чужим записям с заблокированной силой! Что, если на тетрадь наложено заклинание самоуничтожения? Или стоит защита от чужих рук? А ведь она даже не сможет их увидеть!

Нет, лучше сообщить об этой лаборатории Кармелю. Он о ней точно не знает, иначе предупредил бы о портале, да и не выглядела бы лаборатория заброшенной! Сообщить и вернуться сюда вместе с ним – он, по крайней мере, точно

увидит, есть ли здесь ловушки или защиты. Решено, именно так она и сделает, вот только посмотрит еще совсем чуть – чуть...

На стене, противоположной той, что была заставлена стеллажами, висел длинный деревянный щит, покрытый красивой резьбой. К щиту крепился огромный набор инструментов: разнообразные ножи с клинками необычной формы, несколько пил с разными лезвиями – от весьма узкого до широкого, еще одна пила поразительно странного вида, больше похожая на тонкую стальную нить, составленную из крошечных зубцов, небольшие клещи, крючья на длинных рукоятях, нечто, напоминающее скребки, изогнутые иглы...

Присмотревшись, Айлин сообразила, что резьба, покрывающая щит, это руны и цифры, причем каждая располагалась строго над инструментом, а самая верхняя надпись это... Руническое заклинание призыва!

Значит, щит с инструментами – сборный артефакт? Какая немыслимая редкость! И какая роскошь... Такого даже в Академии нет! Точнее, нет настолько огромного. Сборный артефакт призыва Айлин видела в лаборатории мэтра Эварса, который читал их курсу общую алхимию. Но тот щит был всего на дюжину инструментов, и мэтр на лекциях призывал с него образцы колб и реторт, называя соответствующую цифру... А этот артефакт предметов на полсотни, не меньше! Кто бы ни обустроивал потайную лабораторию, он был состоятельным человеком! Закрепленные на щите инстру-

менты выглядели откровенно жутко и неприятно, но все-таки как удобно, когда можно просто позвать, и нужная вещь сама прыгнет в руку! Вот бы зачаровать так туалетный столик, тогда не пришлось бы тратить время на поиски гребня или лент...

Рядом со щитом, немного ближе к порталу, висел портрет женщины, показавшейся Айлин сказочно красивой. Волосы незнакомки имели цвет полированного красного дерева и казались гладкими, как зеркало, миндалевидные глаза были в точности того же цвета, что малахитовая брошь тетушки Элоизы, и смотрели не надменно, как у дам рода Бастельеро, не холодно, как у Аранвенов, и не весело, как у Эддерли, а внимательно и грустно.

«Как странно, – невольно подумала Айлин. – Я бы поклялась чем угодно, что в жилах этой женщины течет золотая кровь! Только в Трех Дюжинах встречаются такие необычные сочетания цветов. Но я не знаю ни одного рода с такими признаками! Может, она из тех, которые исчезли? Их-то не заставляют учить, чтобы узнать при встрече...»

Вне себя от любопытства она прищурилась, пытаясь разобрать надпись на табличке под портретом, и прочитала:

– Элоиза Амелия Брайд Мэйв Морхальт, урожденная Вольдеринг.

Вольдеринг?! Она угадала! Исчезнувший род, перебитый неизвестными врагами – это было на уроках истории! Причем в этом столетии, не так уж и давно... Значит, лаборато-

рия принадлежала кому-то из этого рода? Или нет? Зачем вообще вешать портреты в лаборатории? И почему имена кажутся такими...

Айлин уставилась на табличку и едва не ахнула! Сестры леди Гвенивер, тетушки Айлин! Элоиза, Амелия, Брайд и Мэйв! Их назвали в честь этой леди?! А на Гвенивер, самую младшую, у леди Морхальт, урожденной Вольдеринг... просто пятого имени не хватило?

Морхальт...

Айлин почувствовала, как у нее кружится голова. Лорд Морхальт – ее дед, коронный преступник, убийца и барготопоклонник... Человек, которого она видела всего два раза в жизни, один из главных виновников Разлома... И это его лаборатория?! Но почему портал сюда находится в саду Кармеля?!

«А ведь он разумник, – ядовитой холодной змеей заползла в сознание непрошенная мысль. – Его сила – от Баргота. Пусть разумники давно отреклись от бывшего покровителя, но... что мы знаем про их магию? Она не такая, как у обычных магов... Может, не так уж далеко Баргот их отпустил? Да, Разлом устроили некромант Денвер и целитель Морхальт, но что, если был и третий главный заговорщик, оставшийся неизвестным?.. Не хочу! Не хочу даже думать об этом! Но как не думать?! Нет, это бред... Он прискакал к Разлому, чтобы спасти меня! А вдруг нет? Вдруг он хотел сделать что-то... иное? Но просто не успел, потому что я уже закрыла

Разлом кровью Ала и своей жертвой? И Кармель решил хотя бы спасти меня, если уж... Не хочу, не хочу, не хочу! Нельзя даже думать об этом, но и не думать – нельзя! Ведь он не просто разумник, но и ученик лорда Морхальта...»

Она приложила к пылающим щекам ладони – те показались просто ледяными. Леди Элоиза Морхальт – прабабка или родство еще дальше? – смотрела на нее с портрета грустно и понимающе, словно сочувствовала. Красные, словно рубин, волосы, глаза цвета малахита или свежего лесного мха, ослепительно белая кожа. Бесследно исчезнувшая красота и родовая магия, капли которой вполне могли сохраниться в зловещем потомке леди Элоизы, а от него перейти и к самой Айлин...

«Я спрошу Кармеля о портале, – подумала Айлин, не позволяя себе захлебнуться ядом подозрения и отчаяния. – Если он имеет какое-то отношение к заговору... Неужели он сможет мне солгать?!»

Не без труда отведя взгляд от портрета, она наконец взглянула на два длинных стола, установленных в самом центре лаборатории вплотную друг к другу. Высокие, узкие, в точности такие, как в леднике Академии... Впрочем, нет, не в точности! В крышку одного из столов были вделаны зажимы. Айлин попыталась представить, что на столе лежит человек, и получилось, что зажимы будут удерживать его горло, руки и ноги – причем руки и ноги пришлось бы развести в сторону, как для жертвоприношения. Что ж, в тайном убежище

барготопоклонника такому устройству самое место. Но какая гадость и мерзость! Неужели на этом столе действительно...

Она торопливо отвела взгляд и невольно вскрикнула. Совершенно белый и гладкий каменный пол пересекали яркие линии шириной в ладонь, которые сливались в огромный – почти во всю лабораторию! – контур звезды. Контур отблескивал металлом, словно его выдолбили в камне, а потом канавки залили расплавом, а лучи звезды были разноцветными, празднично сверкающими, просто горящими на фоне белизны пола.

Лучей было восемь.

Айлин, которая едва не наступила на зеленый, попятилась от линии, как от смертельно ядовитой гадины, способной броситься и укусить. Барготова звезда! Не семилучевая с белой сердцевиной, как на гербе Ордена, а древняя, созданная еще до падения Проклятого! Страшный и мощный артефакт, служащий для обращения к тем силам, которые...

«Я должна уйти отсюда! – поняла Айлин. – И немедленно, пока... Пока не вляпалась еще во что-нибудь! Может, еще похуже Разлома! Туда я хотя бы прыгала добровольно, а здесь... И меня, наверное, ищут! Кармель вряд ли уже вернулся из Академии, у меня будет время хорошенько подумать, что ему сказать и говорить ли вообще что-нибудь! Может, сначала посоветоваться... А с кем я могу о таком поговорить? С лордом Грегором?! О, прекрасная мысль! Милорд

Архимаг и мой супруг, я тут случайно провалилась в портал, на другом конце которого оказалась лаборатория лорда Морхальта, моего деда и барготопоклонника, которого вы – вот совпадение! – как раз убили. А портал этот был в саду мэтра Роверстана, разумника и главы Белой гильдии... И – еще одно совпадение – вашего заклятого врага. Многовато совпадений, вы не находите? Зато какие интересные... Что я делала в саду Роверстана? Так от вас пряталась, дорогой супруг! Не подумайте плохого, но я бы лучше снова встрети­лась с Барготом, чем с вами – у него в гостях мне как раз очень понравилось. Заодно можно было бы спросить его, что все это значит...»

Она с огромным усилием подавила смешок, чувствуя, как подступает отвратительная истерика. Ну уж нет! Никакого лорда Бастельеро, Архимаг он или нет! Если уж с кем-то и советоваться, то с Даррой и леди Немайн! А для этого нужно выбраться отсюда и... послать им письмо? Интересно, слуги Кармеля согласятся отнести послание в особняк Аранвенов? Или сразу во дворец...

«Я схожу с ума, – подумала Айлин и сделала еще один осторожный шаг поближе к порталу и подальше от проклятой звезды, жутких столов и щита с инструментами. – Все будет хорошо, правда же? Я нашла что-то очень страшное, чего ни в коем случае не должна была находить, но теперь деваться некуда – с этим нужно что-то делать. Если бы я только могла поверить, что Кармель ни при чем... Как же стыдно и

страшно в нем сомневаться!»

Не поворачиваясь, словно в обстановке лаборатории действительно таилось что-то опасное, ожидая случая кинуться, она отступила к самому порталу, который тут же с готовностью замерцал. Юркнула в него боком... Миг! И перед ней снова были кусты сирени. А еще белый мохнатый сугроб, немедленно лизнувший её ладонь мягким замшевым языком. И светлый камзол, отлично заметный даже через густые ветви...

– Айлин! – В голосе Кармеля слышалось такое отчаяние, что она едва не забыла все на свете, даже липкий ужас подозрений. – Где вы были?! Я чуть с ума не сошел! Вернулся, а мне сказали, что вы пропали! Прямо в саду! И ваш пес лежал здесь и отказывался уходить... Благие Семеро, девочка моя, что с вами?

– Я... что-то нашла, – с трудом проговорила Айлин и позорно расплакалась – по щекам сами собой потекли горячие слезы. – Кармель, пожалуйста, скажите, что это не вы...

– Не я что? – Разумник шагнул к ней, раздвигая ветки и с тревогой вглядываясь в ее лицо. – Айлин, что случилось? Почему вы плачете? Что вы нашли?

– Ла... бо... раторию... – всхлипнула Айлин. – Барго-тову звезду, какие-то жуткие инструменты... И лабо... раторию Морхальта...

– Вы ее нашли?!

Сердце Айлин замерло, она кивнула, не отрывая взгляда

от лица Кармеля, а на нем отразилось такое облегчение и почти... счастье!

– Вы ее нашли... – повторил он. – Вся служба безопасности Ордена не смогла! Люди канцлера не сумели! Весь дом перевернули вверх дном, подвалы вывернули наизнанку, каждую книгу, каждую безделушку перетрясли в поисках заклинания или порталного ключа! Вашу тетюшку Амелию и ваших кузенов привозили сюда, пытались найти проход, запечатанный родовой кровью... Я сам здесь каждый камень ощупал в поисках тайника! А вы просто вышли прогуляться в сад – и нашли?! Ради Странника – где?!

Слезы Айлин высохли еще быстрее, чем появились. Так он не знал?! И даже сам искал эту... эту гадость?!

– В кустах! – звонко сказала она, изнемогая от блаженства, которое заливало ее сейчас изнутри. – Там портал. Я не знаю, что служит ключом, но он... просто открывается, когда я рядом. Представляете, мне его призрак показал! Вы знали, что у вас тут призрак? То есть был призрак. Он, кажется, ушел в Сады, – добавила она немного виновато.

А вдруг Кармель ей не поверит? Правда, он уже видел, что она может призвать призрак даже в браслетах, но призыв – это совершенно другое дело!

И действительно, Кармель сосредоточенно нахмурился.

– Лаборатория в кустах... То есть портал... Погодите, давайте с самого начала! Вы можете описать этого призрака?

– Да, конечно! – заторопилась Айлин. – Высокий, очень

худой, совсем старый... лысый, то есть не совсем лысый, немного волос у него оставалось, и они были совсем седые! Глаза тоже светлые, белесые, мне еще показалось, что такими глазами вряд ли можно что-то увидеть, но меня он видел, конечно.

На лице Кармеля отразилось такое изумление, что Айлин поспешно выдохнула:

– Я действительно его видела, клянусь Претемнейшей!

– Айлин, дорогая, – мягко прервал ее Кармель. – Я ни на миг не сомневаюсь в ваших словах! Просто я удивлен. Человек, которого вы описали, служил камердинером у вашего деда, а после его смерти и допросов службы безопасности Ордена жил здесь, в небольшом доме в саду. Ему больше некуда было пойти, он ведь был уже стар, к тому же после допросов так и не оправился полностью. Он умер около месяца назад, но удивительно другое: он так и не рассказал, где находится лаборатория. Вероятно, и в самом деле не знал, ни где она, ни как в нее попасть... Но теперь, видимо, принял вас за леди Гвенивер и привел к порталу, как делал это много лет назад. Порталу, настроенному на родовую кровь и... что-то еще, раз он не сработал на леди Амелию и вашего кузена. Но почему вы решили ему довериться?

– Потому что, – прошептала Айлин, почувствовав себя невозможно глупо, – ни один призрак никогда не причинял мне вреда, понимаете? Лорд Бастельеро всегда твердил, что все призраки опасны, и я сама видела одного... совершенно

отвратительного! Но, наверное, никогда по-настоящему не верила, что призрак может причинить мне зло.

Шагнув ближе, Кармель крепко обнял ее, вздохнул и задумчиво проговорил:

– Мы с лордом Бастельеро редко бываем согласны хоть в чем-то еще со времен Академии. Но в одном я с ним все-таки согласен: человек не станет ни добродушен, ни безопасен лишь потому, что умер. Впрочем, вы только что сами в этом убедились.

Айлин кивнула и спрятала лицо у него на груди, замерев, дыша знакомым и таким приятным запахом сандала, хвои, душистого табака и – совсем чуть-чуть – ладана. Похоже, Кармель был из тех, кто не изменяет любимым ароматам... Большая ладонь погладила ее по голове.

– Покажете мне эту лабораторию? – спросил разумник и добавил: – Кажется, я знаю, почему проход открывается именно вам. Если моя догадка верна, вы можете провести меня с собой.

– Конечно, покажу! – Айлин с сожалением оторвалась от него и порадовалась, что совсем не красит лицо, даже глаза не подкрашивает – иначе позорно испачкала бы светлый камзол. – Простите, у вас есть платок? Я такая дура... Я не хотела вас испугать или расстроить, честное слово!

– Ну что ж, во всяком случае, я рад, что вы нашли! – Кармель, улыбаясь, протянул ей белый платок, которым Айлин тут же вытерла глаза. – Ничего удивительного, вам все-

гда хватало нескольких минут, чтобы обеспечить себе... увлекательные приключения. А тут я оставил вас на целых полдня!

– Зато я там ничего не трогала! – возмутилась Айлин. – Только посмотрела от самого входа и сразу вернулась! Ну, почти сразу!

– Изумительная осторожность и выдающаяся осмотрительность, – серьезно согласился Кармель, предлагая ей руку.

Айлин взяла ее и повела разумника в нужную сторону. На миг она успела испугаться, что портал не откроется, но голубоватое сияние вспыхнуло ровно в том же месте. Шаг, второй, третий... И они с Кармелем оказались в уже знакомой лаборатории!

– Баргот меня... – изумленно выдохнул Кармель и осекся, оглядываясь вокруг.

Потом, двигаясь плавно и осторожно, как огромный кот, крадущийся к добыче, подошел к стеллажам, посмотрел на книги... Айлин, не утерпев, пошла следом. Названия на корешках читались не все, а те, что можно было разобрать, казались довольно странными: «Боль и сладость испытания себя», «Зеркальные пути – и куда они не ведут», «Жизнеописание хозяина трав и ветров», «Истинное и верное применение серебряных игл и золотых наперстков»...

– Вы знаете эти книги? – кивнула она в сторону маленькой библиотеки на стеллажах. – О чем они?

– Труды древних барготопоклонников, – рассеянно отозвался Кармель. – Полагаю, Денвер воровал их в хранилище Ордена – его должность это позволяла – и передавал Морхальту. Кое о каких книгах из этого собрания даже я только слышал. И мне, кстати, в свое время их прочитать не позволили, хотя я подавал запрос как историк Ордена. Думаю, их следует вернуть обратно.

– И даже не читаете? – поразилась Айлин.

– Это... немалый соблазн, – задумчиво согласился Кармель. Помолчал и добавил: – Однако изучение истории позволило мне понять, что не всем соблазнам стоит поддаваться.

Отойдя от книжных полок, он пошел по лаборатории, разглядывая столы и артефакторный щит. Айлин же заметила, что между стеллажами, незаметное со стороны, висит большое зеркало в старинной серебряной раме. Стекло сохранило удивительную чистоту и глубину, может, потому что на него не падали солнечные лучи – а от магических ламп зеркала не портятся. Айлин с любопытством заглянула в зеркало, увидела свои припухшие глаза и чуть покрасневший нос, насупилась, заправила за ухо выбившийся из прически завиток...

– El cabron de mierda dejaba a su familia en la indigencia mientras derrochaba el oro en sus putas ideas pervertidas! – прорычал разумник, и Айлин вздрогнула, а потом с испугом глянула в его сторону. Кармель, стоя в центре звезды спиной к

Айлин, разглядывал пол у себя под ногами. Никогда, ни единого раза она не слышала в его голосе такого гнева и ярости! Но что же он такое сказал? И почему?!

Она тихонько кашлянула, и разумник замер, словно окаменев, потом медленно обернулся, и Айлин увидела, как изменилось его лицо – словно Кармель изо всех сил пытался успокоиться и перестать злиться, а у него все никак не получалось.

– Простите, моя дорогая, – произнес он голосом, все еще полным гнева. – Я не должен был говорить это при вас.

«А, значит, это была ругань! – сообразила Айлин. – Впрочем, я могла бы догадаться и раньше, что же еще можно говорить в такой ярости?!»

– Ничего страшного, я все равно ничего не поняла, – завила она и поспешно уточнила: – Вы знаете, что это за металлы, правда?

– Разумеется, – откликнулся Кармель уже с заметным удивлением в голосе. – Это золото, моя дорогая. Что, кроме золота, используется для изготовления артефактов подобной силы? Боюсь, я... не совладал с собой именно по этой причине. Стоит вспомнить, как жили почтенная супруга вашего деда и его дочери...

– Золото? – ошеломленно уточнила Айлин. – Но его ведь... так много! И зачем? Нет, подождите, я помню, у золота самая высокая магическая проводимость и способность накапливать магию! Но как золото может быть разноцвет-

ным?!

– О, ничего сложного, стоит всего лишь добавить к чистому золоту некоторые присадки, – отвлеченно откликнулся разумник, и Айлин насторожила уши. – Вы ведь знаете, что золото в чистом виде редко используется в артефакторике? Оно слишком мягкое, но достаточно сохранить три четверти чистого золота, чтобы магические свойства не ухудшились. А вместо последней четверти добавляются другие металлы. К примеру, серебро, медь и кадмий в неравных долях, – добавил он, указав взглядом на темно-зеленый луч. – Или только медь для красного цвета, вендий или железо для синего, полагаю, тут все-таки железо...

Он осекся, перевел взгляд на Айлин и удивленно нахмурился.

– Айлин, это программа четвертого курса общей артефакторики и алхимии! Неужели вы действительно не знали?!

Айлин почувствовала, как запылала уши, и потупилась, не желая признаваться, что целую неделю до экзамена они с Саймоном тайком от всех – даже от Дарры! – составляли невидимые чернила, настроенные только на ее собственную ауру, а в день экзамена влезли через окно в аудиторию, выбрав момент, когда магистр Адальред отлучился, а остальная комиссия еще не собралась, и быстро пометили те билеты, которые Айлин успела выучить. Да, нечестно! Но уж семь баллов по алхимии она за эти чернила заслужила точно, а леди Уинн поставила только четыре балла, да и то с третьего

раза!

– Наверное, я не очень хорошо запомнила именно эту тему, – призналась она. – Зачем вообще некромантам артефакторика с алхимией? Ведь я же никогда не буду делать артефакты!

– А зачем артефакторика с алхимией разумнику? – невозможно поинтересовался Кармель. – Может, как раз для того, чтобы понимать, с чем имеешь дело?

Он снова указал взглядом на звезду, и Айлин окончательно покраснела.

– Я... перечитаю учебник, – пообещала она. – Вы правы...

И, чтобы сменить не слишком приятную тему, подошла к портрету. Кармель последовал за ней, и они вдвоем посмотрели на леди Вольдеринг.

– Имена ваших тетушек, – мгновенно понял разумник то же самое, что и Айлин. – Похоже, лорд Морхальт всемерно... чтит эту даму. Наверное, гордился родством с Тремя Дюжинами.

– Я точно знаю, что никогда ее не видела, – призналась Айлин. – Но все-таки она кажется мне... знакомой.

– Не удивлен, – согласился Кармель, переводя взгляд с портрета на Айлин. – Вы очень похожи. У вас другие глаза и волосы, моя дорогая, но ее черты лица отражаются в вас, как в зеркале... Кстати, у вашего деда был в точности такой же оттенок глаз, когда я у него учился. С возрастом они выцветли, став гораздо бледнее, но когда-то были именно такими.

И у леди Гвенивер... – он вдруг осекся.

– Но у нас с ней одинаковый цвет глаз! – пораженно возразила Айлин, и Кармель медленно кивнул.

– Да. Ярко-зеленый, как весенняя трава. Но я готов поклясться, что ее глаза были того же цвета, что и у лорда Морхальта, а потом... потом они изменились. Хотел бы я знать, как это возможно!

Айлин вдруг вспомнила, что леди Гвенивер терпеть не могла смотреться в зеркало. Даже когда Мод делала ей прическу, она сидела, глядя на подол, на стол, в шкатулку с украшениями или вовсе закрыв глаза, – но в зеркало не смотрела, словно ей было неприятно себя видеть.

«Почему я никогда не замечала, как это странно?! – удивленно подумала Айлин. – Ведь леди Гвенивер так любила украшать себя, придумывать новые прически, с отменным вкусом подбирала украшения... и не любила собственное отражение!»

– Из пяти дочерей рыжие волосы и зеленые глаза своего отца унаследовала только она, – так же медленно, словно размышляя, продолжал разумник. – Глаза лорда Морхальта утратили цвет от возраста, это вполне естественно. Однако как их цвет мог измениться у молодой здоровой женщины? И этот цвет она передала вам...

– Леди Гвенивер ненавидела своего отца, – тихо сказала Айлин. – Раньше я не задумывалась об этом, но после замужества она не поддерживала с ним никаких связей. Даже

с праздниками не поздравляла, а ведь это... самые основы этикета. Никогда не ездила с визитами, не возила нас... И он тоже не приезжал и не писал писем, как будто забыл, что у него есть дочери и внуки. А она... она даже свое отражение не любила, потому что оно напоминало, на кого она похожа...

– Элоиза его тоже терпеть не может, – задумчивым эхом отозвался Кармель. – Впрочем, учитывая, как он с ними обходился... Айлин, вы представляете, сколько стоит обстановка этой лаборатории? Артефактный щит, залитая золотом звезда, работа мастеров... А между тем, ваша родная мать и ее сестры сами шили себе платья и белье, да и того у них не было в достатке. Мне... неловко об этом говорить, но у пятерых благородных девиц на выданье было всего две пары выходных туфель – поэтому они никуда не ездили вместе, только по очереди. Одну пару делили между собой две старшие сестры, одну – три младшие...

– У них был одинаковый размер? – поразилась Айлин и осеклась, увидев взгляд Кармеля, полный сочувствия. – Или... нет?

– Боюсь, что не совсем, – вздохнул магистр. – При мне у Гвенивер однажды слетела туфелька прямо с ноги, и ваша мать... она расплакалась от стыда. А заштопанные и перешитые платья и вовсе были обычным делом. Я часто бывал у Морхальта и всегда старался привезти какой-то пустяк, дозволенный не поклоннику, а обычному гостю – пирожные к

шамьету, цветы в корзине с лентами... И когда потом видел эти ленты в причёске у Брайд или Мэйв, удивлялся, неужели магистр гильдии не может позволить себе достойно содержать дом и дочерей? А он заливал золотом Барготову звезду!

Он передернулся с таким отвращением, что Айлин почувствовала жгучий стыд за человека, которого совсем не знала. Ей вдруг необыкновенно ярко вспомнилось, как негодовала леди Гвенивер от малейшей порчи одежды или обуви... Как тщательно велись хозяйственные расходы, и кухарка, думая, что маленькая Айлин ее не слышит, ворчала на скупость леди, у которой денег довольно, а она считает каждую банку шамьета и барг муки или соли... О да, леди Гвенивер знала цену каждой ленточки, которую горничные вплетали в косы ее дочери. И хотя этих лент всегда было достаточно, они были дорогие, яркие и безупречно подобранные к платьям, не дай Благие было испачкать или потерять хоть одну из них!

Что-то мучительно и горько заболело у Айлин внутри. Она всегда считала, что к ней строги лишь потому, что не любят... Но ведь леди Гвенивер и себе не позволяла ни малейшей неаккуратности, это прощалось только обожаемому Артуру, копии отца, воплощению Ревенгара...

– Наверное, она была очень рада, когда батюшка к ней по-сватался? – прошептала она, старательно сдерживая слезы, который уже в который раз за этот день пытались навернуть-ся на глаза.

– Все дочери магистра Морхальта выходили замуж за пер-

вых, кто к ним сватался, – уронил Кармель. – Кроме вашей матери. Она была очень красива и имела основания надеяться на выгодную партию. Так и случилось. Ваш отец влюбился в нее с первого взгляда, и ему было безразлично, что предмет его любви – бесприданница в поношенных туфлях. Разумеется, между наследником Ревенгаров и простолюдином с магическим дворянством выбрать было не так уж сложно. Но я не хотел бы, чтобы вы подозревали ее в корыстности. Дориан был молод, хорош собой, обаятелен и неотразим в своей искренности. Он был рыцарем, который спас ее, словно принцессу – из пещеры дракона. Неудивительно, что она его полюбила, странно, если бы этого не случилось...

– Она его любила, – тихо сказала Айлин. – Его и Артура. А меня – нет. И себя, пожалуй, тоже... Кармель, давайте вернемся в дом? Только эта тетрадь на столе... Там, наверное, записи лорда Морхальта? Ее нужно взять.

– Разумеется, – согласился разумник.

Подойдя к столу, он провел рукой над тетрадью, проверяя магическую защиту – Айлин только вздохнула от собственной беспомощности.

– Я могу прочитать эти записи? – спросила она, не особо надеясь на согласие, однако разумник, немного поколебавшись, кивнул и протянул ей тетрадь.

– Они ваши по праву наследницы, – сказал он. – Из потомков Морхальта лишь вы магически одарены, а это имело для него огромное значение. Полагаю, именно поэтому портал и

открылся для вас. Мы думали, что доступ в его лабораторию зачарован на родовую кровь, а оказалось, что он требует еще и наличия магии в этой крови. И распознает искру даже через браслеты. Хитроумный старый ублюдок! – в голосе разумника слышалось злое восхищение. – Айлин, прошу вас, что бы вы ни прочли в этих записях, ничего не решайте сгоряча. Я не буду требовать непременно показать их мне, но... магистр проводил страшные опыты. Я ознакомился с докладом некромантов, которые чистили могильник, найденный в саду. И меня... – меня! – после этого несколько ночей мучили кошмары. Вы ничего не знаете про своего деда... и мне жаль, что это знание окажется жутким...

– Я буду осторожна, – сказала Айлин, прижимая к себе старую пухлую тетрадь. – И вы тоже сможете прочитать эти записи, обещаю. Я... не уверена, что пойму их – но вы ведь мне поможете?

Кармель молча кивнул и предложил ей руку.

Подходя к portalу, Айлин обернулась и снова посмотрела на портрет Элоизы Вольдеринг. То ли потому, что эта леди носила имя ее любимой тетушки – и неважно, что наоборот! – то ли потому, что они с Айлин и вправду были похожи, она вдруг почувствовала странное желание непременно узнать, почему ее дед почитал эту женщину настолько, что назвал ее именами всех своих дочерей. И какие страшные тайны скрываются в этой тетради, такой безобидной на вид...

– Вы, наверное, проголодались? – спросил Кармель, ведя ее по дорожке к дому. Пушок трусил за ними следом, его когти цокали по каменным плиткам, и этот звук привычно успокаивал Айлин. – Я велю немедленно подавать обед, только переоденусь в домашнее.

– Письма! – вспомнила Айлин. – Мне нужно отправить письма тетушке и... в особняк Бастельеро. Если хотите, можете их прочитать!

– Читать ваши письма? – с удивлением уточнил Кармель. – С какой стати? Думаю, вы и сами понимаете, что стоит соблюдать осторожность, чтобы лорд Бастельеро не узнал, где вы скрываетесь. Не беспокойтесь, я отправлю ему письмо таким образом, что его не получится отследить. И, кстати, мне тоже нужно известить его величество, что вы в безопасности. Как хорошо, что хотя бы сейчас я могу сказать это с полной искренностью – когда смотрю на вас и держу за руку, – добавил он с улыбкой.

– Кармель! – возмутилась Айлин, тоже улыбаясь. – Ничего же не случилось!

– Ничего, – согласился разумник. – Но завтра я снова отправлюсь на службу. Очень вас прошу, если вы совершенно случайно найдете портал, который будет вести в святилище северных богов, во дворец чинского императора или к альвам... Просто подождите меня! Обещаете?

В его голосе слышалась усмешка, не обидная, а ласковая, и потому Айлин лишь для вида надулась, но тут же не вы-

держала:

– Обязательно подожду! А что, к альвам можно добраться порталом?!

– Благие Семеро... – простонал магистр и рассмеялся. – Понятия не имею! Надеюсь, что нет! Во всяком случае, из моего сада!

* * *

Мальчишка был похож на крысу. Не жирную и наглую, вроде тех, что Грегор видел в Архивах, а тощую и облезлую, но оттого еще более неприятную. Острое лицо, близко посаженные глаза, длинный нос, кончик которого то и дело подергивался, словно мальчишка постоянно принюхивался, неопрятные взъерошенные лохмы, серовато-бурые, тоже цвета крысиной шерсти. И пахло от него столь же неприятно – то ли сточной канавой, то ли просто бедностью.

– Кто дал тебе письмо? – резко спросил Грегор.

И без того дурное настроение усугублялось тем, что это был уже третий посланник, которого добросовестно задержали и привели к нему слуги, не позволив просто отдать письмо. Первый оказался курьером из Академии с каким-то маловажным вопросом от секретарей, второй – из дворца, с холодно-вежливым сообщением от службы канцлера, что поиски леди Бастельеро ведутся, но пока безуспешны. И вот – третий! Не курьер, а уличный оборванец. Неужели нако-

нец-то след?!

– Добрый господин, – объяснил крысеныш. – Подошел на рынке, спросил, не хочу ли я заработать. А кто не хочет? У меня мамка болеет. Дурная болезнь у нее. Я теперь один в доме работник. А господин письмо дал и сказал, куда отнести. Целую серебруху отвалил, пусть ему Милосердная Сестра улыбнется...

– Как выглядел господин? – нетерпеливо прервал его Грегор.

– Южанин он, – уверенно ответил мальчишка. – Морда черная, волосы тоже черные. Сам худой, как они все. Ростом небольшой, вот как ваша милость. Одежда на нем темная, но хорошая. Вроде как на слуге из приличного дома или на мастеровом из тех, что на себя работают.

«Южанин?! Снова южанин, как напавшие на Айлин фраганцы! Мог мальчишка не распознать фраганца? Еще как мог, все южане похожи друг на друга, а уж для крысенка из трущоб...»

– Где он должен ждать ответа? – спросил Грегор, совершенно не надеясь на такую удачу.

Мальчишка замотал головой так, что всклокоченные лохмы заметались в воздухе.

– А нигде. Он письмо и деньгу дал, да и пошел себе. Сказал, ответа все равно не будет. А больше ничего и не сказал. Можно, я теперь пойду, ваша милость?

Грегор не без труда отогнал возникшее вдруг желание от-

казать. Глупо, мальчишка сказал все, что знал, и не скажет ничего нового, даже если запереть его под замок. Напротив, может начать врать, чтобы угодить «его милости». Нет уж, пусть проваливает к Барготу!

Острое разочарование полоснуло по сердцу. Кто бы ни послал крысеныша, человек это был неглупый и опытный в скользких делах. Даже если допросить мальчишку с помощью разумника... Наверняка тот, кто нанял полдюжины говорезов, не пренебрег такой простой предосторожностью, как амулет личины.

– Иди, – бросил Грегор и торопливо сломал печать.

Помедлил несколько мгновений, развернул листок, пробежал его глазами...

И отшвырнул, словно ядовитую гадину, всадившую клыки в ладонь. Нет, прямо в сердце!

Почерк принадлежал Айлин. В этом Грегор не усомнился ни на миг – сколько раз за шесть лет в Академии ему случилось видеть этот почерк! С каким трудом он разбирал невозможные каракули, призывал на кудрявую рыжую голову милость Претемнейшей и вопрошал сам себя, неужели невозможная девчонка не может писать хотя бы немного более разборчиво? Сколько раз он гадал, вот этот шестипалый след умертвия на листе – это «ариф» или «солле»? А может быть, вообще семерка?

Правда, сейчас почерк был намного разборчивее, но несомненно принадлежал той же руке, и – о Претемная! – лучше

бы Грегор не смог разобрать написанное!

Подала прошение о раздельном проживании?! Иными словами, поспешила указать, что эту мерзость придумал не лорд Аларик, а она сама? Или Грегор просто видит тайный смысл там, где его нет? Но какое это имеет значение?! Кто бы ни принял решение, они оба предали и его, и род!

Не обратилась за помощью к родным, предусмотрев... вернее, попросту струсив встретиться лицом к лицу с ним! С законным супругом, который готов был выполнить любой ее каприз! Не дать даже ветерку подуть на эту, эту...

Грегор задохнулся, рванул ворот камзола, по полу что-то застучало, зато наконец получилось вдохнуть.

«Нужно успокоиться, – подумал он, стараясь дышать ровно, глубоко и медленно, хотя в груди просто горело, умоляя схватить побольше воздуха как можно быстрее. – Нужно... Айлин похитили, я знаю это совершенно точно. Письмо запечатано ее печатью... Род Дориан! Благие Семеро, что за насмешка! Глупая выдумка проклятого бастарда! Род из одной-единственной женщины! Представляю, как потешался бы Дориан Ревенгар! Неважно, неважно... Письмо запечатано ее печатью, но это ровно ничего не значит... Перстень могли попросту снять, это правда, но этот чудовищный почерк не так-то просто подделать. Писала она, в этом нет никаких сомнений, но что, если ее попросту вынудили? Заставили угрозами, ведь без магии она совершенно беспомощна...»

Понимая, что ищет упыря в пустом склепе, и все же не в силах отказаться от глупой надежды, Грегор поднял мерзкое письмо и взгляделся в него, не позволяя себе провалиться в смысл слов, но вглядываясь в их начертание, как учил когда-то дед.

Ровные строки – значит, ее рука не дрожала, а от гнева или страха дрогнула бы непременно. Значит, о принуждении не может идти и речи. Взвешенные осторожные слова – о, такие осторожные и учтивые, словно письмо предназначено опасному врагу!

Грегор с трудом подавил гнев. Нет, нет, не сейчас... Тщательно подобранные слова означают, что у нее было время как следует продумать письмо. Ее не торопили!

Дорогая бумага – гладкая, белая и очень чистая. Письмо писали в полном удобстве, иначе остались бы какие-то следы, пятна или потертости... Отличные чернила... Что ж, чернила и бумага не скажут ничего, кроме того, что она скрывается в достаточно обеспеченном доме. У Элоизы Арментрот? Едва ли. К госпоже Арментрот Айлин искренне привязана и точно не захочет навлечь на нее гнев Грегора.

В собственном подаренном королем поместье? Немыслимая глупость! Она ни разу там не была, у нее нет магии, чтобы защититься, она даже не знакома со слугами и ни за что не была бы так спокойна в незнакомом месте, даже если допустить, что в усадьбе, где давно не живут хозяева, найдется такая дорогая бумага и чернила!

Нет, это должно быть хорошо знакомое ей место. Место, где она чувствует себя в полной безопасности, но если это не дом родственников или друзей, то чей же?

«Любовника, – бесстрастно подсказал холодный и спокойный голос рассудка. – Ты долго не хотел замечать очевидного, Грегор. Но теперь, наконец, придется. Она не хотела становиться твоей женой. Она столько раз отказывала тебе, но ты, ослепленный собственной любовью, ничего не желал слышать! А ведь Беатрис предупреждала тебя! Беатрис была мерзкой ядовитой гадиной, но ей нельзя было отказать ни в уме, ни в наблюдательности... Эванс и Претемнейшая говорили о том же... Да ведь ты и сам понимал, что она не любит тебя! Понимал, но гнал от себя эти мысли! Теперь отогнать их не получится. Но кто? Кто может быть ее любовником?!»

Он стиснул письмо в кулаке, сминая плотный лист, и зажмурился почти до боли.

«Король? Король мог бы подстроить похищение. Его фехтмейстер – фраганец, он мог бы свести своего выкормыша с соотечественниками... Нет. Опять глупость. Фраганец учил Айлин, он знал, что она не позволит себя похитить, зачем ему смерть других фраганцев? К тому же, их все равно пришлось бы убирать, чтобы избежать сплетен! Да и зачем королю похищать ту, которой он уже дал право отдельного проживания? А мог бы дать и разрешение на развод, и просто пригласить ее во дворец... и навещать ее где угодно... Нет. Это не король и, уж конечно, не Фарелл. Дочь Дориана

Ревенгара никогда не спуталась бы с простолюдином, пусть и возведенным в дворянское достоинство. Но кто же тогда? Она почти не знала мужчин, кроме тех, с кем дружила в Академии...»

Грегор открыл глаза.

– В Академии, – повторил он вслух. – Вот оно. Кроме короля и Фарелла, она была близка только с Аранвеном и Эддерли. Саймон вряд ли пришел в себя, к тому же магистр Эддерли поклялся, что его род не причастен к похищению. Но на письме была их печать...

Звук собственного голоса странно успокаивал разгоряченный разум, и Грегор говорил все медленнее и тише:

– Печать была подлинной или очень хорошо подделанной. Откровенную фальшивку я заметил бы непременно, слишком уж часто видел подлинник. И кто же мог раздобыть подлинную печать? Аранвены, бывающие у Эддерли так часто, что это не вызовет никаких подозрений! Дарра собирался жениться на Айлин... Правда, она утверждала, что он только ее друг, но могла ли она солгать? Конечно, могла, смогла ведь предать мужа... Я не помню почерка Мариан, но мог ли Дарра его подделать? Разумеется, ведь он так хорошо его знал! Нанять фраганцев, заранее зная, что их убьют? Очень в духе Аранвенов! Дарра отстранил меня от расследования! Дарра забрал тела, которые я мог бы допросить, и нет ни малейших сомнений, что к тому времени, как будут готовы поисковые амулеты и я смогу узнать имена фраганцев, их души

будут упокоены со всей тщательностью. Проклятье... Трижды, сотню раз проклятье! Как я мог быть таким слепцом?!

«Прошу вас прекратить мои поиски...»

Грегор почувствовал, как мелко, безболезненно, но раздражающе задергалась щека.

«Я не буду ее искать, – подумал он, с удивлением поняв вдруг, что гнев, ярость и боль куда-то исчезли, а на их место пришла страшная, оглушительная пустота. – Я не поеду в дом Аранвенов и не стану требовать ее возвращения. Иначе... я убью ее. Ее и ее любовника. Убью непременно, и эта смерть не будет легкой и быстрой, как у той шлюхи. И меня казнят, потому что бастард не простит мне смерти своей фаворитки. Видит Претемная, меня не остановила бы смерть! Но мой сын останется сиротой, и кто его воспитает? Лорд Аларик-старший? Или бастард, предусмотрительно ставший приемником Аларика Раэна? Страшно представить, что из него вырастет с такими воспитателями! К тому же Дарра – наследник Аранвенов, его смерть – повод для кровной мести. Пусть даже Ангус не переживет смерти единственного сына, но останется Немайн, есть еще младшая ветвь... Что, если они решат мстить моему сыну? Если я убью Дарру, мой ребенок будет в безопасности только после смерти всех Аранвенов. О, как я сейчас понимаю деда! Хотел бы я знать, как ему удалось то, что он совершил! Но нет, жизни одной проклятой шлюхи и ее любовника не стоят смерти целого рода или даже двух родов! И тем более не стоят того, чтобы

мой сын рос сиротой...»

Он медленно, с усилием разжал ладонь, и лист бумаги, скомканный и истерзанный, упал на ковер. Грегор проводил его невидящим взглядом и подумал, что сегодня сделает то, чего давно уже не делал. Со времен смерти Малкольма и Разлома... Напьется прямо в кабинете, наедине сам с собой. Хоть немного заглушит боль, терзающую изнутри, рвущую сердце, словно упырь – когтистыми лапами. Но только сегодня! Нельзя уподобиться Кольму, который сдался собственной слабости из-за женщины. Позорной омерзительной слабости! Не-е-ет, Грегор так не поступит! У него сын! Любимый наследник, единственная надежда рода Бастельеро, и нужно справиться с болью ради него...

Так что Грегор позволит себе один-единственный вечер. А завтра – на службу. Держать лицо, отвечать на сочувственные вопросы – будь прокляты эти лицемеры! – слышать шепотки за спиной. Желательно никого не убить, как бы ни хотелось! Заняться делами... У него ведь так и лежит новый вариант орденского закона о простолюдинах, а еще есть прошение от Карлонской империи, желающей основать у себя магическую Академию... Нет, просто академию, потому что истинная Академия – всего одна и всегда будет принадлежать Дорвенанту... Но ее восточная ветвь под покровительством Семи Благих – это хорошо, это правильно, ибо служит к вящей славе Ордена... Дел хватит! И можно, даже нужно погрузиться в них с головой, чтобы забыть... Баргот, как же

больно! За что она с ним так?! Просто – за что?! Чем он заслужил предательство от той, которую любил всем сердцем?! Неужели дед был прав, и даже лучшие из женщин не способны на верность и чистоту?! Кто его предал – Айлин или сама Претемнейшая?!

Письмо белело на ковре, не отвечая на вопросы, и Грегор наступил на него, с мучительным наслаждением растирая бумагу, словно живое существо, ненавистное и отвратительное.

Глава 6. Один обед и два ужина

Ночь Лучано провел в обществе прекрасного, умного и изысканного грандсиньора. Восхитительная была бы ночь – если бы грандсиньор не звался Даррой Аранвенном!

Конечно, никакой необходимости в присутствии Лучано при допросе погибших фраганских наемников не было, напротив, грандсиньор Аранвен проявил немалую любезность, позволив постороннему присутствовать при ритуале. Однако его любезность совершенно не помешала Лучано промерзнуть до костей – души пришлось призывать там же, где хранились тела, то есть в леднике, а холодильные артефакты здесь работали на совесть! Вдобавок, ритуал оказался долгим и утомительным даже для зрителя. К рассвету Лучано вымотался так, что мечтал лишь об одном – упасть на кровать... или диван... да что там, подойдет даже плащ! – и заснуть хотя бы до полудня.

Так он и сделал, из последних сил добравшись до собственных покоев и вознеся горячую молитву Великому Безликому, чтобы во сне ему ни в коем случае не явился благородный и замечательный во всех отношениях грандсиньор Дарра или... хм... объекты его работы.

Великий Безликий проявил милость, хотя милость эта, как зачастую бывает, оказалась не без подвоха.

Всю ночь Лучано смотрел оперу. Во сне он смутно подо-

зревал, что действие происходит не в Итлии, а на главной сцене Гранд Опера, и вынужден был признать, что фраганцы на этот раз превзошли сами себя.

Началась опера, как ей и положено, с увертюры, во время которой зрители смогли изучить либретто и узнать, что в некоей дальней стране Дорвендейл случилось ужасное происшествие – открылся Разлом, погубивший почти всю правящую семью и угрожающий миру нашествием демонов. Именно на примадонны и певцов, исполняющих главные партии, Лучано были решительно незнакомы, но оперу он обожал и, наметанным глазом оценив богатство постановки по декорациям, приготовился к выдающемуся зрелищу.

Зрелище не разочаровало!

В первой же каватине маг-некромант по имени Георг Бостильермо роскошным драматическим баритоном известил зрителей, что намерен принести в жертву Астора, последнего бастарда королевской крови, жениться на королеве и узурпировать трон. Разумеется, его подслушала невинная девица Алейна, ученица мага, и пришла в ужас. На невинность девицы, согласно оперным традициям, указывало ее белое платье и распущенные волосы, украшенные веночком из белых роз. Певице, правда, по самым скромным прикидкам Лучано, было далеко за тридцать, а роскошной грудью она могла бы снести Георга со сцены, если бы сделала еще шаг из-за бархатной портьеры, но это же опера! Лирическое сопрано «девицы», во всяком случае, звучало беллиссимо. Злодей

Бостильермо отправился делать предложение королеве, а девица Алейна, излив душу в страстной молитве Претемнейшей, бросилась спасти принца.

Вторая картина порадовала дивным дуэтом Георга и Бетриче, вдовой королевы Дорвендейла – грудное контральто и венок из черных шелковых роз. Королева добродетельно отказывала Георгу, клялась вечно блюсти траур по супругу и сыновьям, а также просила у Благих защитника для страны и опустевшего престола. Как и следовало ожидать, зрителям тут же показали принца-бастарда в белокуром парике и с двумя позолоченными секирами. Лирико-драматическим тенором принц Астор спел, как скорбит по отцу, которого не знал, а потом они с Алейной слились в крещендо, выясняя, кто сильнее любит родной Дорвендейл и потому должен собой пожертвовать. Лучано покосился на соседей по партеру, вытирающих умильные слезы, и понял, что за малейший намек на улыбку его побьют прямо здесь.

Второй акт начался сценой поединка месьора Альбера, приемного отца бастардо, и капитана Кагельмора, влюбленного в королеву. Благородные дворяне сошлись в бою из-за трагического недопонимания и коварных интриг злобного Бостильермо. Проиграв, капитан попытался заколоться, месьор Альбер выбил у него рапиру, но сам упал на руки капитану, пропев, что открылась старая рана... Разумеется, капитан тут же обещал позаботиться о столь великодушном противнике, заодно поклялся отомстить Бостильермо, и два

идиотто, то есть прекрасных синьора, уползли со сцены, поддерживая друг друга.

Лучано с нетерпением ожидал появления самого себя – и дождался! В трактире к Алейне и Астору прибился наемник Люсьен, здоровяк на голову выше бастардо и с такой походкой, словно у него болели колени. Помахав позолоченным кинжалом размером с двуручник, он поклялся спутникам в верности, но уже в следующей сцене, первой в третьем акте, выдал все свои секреты, стораю от лихорадки. На дуэте Люсьена и Алейны, где первый признавался в любви к Алейне, а вторая – к Дорвендейлу и принцу, Лучано вжался в кресло и прикрыл глаза, опасаясь, что это зрелище останется с ним до конца жизни, однако прекрасное лирическое сопрано Алейны и недурной тенорьеze Люсьена не позволяли отвлечься.

Соседка Лучано по креслу справа, почтенная дама лет на двадцать старше примадонны и сходного с ней телосложения, всхлипывала, утирая слезы надушенным платочком...

Потом, разумеется, была деревня, хор призраков, акробатические номера Пушки, которого изображал юноша в белом меховом костюме, и нападение енотов. Еноты – мальчишки в полосатых трико – привели зал в восторг, а когда самый маленький из них встал на колени перед Алейной и жестами попросил взять его с собой, на сцену полетел первый букет. Лучано обреченно закрыл глаза и тут же их вытаращил – Астор, маленький енот и Люсьен пели трио, как любят Алейну и Дорвендейл!

На сцене со злобным колдуном Дервельграссом Лучано уже со всем смирился. И с тем, что колдун расхаживал по оперному лесу в черной бархатной мантии со шлейфом, и с тем, что уничтожил его, оказывается, бастард, причем в поединке на ариях. И даже с тем, что над трупом Дервельграсса Пушок и Перлюрен жонглировали секирами бастарда и кувыркались в воздухе, пока Алейна пела, как мечтает отдать принцу свое сердце.

Конечно, соседка справа рыдала, как же иначе. И, конечно, на сцену снова полетели букеты.

Когда бастард и Алейна запели, выясняя, кто из них должен пожертвовать жизнью, Лучано испытал невыносимое желание заткнуть уши и закрыть глаза, однако досмотрел сцену до конца. Никакого грандсиньора Дункана эта версия событий, увы, не предусматривала. Невинная Алейна пожертвовала собой, шагнув в увитую черно-алым шелком арку, бастард сначала долго молился Благим, потом попытался кинуться за ней, но тут с другого края сцены появились Претемнейшая и Баргот, чтобы поспорить за душу Алейны. Пока бастард махал секирой на зловеще хохочущего Баргота, мальчики в белом и полосатом отвлекли Претемнейшую, а Люсьен через арку увел Алейну в мир живых, и все выдохнули.

Сосед слева от Лучано, пожилой мрачный синьор с лицом, исчерченным несколькими старыми шрамами, принялся всхлипывать и сморкаться в огромный платок, пригова-

ривая, что никогда не видел такой душераздирающей сцены.

– Беллиссимо, – слабым голосом подтвердил Лучано. – Грандиозо... Не знаете, скоро финал?

– Ах, если бы эта опера никогда не кончалась! – шепотом воскликнула соседка справа, сосед слева закивал, и Лучано окончательно почувствовал себя лишним среди приличных чувствительных людей, обожающих искусство.

Финал, впрочем, не заставил себя долго ждать. Как и положено, было много арий. Ария Капельмора, признающего в любви королеве, ария принца, признающего в любви Алейне, ария Бостильермо, признающего, что проиграл и достоин смерти. Если бы еще Люсьен признался в чем-нибудь, Лучано, возможно, сам разрыдался бы, но, к его радости, наемник великодушно отступил, пожелав влюбленным счастья и удалившись на подгибающихся коленях. Лучано решил после представления послать ему баночку мази от артрита, жалко же человека...

Пока на сцене весело казнили Бостильермо, потом играли сразу две свадьбы – Алейны с принцем и отрекшейся от престола королевы с капитаном Капельмором, а вернувшиеся елоты танцевали под предводительством Пушка, Лучано пролистал либретто, нашел имя композитора – ничего знакомого! – и вдруг увидел страшное. «Опера «Разлом» – гласило вступление к либретто. – Представление в пяти актах по выдающемуся литературному произведению авторства лорда Люциана Фарелла...»

– Я этого не писал! – возмущенно завопил Лучано... и проснулся!

«Ну что за бред, – подумал он, облегченно вздыхая, и тут же поправил себя с некоторым сожалением: – А музыка была отличная! И пели очень недурно, особенно Астор и Алейна... Им бы Люсьена поменять! Хотя пел этот бедолага с больными коленями неплохо... Еноты в трико, хор призраков... Да если бы эта опера была не про нас, я бы остался в восторге, скажем уж честно! Ведь в оперу ходят не ради сюжета, а ради пения и музыки! А вдруг... вдруг и правда когда-нибудь про Разлом напишут оперу?! И если она окажется хороша, то... какая разница, как там будут звать наемника, принца и магессу? Я бы послушал...»

Он опять вздохнул, на этот раз мечтательно, и тут же насмешливо фыркнул. Ну надо же, грандсиньор Фарелли, собственного фонтана вам уже мало! И народных песенок про Разлом и трех героев, что его закрыли, тоже! Теперь вам в персонажи оперы захотелось!

– Перевернут же все, – пробормотал он, встав с постели и потянувшись всем телом. – Вон, в моем собственном сне – и то какое безобразие получилось! И будет наемник из оперы похож на меня, как я сам – на кота работы маэстро Коррадо, всего сходства – лютня да характер! Кстати, а не заглянуть ли мне к маэстро? Помнится, он приглашал таинственную красавицу на ужин... Забавно получится!

Обед, который им подали в небольшой уютной столовой, оказался простым, но сытным. Горячая мясная похлебка с пряными травами, тушенная с овощами ягнятина, несколько видов сыра, а на десерт – маленькие сладкие пирожки с вишней. Айлин осилила целых два и поняла, что переела, еще немного – и шевелиться не сможет.

– Ваш повар прекрасно готовит, – улыбнулась она с искренней благодарностью. – И шамьет варит как в доме у тетушки! Это арлезийская манера?

– Она самая, – улыбнулся в ответ магистр. – Итлийцы кладут больше пряностей и чаще варят с медом или сливками, а в Арлезе говорят, что для правильного шамьета нужны медь, огонь и вода – все остальное в нем и так уже есть. Хотя пряности все равно добавляют... Высот мастерства нашего друга Лучано мой Алонсо не достиг, но очень старается. Хотя его руки больше привыкли к сабле и штурвалу, чем к поварешке.

– Амина мне рассказывала... – Айлин с наслаждением пригубила шамьет и не утерпела: – Правда, что у него... роман сразу с двумя горничными? Я их видела, они очень милые и похожи как сестры.

– Это Алонсо и подвело, – заговорщицки понизил голос Кармель. – Все началось, когда он случайно перепутал ночью

комнату и вместо Луисы заглянул к Розе. А может, и наоборот, я уже не помню. Ну а утром, сами понимаете, просто побоялся признаться в ошибке! Вот с тех пор это и тянется. Безобразие, конечно, однако я стараюсь не вмешиваться в личную жизнь моих слуг. Не так уж много у них развлечений вдали от родины... А как вам понравился дом?

– Он восхитителен! – призналась Айлин и покраснела, вспомнив про детскую. – Я еще не все увидела, но он такой необычный и красивый... Наверное... – Она замялась, но все-таки спросила: – Здесь ничего не осталось от... прежних хозяев?

– В библиотеке есть полка с детскими книгами и руководствами по ведению дома, – спокойно ответил магистр. – Они совсем потрепанные, но я приказал их сохранить. Кое-где там пометки женской рукой, но я не знаю, кто это писал. Впрочем, Элоиза наверняка помнит.

– Тетушка очень за меня переживала? – встрепенулась Айлин. Она чувствовала, что говорит сумбурно, перескакивая мыслями с одного на другое, но сосредоточиться на чем-то одном не могла. Ее переполняли разом облегчение от пережитого страха, радость, что Кармель не причастен к ужасам, творимым ее дедом, вина за то, что она в безопасности, а батюшка Аларик и маленький Аларик Раэн остались в особняке Бастельеро... – Ой, простите, я не успела поблагодарить вас за платье!

– Не стоит благодарности, – возразил магистр и оки-

нул Айлин восхищенным взглядом. – Оно изумительно вам идет. Ваша тетушка прислала весь ваш гардероб, который хранился у нее, и просила передать, что сошьет все недостающее как можно скорее. По ее словам, спасло меня только то, что о вашей пропаже она узнала от меня самого и одновременно с известием, что вы уже нашлись. Иначе ее кара была бы страшна!

– Я никого не хотела потревожить, – призналась Айлин, и к ее хорошему настроению примешалось еще больше вины. – Но если о моем исчезновении станет известно, столько людей будет переживать! Лучано с Аластором, Дарра и Вороны, Артур, Иоланда... А я даже не могу их успокоить!

– Боюсь, моя дорогая, об исчезновении леди Бастельеро уже известно всей Дорвенне, – мягко сказал Кармель. – Мы, конечно, можем известить ваших друзей и близких, что вы живы и в безопасности, но чем больше будет этих людей, тем труднее сохранить тайну. Пока что она известна вашей тетушке, его величеству, Лучано и, частично, лорду Аларику. Полагаю, Дарре тоже следует это знать, тогда он сможет сосредоточиться не на ваших поисках, а на похитителях. Но делиться хорошими новостями с остальными лично я бы подождал... Не потому, что не доверяю кому-то из них, просто жизнь полна нелепых случайностей.

– Вы правы! – кивнула Айлин. – Я... потерплю и буду надеяться, что меня простят. Потом, когда это все закончится...

Она допила шамьет и с сожалением посмотрела в сторону оставшихся на блюде пирожков.

– Если пожелаете перекусить до ужина, скажите Амине, она будет счастлива, – очень серьезно сообщил Кармель. – У нее всегда имеется запас мауритских сладостей на любой вкус, уверен, вы их никогда не пробовали. А теперь простите, но я вынужден вас оставить. Его величество наверняка ждет от меня объяснений.

– Конечно, – кивнула Айлин. – Передайте ему... Передайте, что я очень благодарна! И ему, и Лучано, и Дарре – за все, что они для меня делают...

Она моргнула, торопясь остановить не вовремя навернувшиеся слезы – да что же такое с ней творится?! Словно все, что она сдерживала в себе эти бесконечные месяцы нежеланного брака, разом вырвалось на волю и теперь захлестывает разум и сердце волнами переживаний.

– Непременно. – Кармель встал и поклонился. Айлин поднялась следом и присела в реверансе, пряча смущение за привычным щитом этикета. – Еще раз прошу вас располагать этим домом как своим собственным, – уронил он и добавил мягко: – Ни о чем не беспокойтесь, моя донна.

Когда он вышел из столовой, Айлин посмотрела ему вслед и тяжело вздохнула. Легко сказать – не беспокоиться! А если ей нужно поговорить с ним о важных, но совершенно бесстыдных вещах, о которых приличные женщины с мужчинами не разговаривают? Как тут прикажете не беспокоиться?!

Вот тетушка Элоиза наверняка смогла бы это сделать, ничуть не уронив достоинства. Иоланда тоже сумела бы... И даже Кларисса умудрилась договориться с доном Каэтано, когда они увиделись впервые в жизни, причем под виселицей... И только она, Айлин, отчаянно трусит, словно... Лионора какая-нибудь!

Но теперь у нее есть время до вечера, и стоит потратить его с толком. Наверняка Амина знает еще много интересно-го про этот дом и его обитателей. Нужно разобрать присланный гардероб, вычесать Пушкина и найти в саду площадку для тренировки. Мауритские сладости – это прекрасно! И с ними тоже нужно познакомиться поближе! Но так, чтобы не превратиться в круглую булочку из фраганской сказки про сбежавший из дома хлеб...

Амина вопросу про тренировочную площадку ничуть не удивилась и сообщила, что госпоже нет необходимости ее искать. На заднем дворе, который примыкает к саду, такая площадка давным-давно устроена. По утрам, а иногда и вечером, господин там дерется на саблях с Алонсо. Не всерьез, конечно, а для этой... как ее... тре-ни-ров-ка! Там есть вкопанные в землю столбики, соломенное чучело и много чего еще. А если госпожа хочет разогнать кровь, Амина сама будет учить ее драться ножом и танцевать мауритские танцы. У госпожи легкая походка и точный глаз, она непременно научится и станет еще милее сердцу господина. Мужчины любят женщин, которые умеют танцевать по-мауритски! А сей-

час Амина просит госпожу показать свои наряды. Роза с Луисой научили Амину носить арлезийские платья, если нужно выйти из дома на рынок или куда-то еще. Но это простые платья для простых женщин, а у госпожи вещи такие сложные, Амина их никогда не видела и не знает, как одевать госпожу. Вот это, например, что? Это для тех, кто провинился? Наказывать их, чтобы больше так не делали?

– Это корсет, – давясь смехом, объяснила Айлин. – Чтобы талия была тоньше, и платье хорошо сидело.

– Та-ли-я... – с сомнением повторила Амина, разглядывая изящный шелковый корсет. – Ай, глупый женщины такое придумать! Чтобы женщина в пояс быть тонкий, грудь – высокий, бедра – пышный... Танцевать надо! Нож брать, бубен брать, кувшин брать! Что есть – все брать и танцевать! Тогда лицо будет румяный, глаза блеснуть, ноги летать по ковер. Мужчины смотреть, глаза не оторвать, золото дарить, жена хотеть! А это – тьфу! – Она с энергичным презрением встряхнула корсет. – Это надеть, тонкий быть! Потом снять, все назад – бух! Госпожа и так очень красивый, быть еще лучше! Амина лицо мазать мед и сливки, волосы мазать розовый масло, тело мочалка тереть! Амина порядок знает. Если в город ходить, Амина будет эта штука подавать. Дома зачем себя мучить? Женщина дома надо легко ходить! Платье длинный, мягкий! Не хотеть платье – рубашка и штаны носить! Это не носить!

Она положила корсет в грудку остального белья и добавила

как последний, самый веский аргумент:

– Грудь давить, живот давить – женщина нельзя. Ребенок носить – ребенок больной быть! Госпожа уже рожать?

– Да... – вздохнула Айлин и помрачнела. – Мой сын, он... в другом месте. И я не могу его пока забрать. За ним хорошо смотрят, но...

– У госпожа сердце болеть, – понимающе подхватила Амина. – Ничего, господин утешить. Госпожа хорошо кушать, Амина массаж делать, купальня делать, трава хорошая варить. Госпожа много детей родить! Красивый, умный, сильный дети! Мальчики как господин, девочки как госпожа! Много детский смех – счастливый дом! Амина всех любить, как верблюдница – родной верблюжонок!

– Да, конечно...

Айлин украдкой смахнула слезу, не зная, как объяснить замечательной, но такой простодушной мауритке, что детей она не хочет. В ближайшее время, во всяком случае. Она бы снова вытерпела ужас беременности и родов ради Кармеля, но лучше умрет, чем приговорит их детей к судьбе бастардов, а пока брак с лордом Грегором не расторгнут, на ребенка, рожденного в этом браке, но не от мужа, ляжет несмываемое клеймо бесчестья его матери. И раздельное проживание здесь не имеет никакого значения!

– Давай разбирать вещи, – вздохнула она и решила сменить тему: – А чем закончился суд? Кто победил, Роза или Луиса?

– А, никто! – разочарованно махнула рукой Амина. – Этот подлый трус из кухни не выходить, прятаться! Говорить, ужин готовить! Особый ужин для господин и госпожа! Ничего, Амина его завтра поймать. Аркан кидать, как на верблюдов!

Айлин представила, как Амина подкарауливает Алонсо где-нибудь в саду, набрасывает на него аркан и с таким же серьезным лицом, как сейчас, ведет на суд, где Роза и Луиса тянут повара каждая в свою сторону. Ох, кажется, в этом доме точно не соскучишься!

* * *

– Приятного аппетита, милорд, – вежливо пожелала Айлин и обвела стол, накрытый для ужина, растерянным взглядом.

О, судя по немислимо притягательным ароматам, Алонсо расстарался изо всех сил! Вот только меню обещанного «особого» ужина выглядело несколько странным.

На самом большом блюде были затейливо уложены толстенькие нежно-розовые креветки, которые часто подавались у тетушки Элоизы и были любимы и тетушкой, и самой Айлин. Нежно-зеленую спаржу украшал густой, маслянисто-блестящий соус, пахнувший остро и пряно. На другом блюде лежали незнакомые Айлин овощи, напоминающие шишки, только разрезанные на четвертинки, обжарен-

ные до соблазнительной корочки и пахнущие незнакомо, но приятно. Еще там были кусочки странного бело – розового мяса – или это рыба? – в густом белом соусе и тоже сдобренные пряностями... А последнее блюдо красовалось – Айлин не поверила своим глазам! – большими, не меньше половины ее ладони, ракушками, открывшими створки и фаршированными кусочками мяса... или там просто запекли их обитателей?

Может быть, именно так принято ужинать в Арлезе?

Она посмотрела на милорда магистра, постаравшись сделать это незаметно, и тут же убедилась, что... похоже, все-таки не принято: взгляд Кармеля был куда холоднее, чем заслуживало великолепие на столе.

– Что-то не так? – осторожно спросила Айлин, подавив желание взять приборы.

– Ни в коем случае, моя дорогая, – сдержанно ответил тот и все-таки еле уловимо нахмурился. – Кажется, Алонсо счел себя обязанным позаботиться о приятном вечере для нас, но несколько... переусердствовал.

Последнее слово он произнес, повысив голос, и Айлин услышала, как за дверью тревожно охнули на несколько голосов. А она сама опять ничего не поняла!

– Вам не нравится ужин? – уточнила она. – Выглядит очень интересно и пахнет вкусно...

– Простите, я ни в коем случае не хотел испортить вам аппетит, – вздохнул Кармель и первым взял приборы, как

положено хозяину дома. – Полагаю, придется все-таки объясниться, чтобы вы не считали меня капризным тираном... Бокал вина?

Айлин кивнула, и он налил ей из бутылки золотистого вина с тонким нежным запахом, а потом продолжил:

– Все, что вы видите на столе, это традиционные арлезийские блюда, которые Алонсо отлично готовит. Вот это, к примеру, тушеные в сливках осьминоги. – Он указал на бело-розовое мясо. – А это печеные мидии...

– А это? – Айлин с любопытством посмотрела на «шишки». – Спаржу я, конечно, знаю, но такие овощи вижу впервые.

– Артишоки, – отозвался магистр. – Они вкусны и полезны, рекомендую попробовать. Сложность в том, моя дорогая, что все эти кушанья: дары моря, спаржа с артишоками и вот этот салат из перепелиных яиц... Считается, что они наилучшим образом пополняют телесные силы и горячат кровь перед любовными играми.

– Перед...

Айлин глянула на артишоки, которые уже успела положить себе на тарелку, и неудержимо залилась краской. Так это ужин для любовников? И все в доме думают... знают... еще и обсуждают наверняка!..

– Вот об этом я и говорю, – снова вздохнул Кармель. – Видит Всеблагая, меньше всего я хотел смутить или даже напугать вас. Кажется, я возмутительно распустил свою прислугу,

если они позволяют себе устраивать заговоры – пусть даже эти заговоры проистекают из желания позаботиться обо мне. И о вас, разумеется. Возмутительная бестактность и невоспитанность!

Он опять немного повысил голос, и из-за двери послышался горестный вздох. Вряд ли там прятался сам Алонсо, скорее, Роза или Луиса ожидали приказаний, а заодно стремились узнать, как хозяин оценит затею повара. Уши и щеки Айлин пылали, но она мужественно посмотрела на Кармеля и поинтересовалась:

– Так вы полагаете, нам не стоит... это есть?

– Почему же? – слегка удивился разумник. – Поверьте, воздействие любовной кухни сильно переоценивают. Вряд ли перепелиные яйца и мидии способны разжечь огонь там, где нет ни топлива, ни искры для него. Но все эти блюда действительно очень питательны, вкусны и легки для пищеварения, в этом их истинное достоинство. Попробуйте, прошу, и пусть вас не смущает их сомнительная слава.

Айлин глотнула вина и робко попробовала артишок – вкус оказался великолепен! Уже смелее она взглянула на печеных мидий... Кармель галантно положил ей порцию и показал, как отделять нежное мясо от тонких раковин-лодочек.

– Их собирают ныряльщики на побережье Арлезы, – сказал он. – Говорят, в северных реках они тоже водятся, но я, признаться, не пробовал, а вот за эти ручаюсь – еще сегодня утром их омывало теплое арлезийское море.

– Восхитительно, – призналась Айлин, распробовав необычное лакомство. – И так чудесно сочетается с артишоками... Надеюсь, вы будете не очень суровы к Алонсо, он ведь хотел как лучше.

– Ну, за желание порадовать прекрасную донну я его даже не упрекну, – усмехнулся Кармель, к которому на глазах вернулось хорошее расположение духа. – А вот за предположение, что его хозяин нуждается в каких-то средствах для поддержания страсти...

За дверью в третий раз охнули, послышались быстрые шаги – и Айлин тихонько хихикнула. Судя по улыбке, которую Кармель прятал в уголках губ, он точно не злился.

– Ваша прислуга очень любит вас, – улыбнулась она, и разумник кивнул:

– Они считают себя одной семьей, а меня – скорее главой этой семьи, чем хозяином. Но преданность и почтение имеют обратную сторону, заключенную в излишней... старательности. Айлин, я очень прошу вас не обижаться и не думать, что кто-нибудь в этом доме желал вас оскорбить. Если забота Амины или кого-то еще покажется вам навязчивой, просто скажите мне – я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя свободно.

– Забота, пусть даже излишняя, это куда лучше равнодушия или неприязни, – тихо сказала Айлин. – Знаете, в доме лорда Бастельеро я звалась хозяйкой, но чувствовала себя то ли пленницей, то ли нежеланной гостьей. Там было всего

два человека, о разлуке с которыми я жалею. Лорд Аларик и Дженни, моя горничная. Не считая Аларика Раэна, конечно, но вы же понимаете...

– Понимаю, – так же негромко отозвался Кармель. – Айлин, вас мучают какие-то мысли? Это из-за найденной лаборатории?

Соблазн отговориться утренней находкой был так велик, что Айлин едва ему не поддалась. Но начинать отношения с откровенной лжи она не хотела, поэтому качнула головой и, уставившись в тарелку с остатками еды, призналась:

– Нет, дело не в этом. Я... не знаю, как сказать...

– Скажите как другу, – мягко предложил Кармель, словно не замечая ее смущения.

– Я люблю вас! – выпалила Айлин так отчаянно, словно снова кинулась в Разлом, вскинула голову и посмотрела на разумника. – Но я поняла, что не могу... что просто не создана для... любовных отношений. А вы наверняка ожидаете... Нет, конечно, я верю в ваше благородство! Я знаю, что вы сдержите обещание и не станете... Но что мне делать, если я просто не могу дать того, что вы заслуживаете?! Одна мысль, что я... что мы с вами... Кармель, я не хочу портить то, что между нами было, этой... гадостью!

Она замолчала и глотнула вино как воду. Кисловатая жидкость освежила горло, Айлин жадно сделала еще пару глотков и поставила наполовину опустевший бокал, а потом снова упрямо посмотрела на разумника. Тот рассматривал ее с

непроницаемым лицом, а потом так же тихо и ровно уточнил:

– Гадостью, значит?

– Гадостью, – кивнула Айлин и тут же торопливо исправилась: – Поверьте, я знаю, что это не для всех так! Я видела... примеры супружеской любви! И охотно верю, что есть люди, которым это и вправду доставляет удовольствие! Но... я не такая. Теперь я знаю это совершенно точно! И я не хочу даже думать об этом... применительно к нам.

– Гадостью... – снова повторил разумник, на пару мгновений прикрыл глаза и процедил: – За одно это стоило бы... Всеблагая Мать, как же я жалею, что послушал вас... что отпустил к этому... – Его лицо застыло, но это спокойствие показалось Айлин страшнее любой гневной гримасы. Потом Кармель открыл глаза, в упор посмотрел на Айлин и устало сказал: – Я не должен был вас отпускать, но и пренебречь вашим собственным решением не мог. К сожалению, иногда задача не имеет единственно верного ответа... Айлин, послушайте... Вы утверждаете, что не созданы для телесной любви и супружеских радостей, так?

Айлин снова настороженно кивнула. Теперь, когда она сказала самое страшное и постыдное, стало намного легче. Кармель не обиделся и не разозлился, он снова говорил с ней терпеливо и ласково, как... с ученицей... И в его лице, хвала Претемнейшей, не было пугающей ярости, только забота.

– Представьте, что вы купили туфли, – сказал вдруг ра-

зумник то, что она никак не рассчитывала услышать. – Из дорогой кожи, превосходно пошитые, изысканно украшенные. Но слегка вам не по размеру. Не настолько, чтобы их нельзя было надеть, и все-таки они вам жмут. Представили?

Айлин удивленно кивнула – и правда, что сложного? Да любая девушка хоть раз в жизни испытала это горькое разочарование, когда купленные, а не пошитые на заказ туфельки просто идеальны во всем, кроме размера. И как назло – совсем чуть-чуть не подходят, а выясняется это уже потом, когда принесешь их из лавки и привыкнешь к мысли, что они твои...

– Теперь представьте, что вам приходится весь день ходить именно в этих туфлях, – неумолимо продолжал разумник. – Утром – на занятия, потом – на долгую прогулку, а вечером еще и танцевать в них. Шаг за шагом, час за часом... Что случится?

– Я разотру ноги! – возмущенно сказала Айлин. – Болеть будет ужасно, а может, и мозоли появятся... Во всяком случае, устану и...

Она осеклась, вдруг заподозрив, что речь совсем не о туфлях...

– Вероятно, в конце концов, вы их скинете, – невозмутимо предположил Кармель. – А потом решите, что просто... не созданы для туфель?

В уголках его губ снова пряталась улыбка, но не лукавая, а мягкая, сочувствующая.

– Так вы думаете, что дело в этом? – жалобно спросила Айлин. – Что это не со мной что-то не так, а я... просто выбрала не те туфли?!

Изнутри ее теплой волной омывала благодарность к магистру, который не только все понял, но и подобрал такое понятное сравнение. Которое, вдобавок, позволяет говорить о постыдных вещах просто и легко! Всеблагая Матушка, ведь и правда – как похоже! Этот брак действительно жал и натирал ей душу, словно туфли не по размеру – ноги.

– Я думаю, что вам стоит походить в мягких домашних тапочках, моя дорогая, – ласково сказал Кармель. – Позволить себе залечить раны, обрасти новой здоровой кожей, а потом... примерить что-нибудь другое.

– Как у вас все легко, – обиженно сказала Айлин, чувствуя себя ужасно глупой. – А если не поможет?

– Чтобы это узнать, нужно попробовать, – сказал разумник и пригубил вино. – Но сначала следует полностью исцелиться, ведь израненным ногам больно даже в тех туфлях, которые безупречно им подходят. Айлин, позвольте себе ни о чем не тревожиться. Вы поймете, когда придет время для большего, а сейчас просто отдохайте. Кстати, ваши друзья передают вам привет и обещают навестить, как только представится удачный момент. Лорд Бастельеро вчера был во дворце, но уехал оттуда ни с чем, Дарра решительно настроен даже близко не подпускать его к расследованию, а его величество подтвердил лорду Бастельеро приказ о раздель-

ном проживании и запретил ваши поиски.

– Наверное, он в ужасном гневе, – тихо сказала Айлин.

У нее мурашки побежали, стоило вспомнить редкие, но страшные вспышки ярости, которым она была свидетельницей. Кто еще станет жертвой вместо нее, беглянки, которая так близко и в то же время так далеко...

– Что ж, ему давно пора научиться обуздывать этот гнев, – пожал плечами разумник и с сожалением добавил: – К сожалению, вряд ли лорд Бастельеро со мной согласится. Он считает свой гнев оправданным и даже более того – единственно возможным чувством сейчас. А лечить того, кто не хочет излечиться, пустая трата времени и сил, – добавил он со вздохом. – Но хватит о грустном. Завтра я снова еду в Академию. Возможно, вам что-нибудь нужно? Книги, учебники, тетради для занятий?

– Учебник по артефакторике! – выпалила Айлин и добавила дрогнувшим голосом – И... узнайте о здоровье Саймона... Я так надеялась, что он пришел в себя и действительно хочет меня видеть... А теперь даже не знаю, кто так подло воспользовался его бедой!

– Ну, кое-что нам уже известно. – Кармель сделал еще небольшой глоток вина, запив съеденных осьминогов с перепелиным салатом. – Помните человека с бретерской серьгой? Наш общий друг месьор д'Альбрэ смог его опознать. Мерзавец был исключением даже для бретерского сообщества, где мало кто отличается строгой моралью. Неудиви-

тельно, что он ввязался в такое грязное дело, как похищение женщины. Еще двух нападавших опознал офицер по особым поручениям из фраганского посольства и указал на них как на опытных и дорогих наемников. Так мы получили целых три имени...

– И смогли их допросить? – радостно вскинулась Айлин. – Дарра не мог об этом не подумать!

– Разумеется! Они с леди Немайн провели ритуал призыва. Увы, это мало что прояснило. Вызванные души рассказали, что их отряд нанял человек из Дорвенанта, в этом они твердо уверены. Никаких особых примет, никакого имени, но очень щедрая плата. Им надлежало ждать карету с гербовым вороном на дверце, вытащить оттуда рыжеволосую молодую женщину и избавиться от остальных свидетелей. С похищенной женщиной им приказали обращаться учтиво и заботливо, однако надеть на нее усыпляющий артефакт и с помощью порталного ключа немедленно доставить в указанное место.

– И это место... – затаив дыхание, спросила Айлин.

– Зброшенная усадьба по дороге в Озерный Край. Скорее всего, оттуда вас должны были переправить куда-то еще. Увы, на встречу никто не явился. Но это и не удивительно, наверняка заказчик похищения узнал новости и затаился. Служба канцлера продолжает искать малейшие следы...

– Я надеюсь, их найдут, – твердо сказала Айлин. – Кто бы ни был этот человек, он должен заплатить за смерть госпожи

Эванс и бедняги-кучера. Их убили так безжалостно и равнодушно... Кармель, я... никогда не радовалась чужой смерти! Но сейчас я очень рада, что никто из напавших на меня не выжил. Они это заслужили! И еще больше я рада, что смогла хоть немного себя защитить сама!

– Вы сделали не просто «немного», моя дорогая, – нежно улыбнулся ей магистр. – Вы отважно сражались и выиграли драгоценное время. Мы обязательно найдем главного преступника, не сомневайтесь.

– Теперь не сомневаюсь. – Айлин посмотрела на остатки еды и с сожалением признала, что сыта. Хорошо бы Алонсо почаще готовил эти удивительные арлезийские блюда, и неважно, что там они означают. В желудке и правда никакой тяжести, зато как вкусно! – Рано или поздно любая тайна раскрывается, чтобы свершилась справедливость. Кларисса Логрейн много лет ждала, чтобы уличить убийцу своих отца и брата, но ведь дождалась же!

– Рано или поздно... – эхом отозвался Кармель, и Айлин показалось, что он неуловимо помрачнел, словно тень набежала на лицо. – Вы правы, моя дорогая, о, как же вы правы...

Остаток дня прошел так тихо и мирно, словно Благие решили, что Айлин пока достаточно переживаний. Она передала через Амину благодарность Алонсо за ужин и получила ответные заверения, что доблестный повар-контрабандист будет счастлив исполнить любое желание прекрасной донны. О любовной кухне не было сказано ни слова, это Айлин

оставила на долю Кармеля. Ему уж точно виднее, как обращаться с собственной прислугой.

Потом они с Аминой сидели в спальне у открытого окна. Из сада тянуло свежестью и ароматом вечерних цветов, на столике рядом дымилась пара чашек шамьета – как для двух подруг, а не для госпожи и служанки! – и стояло блюдечко с обещанными мауритскими сладостями, которые следовало брать просто пальцами – прелесть-то какая! Амина тщательно расчесывала ей волосы, время от времени капая на них душистым маслом, и все это было правильно и привычно, словно Айлин уже многие вечера проводила именно так – в тихом блаженном спокойствии.

Пока она мылась на ночь, из сада вернулся Пушок и завалился возле кровати Айлин, делая вид, что спит. Погладив пушистые белые уши, Айлин переоделась в длинную ночную рубашку из собственного гардероба, легла в постель и поправила магический шар у постели, чтобы светил ярко, но не бил в глаза.

Взяла принесенную из лаборатории тетрадь, но помедлила, не решаясь открыть.

Рабочие записи ее деда! Интересно, какими они окажутся и что расскажут о своем хозяине? Может ли быть что-то хорошее в человеке, не любящем даже собственную семью? В том, кто устроил страшный заговор и погубил множество людей... Обрек на смерть всех, кто погиб из-за Разлома... Как мог этот же человек придумывать способы лече-

ния для беременных женщин и маленьких детей? Ведь магистром лорд Морхальт стал за несомненные заслуги и выдающиеся открытия... Как это все уместилось в одной душе?!

Айлин вздохнула и решительно перевернула обложку вместе с несколькими страницами. Почерк у милорда Морхальта был мелким, но вполне разборчивым, а текст... Айлин невольно улыбнулась, так он оказался похож на записи любой лабораторной работы! Ну точно – день, месяц, год, точное время, объект исследования! Только на фиолетовом факультете в качестве материала выступали упыри, вурдалаки или умертвия, а здесь?

«Объект: бездомная женщина. Возраст – примерно семнадцать лет, профанка. Срок беременности: двадцать одна неделя».

Дальше шло еще несколько подобных записей. Объектами неизменно выступали бездомные, срок беременности разнился, но никакого упоминания о родах и появившихся на свет детях. Затем следовали какие-то алхимические рецепты – вот когда она пожалела, что не уделяла должного внимания дополнительным дисциплинам! – несколько рисунков женского чрева и ребенка в нем, снова какие-то рецепты... Айлин перелистнула несколько страниц – в этом ей пока точно не разобраться. Дневник сам собой раскрылся примерно в середине – похоже, здесь его открывали особенно часто, и переплет это запомнил. Очередная запись начиналась словом «ВАЖНО», написанным алыми чернилами и еще три-

жды подчеркнутым!

«Объект: Гвенивер Морхальт, пятнадцать лет, девица, профанка. Цель – формирование заранее заданных признаков у будущего потомства.

Вспомогательный объект: Эммелин Кастельмаро, семнадцать лет, адептка. Синяя искра. Магический уровень – высокий. Срок беременности – 20 недель. Избавление от плода по требованию лорда Кастельмаро; о высоком риске лорд Кастельмаро предупрежден. Плод демонстрирует полностью сформированные каналы большой мощности. Предполагаемый уровень выброса силы при жертвоприношении – достаточный»...

Леди Гвенивер – объект?! И леди Кастельмаро?! Если леди Гвенивер тогда было всего пятнадцать, а Эммелин Кастельмаро на два года старше, то кем она была лорду Эдвину Кастельмаро? Сестра, кузина? Никакую леди Эммелин Кастельмаро Айлин не помнила и растерянно перечитала запись, не в силах понять ее смысл. О каком жертвоприношении может идти речь? Что такое вспомогательный объект?! Что это вообще означает?! Нужно спросить Кармеля, он наверняка сможет разобраться, не зря же он изучал медицину?

«Но не сейчас! – рассудительно возразила она сама себе. – Уже поздно, Кармель наверняка лег. А может быть, даже заснул, завтра ему нужно быть на службе, да и вообще, ломиться в спальню к мужчине? Как мне это в голову пришло? Дневник вполне подождет до завтра! А сейчас нужно попробовать заснуть...»

Она отложила тетрадь, взглянув на нее с опасливой неприязнью, и погасила лампу.

...Руки и ноги затекли так невыносимо, что уже давно не ощущались. Двинуться было невозможно, и Айлин не могла бы сказать, что мешало сильнее – большой живот, словно окаменевший от напряжения, или зажимы, приковавшие ее к столу.

К столу?!

Живот?!

Но ведь она родила почти полгода назад, у нее попросту не может быть такого живота, словно она опять на половине срока...

Она постаралась осмотреться, но глаза резало от слепящего белого света, не дающего теней. Она только чувствовала, что рядом кто-то есть, кто-то страшный и безжалостный, кто-то, знающий о ее мучениях и равнодушный к ним. И... кто-то еще, напуганный так же, как она сама. Если бы хоть шевельнуться...

Над ней склонился мужчина. Уже немолодой, но и не старый. С медно-рыжими кудрями и с темно-зелеными холодными глазами. Эти глаза смотрели на нее так странно... Как будто сквозь равнодушие пробивался тяжелый темный азарт – как у игрока, сделавшего очень высокую ставку!

– Предполагаемый уровень выброса силы – достаточный, – произнес он, и в его руке блеснул узкий нож.

Блеснул и вонзился в тяжелый, так мешающий шевель-

нуться живот.

Айлин закричала и услышала в ответ такой же истошный крик.

Собрав все силы, она повернула голову. На стоящем рядом столе была прикована она сама, бьющаяся в путах, и в ее крике звучал бесконечный ужас.

– Айлин! Айлин! Очнитесь!

* * *

– Благородный синьор Фарелли?! Как же я... рад вас видеть...

Лучано про себя усмехнулся – радости в лице и голосе маэстро Коррадо было меньше, чем золота в навозной куче. Словно к нему явился старый заимодавец, твердо намеренный взыскать долги.

– Прошу прощения, благородный синьор, – добавил скульптор, вымучив любезную улыбку. – Я не ждал гостей...

– Вот и ваш слуга так сказал, – весело сообщил Лучано, делая шаг вперед и заставляя Коррадо попятиться с порога гостиной. В небольшом доме, который снимал скульптор, столовой не было, так что гостей угощали здесь, а сам Коррадо вообще ел в мастерской, не отрываясь от работы. – Но я его убедил, что это какая-то ошибка. Меня вы точно ждали, дорогой маэстро! Назначили мне встречу и пылко обещали, что я не пожалею... О, как восхитительно пахнет!

– Встречу? Я – вам?!

Лучано проскользнул мимо растерянного хозяина дома и алчно воззрился на богато накрытый стол. Та-а-ак, что тут у нас? Неужели запеченные морские гады?! А еще спаржа, устрицы, артишоки, виноград и ранние персики... Пыльная бутылка вина и сияющие хрустальные бокалы... В шандале у стола горят свечи с розовым маслом и мускусом... Прекрасную соотечественницу, которой Коррадо назначил свидание, ожидала осада по всем правилам!

– Мне-мне, – заверил Лучано, падая в одно из пары кресел и с улыбкой глядя на скульптора.

Похоже, Коррадо никак не мог решить, возмутиться бесцеремонностью гостя или не портить с ним отношения. Сложный выбор, можно посочувствовать! С одной стороны, благосклонность красотки, что должна вот-вот появиться, с другой – расположение королевского фаворита и выгодного заказчика!

– Неужели не помните? – спросил он с ехидным сочувствием. – Ох уж эти непостоянные люди искусства! Не зря, похоже, я просил у вас что-нибудь на память...

И с тщательно рассчитанной небрежностью вытянул из-за манжета батистовый платок, уронив его перед собой на стол.

– Вы... Откуда это у вас?!

Коррадо аж качнулся к столу, разглядывая белый платочек с со своим вензелем, вышитым золотым шелком. Поднял на Лучано изумленный взгляд, в котором все сильнее разго-

рался гнев, и спросил:

– Как вы забрали у нее этот... знак?!

– Я забрал?! – оскорбленно изумился Лучано. – Ах, маэстро, вы разбили мне сердце! Уже второй раз, между прочим! Сначала променяли меня на первую попавшуюся даму! Чуть ли не канцону пели, восхваляя прекрасные глаза, которые вдруг разглядели... А также прочие прелести, с которыми жаждали свести самое близкое знакомство! Уверяли, что встретили божество вдохновения, что мечтаете изваять в бронзе и мраморе... Как вы там говорили? – Он улыбнулся и процитировал: «Моя любовь будет инструментом, который сохранит вашу прелесть на века...» Ваши слова, м?! А теперь оказывается, что эта дама вас тоже не слишком впечатлила, раз вы так легко позабыли ее облик. А ведь обещали, что скорее высокое ремесло скульптора сотрется из вашей памяти, чем вы забудете «глаза, подобные расплавленному золоту, походку пантеры, дыхание, полное ароматов цветущего луга»... И что-то там еще было про мед и яд в голосе... Или это тоже про глаза?

Он отщипнул крупную виноградину, бросил в рот и раскусил. Проглотил сладкую мякоть и продолжил, изменив голос, добавив ему теплой женской мягкости и томности:

– Вот так и верь мужчинам... Дважды забыть меня – это уже слишком, дорогой маэстро!

А потом откинулся на спинку кресла и посмотрел в лицо Коррадо с веселым злым азартом. Все-таки было немно-

го обидно... Не столько за шутку с характером, изучение которого происходило как раз в соседней спальне, сколько за глаза, которые маэстро мог бы и узнать... Ну и еще за то, что ради синьора Фарелли скульптор так не старался. В тот вечер, когда они обсуждали фонтан и занимались изучением характера, на столе, кроме вина, были только сыр да апельсины... А вот синьора в маске, оставшаяся безымянной, Коррадо явно подцепила на крючок! Ну и как тут не обидеться, м?

– Погодите!

Коррадо даже головой потряс, будто пытался очнуться от кошмара. Подошел к столу, плеснул в бокал вина и махом выпил половину, а потом спросил почти жалобно:

– Она ваша родственница? Разумеется, я узнал глаза! И форму лица... Но я думал – сестра или кузина вашей светлости...

– О, вы решили, что я привел на королевский бал родственницу? – усмехнулся Лучано. – И немедленно принялись за ней ухаживать?! Надо же, какая тяга к нашей семье! Сначала – я, затем кузина... Может, вас еще с моим батюшкой познакомить, дорогой маэстро? Предупреждаю сразу, пылких устремлений он не поймет и не одобрит, однако собеседник прекрасный. Увы, позвольте вас разочаровать – я в семье один, сестрами и кузинами не обзавелся. А эта шутка с прекрасной итлийкой предназначалась, вообще-то, не вам. Но раз уж мне назначили встречу, было бы невежли-

во его пренебречь. Не так ли, м?

Было чистым удовольствием наблюдать, как вспыхнул наконец-то все осознавший Коррадо. Как его некрасивое, но обаятельное лицо преобразил гнев, как засверкали глаза... Лучано откровенно залюбовался! И под его взглядом скульптор ядовито улыбнулся, отсалютовал пустым бокалом и... сел во второе кресло напротив.

– Что ж, отличная шутка! – признал он. – Мои поздравления, благородный синьор Фарелли! Неудивительно, что его величество Аластор вас так ценит! С вашим остроумием и вдохновенной фантазией...

– И это лишь часть моих несравненных достоинств! – невозмутимо подхватил Лучано. – О которых вы наверняка неплохо осведомлены! Раз уж проявили такое прилежание в изучении... моего характера!

Пару мгновений они в упор смотрели друг на друга, будто готовые сцепиться коты, потом Коррадо выдохнул, снова улыбнулся, на этот раз куда любезнее, и предложил:

– Вина, дорогой синьор Лучано? Предлагаю признать, что партия закончилась ничьей. И угощайтесь, прошу! Не уверен, что такой пустяк сойдет за достойное извинение, но...

Он развел руками, и Лучано ответил улыбкой:

– С удовольствием отдам должное ужину. Только умоляю – замените свечи. Может, моей кухне они бы и понравились, но я не поклонник таких сладких и сильных запахов.

– Как скажете, – кивнул Коррадо и не стал вызывать слугу

– сам встал и принялся менять свечи в шандале на другие, не пахнувшие, а потом еще и окно любезно открыл.

Вернувшись за стол, он разлил вино по бокалам и взглядом спросил, что положить гостю.

– Обожаю морских гадов, – признался Лучано. – Эти из Арлезы или с нашей прекрасной родины?

– Кажется, арлезийские, они крупнее. Сам я кухонную прислугу не держу, заказываю еду в местной трагтории. Однако повар там из Джермонто, в морских гадах знает толк!

Скульптор положил на тарелку гостя щедрую порцию, но и себя не обделил. За гадами последовали артишоки и спаржа. Лучано промолчал, хотя на язык так и рвалось, что Коррадо зря старается – любовная кухня ему сегодня бесполезна. Вместо этого он пригубил вино. Ну конечно, монтильи – сладкое и густое. Для дамы предназначалось... Хотя Альс тоже оценил бы.

Он сделал пару глотков и вдруг заметил, как подобрался и напрягся Коррадо. Взгляд скульптора не отрывался от руки Лучано, которой тот держал бокал...

Ах, зараза! Идиотто! Забыл сменить кольцо старшего мастера на обычные дворянские перстни! Совсем размягчились мозги в безопасном Дорвенанте! А ведь в Итлии такая ошибка стоила бы тебе жизни, поэтому ты никогда бы ее не допустил... Осел безмозглый! Устрица – вроде тех, что ожидают своей очереди быть съеденными! Ну что ж, теперь играй картами, которые сам раздал!

Лучано сделал еще один медленный глоток, позволив хозяину дома разглядеть шиповское кольцо, и небрежно поинтересовался:

– Что-то не так, дорогой маэстро? Вы, кажется, побледнели.

– О, пустяки... – отозвался скульптор, не отрывая от его руки зачарованного взгляда. И все-таки не выдержал, выдохнул с безнадежной горечью: – Так вот зачем вы просили поменять свечи! Я хотя бы доужинать успею?

– Что? – не понял Лучано. А потом понял и оскорбился: – Ну, знаете! В такой мелочности меня еще никто не подозревал! К тому же я на королевской службе и убиваю исключительно с позволения его величества Аластора. Которого вы пока ничем не разгневали, совсем наоборот.

– На службе... – медленно повторил Коррадо, разглядывая его с восхищенным ужасом. – Так вы не просто фаворит... Итлийский кот короля, прекрасная дама, старший мастер Шипов... Сколько же у вас лиц?!

– Гораздо больше, чем вы назвали, – улыбнулся Лучано уголками губ. – И я буду признателен, если вы не станете делиться этим открытием. Кстати, морские гады великолепны. И умоляю, не сочтите причиной для беспокойства, что я не стану больше пить. Просто не люблю монтильи.

– Как... пожелаете, – отозвался скульптор. – Простите, я ведь ждал... Хотите арлезийского? Или фраганского?

– Беллissimo! – одобрил Лучано. – Любое сухое на ваш

вкус, маэстро.

Коррадо встал, прихватив со стола недопитую бутылку, и пошел к шкафчику в углу. Руки его не дрожали, спина была прямой, и уже за это скульптор заслуживал уважения. Многие вояки, известные безрассудной отвагой, теряли ее при одном упоминании Шипов Претемных Садов. А ведь Коррадо тоже итлиец, ему значение железного колечка известно с детства. Болтать скульптор не станет, не совсем же он идиотто, однако... неловко получилось.

Вернувшись с другой бутылкой, хозяин дома распечатал ее и разлил вино. Темно-золотое фраганское красиво заискрилось в хрустале. Лучано отщипнул еще пару виноградин, покатав глоток вина во рту, оценивая вкус.

– Беллissimo, – повторил он и признал: – Вы умеете выбирать еду и напитки, маэстро.

– Похоже, лучше, чем сердечные склонности, – чуть смущенно усмехнулся Коррадо.

– Жалеете? – Лучано приподнял бровь. – О том, что получилось в первый раз, или о том, что не вышло во второй?

– О, нет! И да...

Коррадо улыбнулся, и стало видно, что страх его совсем пропал, сменившись чем-то совсем иным. Восхищением, азартом, жадой...

– Да вы наглец, маэстро, – усмехнулся Лучано. – Я еще за первый раз на вас обижен, а вы уже намекаете, что не прочь попробовать снова. Вы всегда так неосторожны?

– Жизнь коротка. – Скульптор пожал плечами и подлил в оба бокала еще вина. – Если бы я не умел рисковать, не добился бы успеха в своем ремесле. Впрочем, Шипу ли об этом рассказывать... Но вы так молоды! Я бы никогда не подумал, что такое возможно...

– Вы создали первый шедевр в пятнадцать, – заметил Лучано. – «Прекрасную Хлою над ручьем». Разве возраст был вам помехой?

– Вы ее видели? – просиял Коррадо, и его глаза блеснули торжеством. – Да, мне было всего пятнадцать! И люди сказали, что это работа маэстро Сольци, моего наставника... Что он подправил модель, которую я создал! – добавил скульптор с искренним возмущением. – Видит Великий Безликий, ничья рука не касалась Хлои, кроме моей!

– О, это я отлично понимаю, – снова усмехнулся Лучано. – Подпустить кого-то к своему шедевру? К работе своего сердца? Но ведь будущее показало, что они ошибались. Вы великий мастер, Коррадо! – И вздохнул с остатками обиды: – Ну почему вы тогда просто не сказали, что я вам приглянулся? Зачем было обманывать?

– А вы посмотрите на это моими глазами! – развел руками Коррадо. – Синьор Лучано, вы богаты, знатны, молоды и красивы, да еще прославились подвигами! И я... Что я мог вам предложить? Самого себя? Сомнительная удача для того, кого любит король! И, говорят, не только сердцем, но и телом...

– Врут, – бросил Лучано. – Король Аластор, да хранят его Семеро, любит исключительно женщин. Остальное – слухи. Но вы и вправду могли предложить себя. Не думаю, что ваша слава меньше моей. И уж точно прочнее, потому что проживет века. Вы могли просто сказать, что желаете меня – я бы никогда не отказал великому Коррадо!

– Великому Коррадо – возможно, – с неожиданной грустью улыбнулся скульптор. – А мне самому? Скажите, Лучано, если бы кто-то ответил вам... – нет, не взаимностью, а просто согласием! – не потому, что вы – это вы... А потому, что вы – старший мастер Шип, к примеру? Вам бы это понравилось?

– Но я никогда!.. – возмутился Лучано и осекся.

Да, вот чего он точно никогда не делал – это никого не принуждал к любви. Честно покупал – бывало, но и то не слишком часто. Разве что совсем в юности, когда не хватало собственных достоинств. Конечно, потом не скупился на подарки, но ему всегда хотелось думать, что его выбирают не за деньги. Если мужчина красив, любезен, весел и знает в любви толк, редкая женщина ему откажет. А если откажет – всегда можно найти другую! Но пользоваться мрачной славой Шипа? Тем более угрожать?! Мерзость какая... Но... справедливости ради... наверняка бывает и по-другому. У тех, кто не слишком красив и вовсе не любезен, остается надежда только на деньги. Или на железное колечко, которое заставляет людей куда внимательнее слушать просьбы его об-

ладателя...

– Я вас понял, – буркнул он, чувствуя, что веселая злость пополам с обидой куда-то бесследно исчезли. И тут же мстительно добавил: – Но знаете, так получилось не лучше! Все равно вышло, что я ответил согласием вашей славе, а не вам! А вот если бы вы пели такие канцоны мне... И пригласили на такой ужин...

Он обвел остатки пиршества выразительным взглядом, и Коррадо улыбнулся.

«Вот как у него это получается? – поразился Лучано. – Я ведь был на него обижен! Не настолько, разумеется, чтобы отравить, глупость какая. Но шел сюда точно не затем, чтобы помириться. И уж точно не для того, чтобы во второй раз наступить на тот же скользкий камень...»

Он глотнул вина, чтобы удачнее сменить неловкую тему, и уже открыл рот, но понял, что взгляд скульптора изменился. И его лицо – тоже! Положение рук, наклон головы... Коррадо даже дышать начал иначе! Быстрее и глубже, словно за окном был не Дорвенант, а Вероккья!

– Я хочу сделать вашу статую, – сказал Коррадо совершенно серьезно, глядя на Лучано в упор. – Без глупостей и недомолвок, обещаю. Статую человека, которого мало кто знает по-настоящему. Я ведь прав? Сколько вам, Лучано? Еще и тридцати нет... Великий Безликий, если бы я мог изваять вас лет через сорок! – В голосе скульптора прозвучала такая страстная и безнадежная мука, что Лучано замер, не

веря своим ушам. – Это была бы моя лучшая работа! Юные тела и лица прекрасны, но с каждым прожитым годом в людях накапливается истинная глубина! Сорок лет мне точно не прожить, так что надо пробовать сейчас... Погодите, не двигайтесь!

Он выскочил из-за стола, схватил этюдник, лежавший на подоконнике, и снова бросился в кресло, что-то лихорадочно черкая карандашом.

– И... долго мне так? – неуверенно поинтересовался Лучано.

– Не так! – бросил скульптор, не поднимая взгляда. – Раздевайтесь! – И рассеянно добавил: – Можете закрыть окно...

– Да вы издеваетесь! – взвыл Лучано.

Приподнялся – и тут же замер.

– Сидеть... – прошипел скульптор, пригвоздив его к креслу совершенно безумным, бешеным взглядом. – Раздевайся, я сказал. Быстро! Закрой барготово окно, а то замерзнешь ночью.

– Ночью? – уточнил Лучано, приходя в себя и обнаруживая, что зачем-то расстегивает уже второй манжет. – То есть вы хотите сказать... Меня во дворце ждут...

– Подождут, – сообщил Коррадо, снова утыкаясь в этюдник. – Я потом лично попрошу прощения у его величества. И вообще, зачем ты ему ночью, если не греешь постель? Мне нужнее. Положи руку на подлокотник. Мягче. Как будто ты в Итлии, и за окном настоящее лето, а не вот это вот...

Он опять вскочил, обежал стол и положил руки на плечи Лучано, успевшего снять камзол, но не рубашку. Лучано вздрогнул – широкие крепкие ладони Коррадо обжигали через тонкую ткань, словно тело скульптора было вылито из бронзы, а внутри скрывались горящие угли...

– Положи руку на подлокотник, – повторил он, склонившись ближе, обжигая теперь еще и дыханием. Лучано завороченно повиновался. – Вот так, хорошо... – Ладони Коррадо на несколько мгновений исчезли, чтобы пробежать по пуговицам рубашки, а потом сдернуть ее. – Штаны пока можешь оставить, сейчас я сделаю лицо и торс. Остальным займемся потом...

– Потом – это утром? – попытался съязвить Лучано, чувствуя, что его подхватила и несет куда-то стихия, которой бесполезно сопротивляться. – Или на следующем свидании, м?

– Я сделаю тебя обнаженным, – пообещал раскаленный хриплый голос в самое ухо, и Лучано содрогнулся от соблазнительной двусмысленности этой фразы. – Телом и душой. Покажу миру тебя настоящего, как больше никто не сможет! Много лиц, говоришь? Я изваяю такую статую, в которой они будут видны все – для тех, кто умеет видеть, конечно! Итлийский Кот короля, победитель демонов, мастер смерти... кто там еще? Когда закончим, ты посмотришь в лицо этой статуи и узнаешь о себе то, чего даже не подозревал! Так что сиди... И не мешай мне работать, ради Баргота и всех его

демонов!

«Знал бы ты о Барготе то, что знаю я», – пронеслось в голове Лучано, и он понял, что мысли заволакивает отчаянная хмельная сладость подчинения чужой воле.

И совершенно неважно, что сейчас речь идет не о постели. Так даже интереснее! Так – у него еще никогда не было! Никто до сих пор не хотел влезть в его душу и разум таким образом, исследуя тело и создавая его заново, из теплой плоти – в холодную бронзу, оживающую под рукой мастера. О да, Лучано всегда благоговел перед истинным мастерством, в чем бы оно ни заключалось. И сейчас понял, что уйти просто не сможет. Никогда себе не простит, если откажется еще от одного чуда, подаренного судьбой! Стать моделью Коррадо, причем не по заказу, а по выбору и желанию самого маэстро!

Он вдруг понял, что выиграл эту партию, даже не пытаясь играть. Он вдохновил гениального мастера настолько, что тот забыл о страхе, любезности, выгоде... Обо всем, кроме величайшей жажды творения! О да, Коррадо расточал незнакомке под маской комплименты, блестящие и фальшивые, как драгоценности дешевой куртизанки. И, разумеется, он хотел уложить «кузину» в постель... Но так бешено, жарко и властно он на нее точно не смотрел!

Глубоко вздохнув, Лучано снова откинулся на спинку кресла, невольно прижимаясь теснее к рукам и груди скульптора. Обнажить душу, значит? Какое... непристойное и

сладкое предложение! Куда заманчивее, чем приглашение к обычным любовным играм. И все-таки как не оставить за собой последнее слово, м?

– Как скажете, маэстро, – пробормотал он, закрывая глаза. – В следующий раз, когда захотите кого-то затащить в постель, советую говорить именно таким тоном. Уверяю, вам никто не откажет! И пошлите слугу во дворец, а то как бы меня и впрямь не принялись разыскивать...

Глава 7. Тайны и традиции

– Айлин... Айлин... – услышала она знакомый голос и рванулась к нему через завесу липкого тяжелого ужаса, который спеленал ее, словно паутина – неосторожную мошку. – Айлин...

Вынырнув из кошмара, задыхаясь и чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди, Айлин поняла, что сидит на кровати, а Кармель держит ее за руки. Свет магического ночника озарял спальню... Спальня? Кармель?! Значит, это был всего лишь сон?! Какое счастье...

Не в силах проговорить ни слова, Айлин подалась вперед и уткнулась лицом в плечо разумника, он осторожно, едва касаясь, погладил ее по голове, плечам, спине...

– Ну-ну, девочка моя... Все хорошо... Хорошо... Хотите воды?

Айлин кивнула и с трудом оторвалась от мужского плеча, обтянутого темно-синим шелком. Такого широкого, теплого, надежного... Сердце все не желало успокаиваться, и она заставила себя дышать глубоко и медленно, как на занятиях по практической магии. Пока магистр наливал воду из кувшина, стоящего на туалетном столике, в стакан, Айлин посмотрела на свои запястья. Привычные цепочки-браслеты на месте, но больше ничего – ни оков, ни следов от них... Конечно, их и не должно быть, она ведь проснулась! Но Айлин

до сих пор чувствовала плотные кожаные ремни, из которых пыталась вырваться...

– Вот, выпейте. – Кармель подал ей стакан, и Айлин ухватила его двумя руками, жадно выпила воду, поперхнулась, откашлялась и лишь тогда смогла вымолвить:

– Как вы... откуда...

– Вы кричали, – просто сказал Кармель. – Амина прибежала первой, но не смогла разбудить вас. Пришлось это сделать мне. Извините.

Только сейчас Айлин поняла, что сидит перед ним в одной ночной рубашке из тонкого светлого полотна, не скрывающего очертания тела. Хорошо еще, что по пояс укрыта одеялом!

Она потянула одеяло выше, прикрыв грудь, но на большее сил не хватило – сердце стучало так, словно Айлин пробежала вокруг Академии, но тело налилось слабостью.

– Как вы себя чувствуете?

Кармель смотрел на нее с беспокойством, его волосы, обычно аккуратно уложенные и перевязанные лентой, свободно рассыпались по плечам, ворот халата сбился, и в вырезе виднелась голая грудь... Айлин с трудом отвела взгляд от полоски смуглой кожи и виновато посмотрела разумнику в лицо:

– Я всех разбудила? Простите...

– Не тревожьтесь об этом, – ласково ответил Кармель и снова взял ее за руку. – Вам снился кошмар, верно? Ниче-

го удивительного после всех этих событий. Могу я узнать, что вам приснилось? Вы так долго не могли проснуться, что я беспокоюсь, как бы этот сон не повлиял на вас слишком сильно. Лучше сразу справиться с последствиями, чем рисковать, что кошмар вернется.

– Я... я не хочу рассказывать, – пробормотала Айлин, тут же яростно обругав себя трусихой.

Бояться какого-то сна! Недостойно ни некромантки, ни боевички, ни просто взрослой женщины!

Она посмотрела на свою ладонь, которая почти целиком скрылась в ладони магистра – наверное, это была магия, но от бережного теплого прикосновения сразу стало легче.

– Вполне понимаю, – согласился Кармель. – Разрешите мне взглянуть самому? Так вам не придется ни рассказывать об этом, ни даже вспоминать. Обещаю, я буду осторожен.

– Да, конечно, – растерянно согласилась Айлин.

Кармель благодарно кивнул, осторожно забрал руку, которую Айлин выпустила с большой неохотой, положил обе ладони ей на виски, нахмурился...

– Почему мне это приснилось? – не выдержала Айлин через пару минут молчания. – Из-за этих записей?

– Я могу ошибаться, моя дорогая, – отрешенно откликнулся Кармель, убрав руки. – Но, боюсь, это был не сон, а видение. Вы ведь помните разницу?

Айлин ошеломленно кивнула. Разумеется! Уж это знают все адепты, начиная с первого курса. Разум порождает сны,

используя то, что человек видит или узнает, пока бодрствует. Они могут быть приятными или пугающими, но принадлежат самому спящему. Видение приходит извне, его может послать Великий Безликий, маг-иллюзорник или какое-то волшебное существо. И видение, в отличие от сна, бывает как ложным, так и правдивым, а иногда и вовсе пророческим, открывающим будущее или... прошлое.

Это – видение?! Настолько... отвратительное?!

– Почему вы так думаете?! – выдохнула она, и Кармель глубоко вздохнул, а потом опять взял ее за руку.

– Вам было страшно и больно, не так ли? Поэтому вы едва ли придали значение некоторым... деталям, которые успели увидеть. Скажем, глаза той девушки напротив. Я надеюсь, вы уже поняли, что это были не вы, а леди Гвенивер? Ее глаза были темно-зелеными, в точности такими, как у ее отца и леди Вольдеринг на портрете, а вы их такими никогда не видели. Кстати, магистра Морхальта вы тоже увидели впервые, когда он был гораздо старше и уже седым, а в этом кошмаре он выглядел точно так же, как во время моего обучения. – Кармель помолчал, словно собираясь с мыслями, и продолжил: – Помните платье, которое было на Гвенивер?

– Не очень хорошо... – Айлин попыталась его представить и неуверенно сказала: – Кажется, голубое...

– Верно, – кивнул магистр. – Так получилось, что я его прекрасно помню. Слишком простое для выезда, но достаточно приличное, чтобы надеть, когда в доме гости. Гвени-

вер и Элоиза носили его по очереди.

– По очереди? – поразилась Айлин. – Но... у них же разные фигуры! К тому же леди Гвенивер ниже!

– Да, и потому ей приходилось подкалывать подол булавками. А Элоизе – затягивать шнуровку на груди как можно туже. Платье все равно оставалось слишком свободным, и это очень ее огорчало. Знаете... – Кармель вздохнул. – Возможно, потому она и стала модисткой. Однажды Элоиза пошутила, что Всеблагая не всех женщин одаряет красотой одинаково щедро, но хорошая модистка может восстановить справедливость.

– Это так на нее похоже... – отозвалась Айлин и вздрогнула, мысленно вернувшись в лабораторию. – Значит, мой кошмар и вправду был видением?! Но ведь там принесли жертву...

Дневник! Записи, которые она читала перед сном! Сухие непонятные строчки проплыли перед ее глазами, но теперь они словно налились кровью. Эксперимент, который проводил Морхальт! Выделенный как нечто очень важное! И слова, которые были написаны в дневнике – это же они повторились во сне... «Уровень выброса силы – достаточный!»

Айлин замутило. На первых шести курсах им не так уж много рассказывали про жертвоприношения, но любой некромант поневоле в этом разбирается. Это совершенно точно было жертвоприношение! Живого человека! Беременной женщины! И она даже знает имя этой бедняжки...

Тошнота стала почти непреодолимой, в памяти вспыхнули чужие ужас и боль, смешанные в невыносимом страдании. Она погибла! И ребенок – тоже! Двойная жертва, давшая выброс огромной силы! А рядом с беспомощной Эммелин, адепткой семнадцати лет, действительно лежала не Айлин, как ей показалось во сне, а юная леди Гвенивер!

– Как он мог?! – выдохнула Айлин и прижала ладонь к губам – так они задрожали.

Кармель обнял ее за плечи.

– Как он мог? – глухо повторила Айлин, качнувшись ближе и снова уткнувшись лбом в шелк его халата. – Не пожалел ни свою дочь, ни леди Эммелин... Кармель, кто такая Эммелин Кастельмаро? Я... никогда о ней не слышала...

– Эммелин? – откликнулся разумник с легким удивлением в голосе. – Я ее помню, это младшая сестра лорда Эдвина Кастельмаро. Училась у артефакторов, кажется, но родители отозвали ее домой, а потом прошел слух о ее внезапной и скоропостижной смерти... Так Морхальт?..

Он снова длинно выругался по-арлезийски, так тихо, что Айлин едва расслышала и опять ничего не поняла, но всей душой согласилась с каждым словом. Еще и мало о таком... таком... чудовище!

– Он ее не пожалел, – отчаянно повторила она. – И все-таки... Кармель, это ужасно, но я могу понять... чужих может быть не жаль! Но как он мог так поступить с родной дочерью?! Или даже не с одной?! Почему они не сопротивля-

лись? Почему не обратились к королю или лорду Аранвену?!

Айлин представила тетушку Элоизу в лаборатории – при-
вязанную и беспомощную, в ужасе бьющуюся на холодном
столе – и ее живот скрутило болезненным тягучим спазмом.

– Полагаю, его эксперименты не коснулись всех дочерей, –
задумчиво ответил Кармель, не выпуская Айлин из объятий
и даже прижимая сильнее. – По крайней мере, не Элоизы,
иначе я узнал бы об этом, не сомневайтесь, моя дорогая. Мы
были дружны – и, смею надеяться, так будет и впредь – не
меньше, чем вы с его величеством, и Элоиза непременно рас-
сказала бы, случись с ней что-то подобное. Она знала, что
найдет во мне не только друга, но и защитника. Брайд, Мэйв
и Амелия довольно рано вышли замуж, возможно, это слу-
чилось, когда их уже не было в доме... Помните портрет в
лаборатории? Я полагаю, старый мерзавец выбрал для своих
экспериментов Гвенивер, потому что она единственная, кто
пошел внешностью в него. И, частично, в леди Вольдеринг...
Морхальт был помешан на чистоте крови. Он одновременно
ненавидел Три Дюжины за то, что им досталась милость бо-
гов, и благоговел перед силой их магии... Бедняжка Гвени-
вер пострадала, потому что несла в себе больше всего родо-
вых признаков...

Магистр осекся. Мягко отстранился от Айлин, встал, по-
дошел к окну, отдернул штору и несколько мгновений смот-
рел в темный сад, озаренный лунный светом. Потом, не обо-
рачиваясь, произнес каким-то странным голосом, глухова-

тым и напряженным:

– Кажется, я должен вам кое-что рассказать, моя дорогая. Ваше видение... Не сомневайтесь, оно правдиво. Больше того, оно лишь часть огромной картины, ужасной и омерзительной... Клянусь всеми Благими, я бы предпочел никогда не говорить с вами об этом. Но ваше видение... Боюсь, оно предназначалось не только вам, но и мне. Если, конечно, в нем замешаны те силы, о которых я думаю...

– Кармель, вы меня пугаете, – честно призналась Айлин, и разумник быстро обернулся.

– Простите, – сказал он со своей обычной мягкостью. – Я не хотел. И, возможно, этот разговор не ко времени. Уж до утра он точно может подождать.

– Ну нет... – Айлин помотала головой. – Я хочу все знать! Правда бывает ужасной, но ложь куда хуже! Это касается меня, верно?! Если в видении была леди Гвенивер, а послали его мне... Кстати, кто его мог послать?

– Прекрасный вопрос, – кивнул магистр, словно на лекции. – Но его мы пока оставим в стороне, если позволите. Точно я ответить не могу, а строить догадки пока не хочу. Айлин, дорогая, простите. Мой рассказ... Он будет неприятным. Но помните, что теперь вы в безопасности, все уже в прошлом...

– Кажется, это прошлое только что решило вмешаться в мое настоящее, – заметила Айлин. – А то и до будущего добраться!

Немного помедлив, Кармель кивнул и отошел от окна, но сел не обратно на кровать, а в кресло рядом с нею, где обычно сидела Амина. Теперь он был слишком далеко, чтобы держать Айлин за руку, зато она видела его лицо и могла смотреть прямо в глаза.

– Вы правы, – негромко сказал разумник. – И я не сомневаюсь в вашей отваге, но прошу не принимать необдуманных решений, что бы вы ни услышали... – Он дождался ее кивка и продолжил: – Вы помните свой первый день в Академии и совет магистров, на котором вас признали Двойной звездой?

– Конечно! – удивилась Айлин. – Разве такой день можно забыть?

– Вы правы, нельзя. – Кармель улыбнулся ей ласково и ободряюще, а потом снова посерьезнел. – В тот день на совете случилось кое-что еще. Лорд Морхальт, магистр Зеленой Гильдии, ваш дед по матери, получил апоплексический удар, который серьезно повредил его здоровью. Ему удалось частично оправиться от болезни, но вернуться на пост магистра он уже не смог. И это определенно было к лучшему... Вы помните, как это случилось?

– Я... не очень... – призналась Айлин. – У меня случился выброс – вот это я помню очень хорошо! Магия... она как будто текла через меня бурным потоком, и я ничего не могла с этим сделать. Счастье, что никто не пострадал! Погодите... Вы хотите сказать...

– Нет! – быстро ответил Кармель. – Это не вы. Даже не думайте об этом. По правде сказать, удар магистра Морхальта – это моя работа.

– Ваша?!

– Именно, – невесело улыбнулся разумник. – В то время я уже давно не учился у лорда Морхальта. Он был прекрасным целителем, но внушал мне отвращение как человек. И это я еще ничего не знал... Но чутье подсказывало мне держаться от Морхальта подальше, а судьба Элоизы к тому времени была счастливо устроена, и мне... стало попросту незачем у него бывать... Мы, разумеется, общались в Академии, но не как учитель и ученик, а как два магистра своих гильдий. Айлин, вы знаете, что я способен читать мысли, но не делаю этого постоянно – слишком большая нагрузка на разум. К тому же существуют амулеты, скрывающие мысли человека, и многие их носят. Магистрам гильдий это напрямую предписывают служебные инструкции, ведь они хранят слишком много чужих тайн. Морхальт, разумеется, тоже такой носил. Но в тот день изумление и радость при виде вас оказались слишком сильны, и... мысли Морхальта пробили защиту амулета изнутри. Я услышал самый краешек, но... этого оказалось достаточно, чтобы отбросить свои принципы и осторожность...

– Радость? – недоверчиво повторила Айлин. – Вы думаете, он был так рад меня увидеть? Мы никогда до этого не встречались! Но он же знал о своих внуках и внучках... Если

бы он хотел со мной познакомиться...

– Айлин, – сказал Кармель еще ласковее. – Вы уже достаточно знаете, чтобы понимать отвращение леди Гвенивер к своему отцу. Думаю, она ни за что не подпустила бы его к своим детям, да и сама старалась держаться подальше. И теперь понятно, что у нее были очень веские основания! Но ваш дед и сам не стремился поддерживать семейные связи. Всех своих внуков и внучек, рожденных от старших дочерей, он искренне считал никчемными пустоцветами, потому что никто из них не был одарен искрой. Элоиза бесплодна, к тому же оскорбила и разочаровала отца, выйдя за простолюдина. Оставалась Гвенивер и дети от нее. Гвенивер вышла за Дориана Ревенгара, сильного красного мага, да и в целом в Трех Дюжинах магия проявляется гораздо чаще. К тому же над Гвенивер, как мы теперь знаем, он проводил какой-то чудовищный эксперимент... Ему пришлось ждать результата долгие годы! Но ваша мать понесла почти сразу, и через двенадцать лет в Академию пришли вы – рыжеволосая зеленоглазая девочка, вопреки родовой магии сохранившая фамильные признаки Морхальтов и обладающая двойным магическим даром, причем сильным и ярким.

– Вы думаете... – У Айлин перехватило горло, она опять поднесла руку ко рту и беспомощно посмотрела на разумника. Заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и лишь тогда выдавила: – Из-за его магии... я родилась такой? И потому собственная мать... ненавидела меня? Называла...

Барготовым отродьем...

– Гвенивер наверняка видела в вас живое напоминание об отце, – вздохнул разумник. – А может, и о страшных опытах, которые он над ней проводил. Айлин, я историк, но не знаю других случаев, когда в Трех Дюжинах рождался бы ребенок необычной для семьи внешности. Разумеется, бастардов это не касается, но вы-то абсолютно законны!

– А моя магия? – отчаянно спросила Айлин. – Может, я в самом деле забрала одну искру у Артура? Может, это он должен был родиться боевиком, как отец?!

– Айлин, дорогая, искру посылают боги... – так же мягко напомнил ей Кармель. – Морхальт был гением, но даже он вряд ли сравнялся с богами. Если бы Пресветлый Воин или кто-то еще из Благих пожелал наделить вашего брата искрой, лорд Артур получил бы ее при рождении, как это и положено божественными правилами. Ваша магия – только ваша, не сомневайтесь! Двойные Звезды были известны и раньше, когда Морхальта и на свете не было. Разве вы сами не были знакомы с мэтром Лоу?

– Да, верно, – пробормотала Айлин, немного успокаиваясь. – Мэтр Киран был Двойной Звездой... Но вы сказали, что удар...

– Я к этому и веду, – кивнул разумник. – Когда Морхальт увидел ваш выплеск силы, он испытал счастье. Восторг. И странную алчность, которая привлекла мое внимание. Люди... обычно не смотрят на маленьких девочек как на желан-

ную добычу. Вменяемые и порядочные люди, я имею в виду... Но в жажде Морхальта, когда он глядел на вас, не было плотского желания. Заметь я его, это было бы омерзительно... Но я разумник, Айлин, я привык видеть мерзости в человеческих душах. Нет, это было нечто иное! Я потянулся к его мыслям, пытаюсь увидеть больше, и среди ярких чувств, которые захлестнули вашего деда, прочитал, что он собирается с вами сделать... – Кармель запнулся. Айлин, замороженная его рассказом, увидела, как разумник едва заметно поморщился, а потом проговорил с брезгливым отвращением: – Морхальт подумал, что время пришло. Что эксперимент удался. Что следует похитить вас и продолжить работу. Двенадцать лет – слишком рано, однако обучение в Академии бывает опасным, и лучше не рисковать. Вдруг вы погибнете или неудачно ударитесь на тренировке... Года два вы должны посидеть под замком, так надежнее, а лет в четырнадцать уже можете понести ребенка, чтобы к пятнадцати родить. Родить первенца... Мысль про первого ребенка была такой отчетливой и... почти сладострастной... Боюсь, одними родами эта тварь не собиралась ограничиваться.

– Б-б-благие Семеро... – заикаясь, выдохнула Айлин. – Похитить меня? Заставить родить?! От кого?! Если он хотел продолжить собственный род... Кармель, это... это даже не мерзость – это хуже! Неужели он собирался...

– Совершить с вами соитие? – Разумник снова поморщился. – Не думаю. Для зачатия это не обязательно, достаточно

некоторых... манипуляций. Морхальт был демоном в человеческом облике, но при этом – гениальным целителем. И очень опытным. Его умений наверняка хватило бы и на зачатие, и на ведение беременности, и на роды. Чего я пока не понимаю, так это его цели. Неужели он пролил столько крови и собирался пролить еще, чтобы сохранить в своем потомстве рыжие волосы и зеленые глаза? Как-то... мелко. Даже если к этому прилагалась магия.

Он передернулся, глубоко вздохнул, потер виски, а потом виновато посмотрел на Айлин и продолжил:

– Я совершил большую ошибку, Айлин. Мне следовало остановиться, а потом попробовать снова – в более удобный момент. Я мог попросить помощи службы канцлера или орденовской безопасности... Конечно, Денвер уже тогда был сообщником Морхальта, но я-то этого не знал. Мне следовало осторожно распутывать клубок этого мерзкого замысла, но я не выдержал. Попытался узнать больше, влезть в его разум прямо там, чтобы прийти к Аранвену уже не с подозрениями, а с четким рассказом... Но что-то пошло не так. Возможно, его амулет был необычным, возможно, в зале оказалось слишком много сырой магии. А возможно, Морхальт просто пренебрегал собственным здоровьем – это случается даже у целителей. Когда я проник в его разум глубже, Морхальт стал сопротивляться, и от напряжения с ним случился удар.

«Экс-с-с-с... Э...Экс-с-с-сперимент...» – вспыхнуло в памяти Айлин.

Это было первое слово, которое она услышала от деда. А потом Морхальт поднялся и... рухнул. Все верно, у него перекосило лицо, и магистр Бреннан, который тогда еще не был магистром, кинулся к нему... И Кармель – тоже!

– Вы к нему подбежали... – проговорила Айлин будто во сне. – Когда он упал...

– Верно, – кивнул Кармель. – Я хотел оценить степень повреждений и узнать хоть что-нибудь еще. Как же я испугался! Если бы эта тварь умерла прямо там, она бы унесла все свои замыслы с собой! А вдруг у него были сообщники? Я пытался выдернуть из его мыслей хоть что-то еще, но Бреннан помешал. Он отправил Морхальта в целебный сон, чтобы как можно быстрее начать лечение – при ударе это невероятно важно. Наш дорогой Бреннан – прекрасный целитель и действовал совершенно верно, – добавил Кармель с горечью. – Но мне он не дал тех драгоценных мгновений, которые могли решить многое... Даже слишком многое! Распотрошил бы я тогда разум старого мерзавца – и, может, узнал бы заранее про заговор Денвера...

– Но зачем вы хотели, чтобы я его навещала?! – возмутилась Айлин. – Вы просили, чтобы я пришла к нему в лазарет! Зачем?!

– Чтобы стимулировать его память, – с ужасающей простотой ответил Кармель. – В лазарете вам ничто не угрожало, за Морхальтом вели неусыпный надзор, никто бы вас даже наедине с ним не оставил. Его разум очень сильно пострадал,

как и память. Помните, чем я занимался, когда вы пришли?

Айлин честно попыталась припомнить. Ее мутило и знобило, хотелось укутаться в одеяло, лечь, закрыть глаза... и никогда не знать все, что рассказал Кармель. Но она не будет брезгливой трусихой! Он предупредил, и она сама согласилась! Да и лучше понять все сразу, чтобы потом спокойно все обдумать и разобраться...

– Вы сидели у его постели, – тихо проговорила она. – И называли имена. Имена моей семьи... То есть... его семьи. Дочерей, внуков и внучек. Кузена Родрика, кузин Ирэн и Колетты... Зачем?

– Я проверял, кого он помнит и что о них думает, – с той же убийственной спокойной прямоотой ответил Кармель. – Вас он путал с Гвенивер, если помните, и в этом не было ничего удивительного. Вы очень похожи, а его рассудок плавал в болезненном тумане. Странно другое. Я навещал Морхальта, когда он отправился домой, и пытался продолжить исследование его разума. Я даже согласен был его лечить – лишь бы проникнуть глубже в мерзкие тайны, которые он хранил! Но Морхальт... забыл вас. Он прекрасно помнил своих дочерей и всех детей, которых они родили. Знал, что у Гвенивер есть сын Артур – такой же пустоцвет, лишенный магии, как остальные его потомки. Простите, это его слова. Но вас, единственную одаренную, на которую он строил такие зловещие планы, Морхальт не помнил! Когда я пару раз напомнил ему, что Гвенивер родила близнецов, и девочку зовут

Айлин, он как будто вас вспоминал. Даже пытался проявить вежливость и что-то спросить... Но к следующему моему визиту забывал о вас полностью! Словно кто-то стер ваше существование из его памяти!

– А разве это возможно? – растерянно спросила Айлин.

– Да, если работал опытный разумник. Но я бы почувствовал след чужой магии, покопайся кто-то в рассудке Морхальта. Если только... – Кармель помрачнел и нехотя проговорил: – Если только этот некто не превосходил меня искусством и силой так же, как я превосхожу обычного мага своей гильдии.

– И... кто это мог быть?! Вы же сильнейший!

– Вот и меня теперь очень интересует этот вопрос, – так же невесело усмехнулся Кармель. – Кто заставил Морхальта забыть то, чему негодяй посвятил столько сил и времени? Кто послал вам это ночное видение? Как вы там сказали? Прошное стучится в наше настоящее? Очень верно сказано... Понимаете, Айлин, у меня ведь были связаны руки. Я не мог явиться в службу безопасности Ордена и заявить, что устроил апоплексический удар магистру Зеленой Гильдии, потому что мне что-то почудилось в его мыслях. Мне не почудилось! Но как я мог это доказать? Разумники не читают мысли напрямую, это общеизвестно. И уж тем более невозможно читать мысли через амулет... Хорошо, допустим, я смог бы доказать свои особые способности. И даже пройти допрос у мэтра Овайна в подтверждение своей искренности.

Хотя Овайн против меня слабоват, и Денвер мог посчитать такой допрос недостаточным доказательством... Но это никак не отменяет того, что я совершил преступление. Я необратимо повредил здоровье своего коллеги-магистра! А должен был рассказать о своих подозрениях тем, кто занимается расследованиями магических преступлений...

– И что было бы тогда? – тихо спросила Айлин. – Ну, кроме вашего допроса? Магистра Морхальта можно было уличить?

– В том-то и дело, что нет, – вздохнул Кармель. – Он ведь забыл не только про вас, но и про все, что собирался с вами сделать. В его разуме не осталось ни следа тех мыслей! Перед службой канцлера или безопасности Ордена оказался бы несчастный больной старик, которого изуродовал его собственный бывший ученик и нынешний коллега... Впрочем, я все рассказал Ангусу Аранвену. В его осторожности и рассудительности я всегда был уверен, а с Денвером мы не слишком ладили... Ангус спросил, можно ли найти доказательства того, что Морхальт замыслил похищение и недопустимые опыты? Но как их было найти? Он решил вас похитить в тот момент, как впервые увидел и убедился, что вы ему подходите. А потом удар – и все, помутнение рассудка. О его экспериментах над бродяжками тогда никто не знал, о жертвоприношении леди Эммелин – тем более... Ангус решил уволить Морхальта с должности лейб-лекаря – просто на всякий случай. Объяснили это заботой о его здоровье...

Правда, королева Беатрис все равно приглашала его для консультаций, но при этом всегда были другие целители... Ну и люди лорда Ангуса тайно обыскали дом Морхальта. Вот этот самый, где мы сейчас находимся.

– И ничего не нашли? – утвердительно спросила Айлин.

– Ничего. Увы, некроманта среди них не было, да и окажись он тут – вряд ли это могло помочь. Прятать могильник Морхальту помогал Денвер, а он знал свое дело. Никто не почуял неладного, пока в сад к Морхальту не занесло лорда Бастельеро с его чутьем и силой Избранного... В общем, за Морхальтом присматривали, но... он ушел с поста магистра и вел жизнь добропорядочного и законопослушного целителя. Замкнулся в своем доме, лишь иногда выезжал ко двору по приглашению, занимался научной деятельностью... И я поверил, что это была внезапная вспышка безумия! Выверт больного сознания, которое так часто случается у действительно талантливых людей. Морхальт же был гением, а они мыслят иначе, не как обычные люди. Вас он совершенно точно не помнил, это проверили и люди Ангуса. И мы... оставили его в покое... Благие, какой же я был болван!

– Вы ничего не могли сделать, – искренне сказала Айлин. – Ведь доказательств и правда не было.

– Ну почему же? – Кармель саркастически усмехнулся. – Я мог сам похитить его и распотрошить его разум до самых темных глубин. Возможно, какие-то следы и нашлись бы. Правда, Морхальт этого не пережил бы... Если бы я тогда

знал то, что знаю сейчас – так и сделал бы!

– Вы не преступник, Кармель! – Айлин подалась вперед и горячо заговорила, глядя в усталое и словно осунувшееся лицо разумника. – Вы же не такой, как он! И никогда таким не были! И вы... даже тогда спасли меня и защитили!

– Не приписывайте мне лишних заслуг, моя дорогая, – чуть заметно улыбнулся Кармель. – Я бы сделал то же самое для любого ребенка, не только для любимой племянницы Элоизы. Ангус тоже сказал, что Морхальт получил по заслугам, и посоветовал мне не терзаться угрызениями совести. Но видят Семеро, меня мучает не совесть! А осознание того, скольких бед можно было избежать, окажись я осторожнее, терпеливее и умнее, Баргот меня поберет!

– Лучше не надо, – улыбнулась ему в ответ Айлин. – А то что я буду делать, если он вас... поберет? Хватит с него и лорда Морхальта. Если боги в самом деле справедливы, моему дорогому дедушке воздается за все, что он совершил! – Она помолчала и жалобно сказала, сама ужасаясь тому, о чем подумала: – Как вы думаете, лорд Эдвин знал, что случилось... с его сестрой?

– Понятия не имею, – вздохнул Кармель. – Но вот это я непременно выясню. Вы позволите мне взять дневник Морхальта?

– Забирайте! – Айлин с отвращением глянула на проклятую книжицу, так безобидно притаившуюся на туалетном столике. – Только расскажите мне потом, если узнаете что-

нибудь важное. Пожалуйста! И не надо меня жалеть или думать, что я испугаюсь... Я не боялась живых мерзавцев, не испугаюсь и рассказа о дохлом!

– Моя храбрая маленькая Айлин, – нежно улыбнулся ей Кармель, вставая. – Ми брава аморе, как говорит наш друг Лучано... Хорошо, обещаю ничего от вас не скрывать. А сейчас попробуйте все-таки уснуть?

Айлин бросила взгляд в окно. Как темно! Который же час ночи? Второй, третий? Неважно, до рассвета еще далеко, и Кармель прав – стоило бы попытаться уснуть, но что, если видение повторится? И она опять перебудит весь дом...

– Я попробую, – пообещала она, и Кармель кивнул.

– К сожалению, я не могу создать для вас приятных снов, – тихо сказал он. – Но могу сделать так, что вы не увидите ни одного сна до самого утра. Правда, это потребует магии, но если вы потерпите...

– О, пожалуйста! – горячо попросила Айлин. Даже если она снова увидит магию разума в виде змеи, как когда-то давно... Любая магия лучше, чем эти видения! Да змеи в сравнении с милордом Морхальтом – безобиднейшие существа!

Кармель с улыбкой кивнул, провел ладонью перед ее лицом, что-то тихо шепнул – и огромная белая змея раздула капюшон, грациозно изогнулась, обвилась вокруг Айлин, оказавшись вдруг теплой и приятной, и ласково, утешительно зашипела. «И почему я раньше так боялась змей?» – удивилась Айлин и, словно по ледяной горе, скатилась в сон.

Письмо от Аранвена-младшего принесли к завтраку, и если до этого Грегор с трудом, но пытался что-нибудь съесть, то один лишь вид простого серого конверта с лебедем на сургучной печати отбил у него всякое желание давиться омлетом и гренками. Торопливо вскрыв конверт, Грегор прочел несколько строк, написанных идеально ровным, прекрасно ему знакомым почерком Дарры. Надо же, какая учтивость, даже секретарю не поручил!

Холодное, но безупречно вежливое письмо гласило, что свидетельские показания достойных доверия лиц позволили опознать троих человек из шести, благодаря чему стал возможен ритуал призыва. Эти трое, в свою очередь, назвали имена остальных, что позволило допросить и их тоже. Преступники – шайка наемников разного происхождения и звания – единогласно признались, что были наняты для похищения леди Бастельеро неким лицом, чье имя и мотивы им остались неизвестны. Им велели ждать карету по дороге из особняка Бастельеро в особняк Эддерли, убить кучера и всех, кто будет в карете, кроме молодой рыжеволосой дамы, которую предполагалось вывезти в Озерный край и передать нанимателю.

Однако похищение сорвалось. Двое наемников были убиты самой леди Бастельеро и ее собакой, остальные четверо

по неизвестной причине перебили друг друга. Все призванные смогли сообщить о своей смерти лишь разрозненные, крайне противоречивые и совершенно недостоверные сведения. Возможно, перед смертью на них подействовали магией иллюзии, туманящим разум артефактом или, как предположил его светлость Фарелл, отравляющим веществом. О судьбе пропавшей леди наемники не имеют ни малейшего понятия...

Еще Аранвен писал, что все меры, принятые по розыску леди Бастельеро, успеха пока не имеют, и заказчик похищения на встречу в условленное место и время не явился. Удалось установить, что печать на письме, которым леди Бастельеро выманили из дома, подлинная, однако леди Мариан Эддерли поклялась Благими, родовой честью и магическим даром, что данного письма не писала и никому не поручала это сделать, такую же клятву принес лорд Говард Эддерли. Обстоятельства, при которых злоумышленник получил доступ к их родовой печати, чете Эддерли неизвестны и в данный момент расследуются...

И, наконец, с той же ледяной учтивостью Дарра Аранвен извещал Великого Магистра, что вынужден просить об отставке с должности преподавателя Академии в связи с новыми обязанностями лорда-канцлера. Соответствующее прошение уже направлено в канцелярию Академии и магистру гильдии, замена для ведения учебных часов найдена, расчет получен, так что присутствие бывшего мэтра Аранвена

в Академии с нынешнего дня не требуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.